БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

О. БИСМАРК

МЫСЛИ И ВОСПОМИНАНИЯ

ТОМ ТРЕТИЙ

ОГИЗ · СОЦЭКГИЗ

БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

О. БИСМАРК

МЫСЛИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Перевод с немецкого
под редакцией проф. А. С. ЕРУСАЛИМСКОГО

ТОМ
III

ОГИЗ. СОЦЭКГИЗ. 1941

* * *

Русский перевод третьего тома книги Бисмарка «Мысли и воспоминания» сверен по немецкому изданию: *Otto Furst von Bismarck,* Gedanken und Erinnerungen, Dritter Band, Stuttgart und Berlin, 1922.

Отмеченные звездочкой (*) подстрочные примечания, за исключением специально оговоренных, принадлежат Бисмарку. Необходимые для понимания текста слова, вставленные немецким издателем или редакцией русского перевода, заключены в квадратные скобки [ ].

Примечания, принадлежащие немецкому издателю, даны по книге: Bismarck, Gedanken und Erinnerungen. Die drei Bande in einem Bande J. G. Gotta'sche Buchhandlung Nachfolger. Stuttgart und Berlin. 1928.

В конце тома приложены указатели имен и предметный ко всем трем томам.

Перевод третьего тома книги Бисмарка «Мысли и воспоминания» на русский язык сделан *Г. В. Гермаидзе.*

Примечания и указатель имен составил *В. В. Альтман.*

В редактировании русского перевода третьего тома книги Бисмарка «Мысли и воспоминания» и примечаний к нему принимали участие *В. М. Турок, В. А. Гиндин.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИНЦ ВИЛЬГЕЛЬМ

При старом императоре я долгое время добивался, чтобы его внук [1] получил подготовку, соответствующую его высокому призванию. Прежде всего, я считал целесообразным вырвать престолонаследника из ограниченного круга полковой службы в Потсдаме [2] и приобщить его к иным, невоенным интересам современности. У меня не было возможности добиться назначения его на какой-либо гражданский пост, сначала, примерно, ландрата, а затем регирунгс-президента[3], с опытным чиновником в качестве советника, и я ограничился попыткой добиться для начала перевода принца в Берлин по военной слу?кбе и там ввести его в соприкосновение с более широкими кругами общества и с различными центральными ведомствами. Существенные препятствия, повидимому, заключались в сомнениях министерства двора, опасавшегося расходов, которые вызовет пребывание принца в Берлине и, в частности, необходимость оборудовать замок Бельвю[4]. Местопребыванием принца остался Потсдам, где ему читал лекции обер-президент фон Ахенбах. Кроме того, по желанию принца, я получил в 1886 г. разрешение его величества допустить принца к документам и делам ведомства иностранных дел. Правда, против этого резко возражал кронпринц[5], который 28 сентября писал мне по этому поводу из Портофино (близ Генуи):

«Мой сын, принц Вильгельм, без моего ведома, выразил его величеству желание предстоящей зимой ближе ознакомиться с деятельностью наших министерств. Вследствие этого в Гаштейне, как я узнал, уже имеют в виду его занятия в ведомстве иностранных дел.

Так как до сих пор я ни от кого не получил об этом официального уведомления, то вынужден прежде всего доверительно обратиться к вам, во-первых, чтобы узнать, какое решение уже вынесено, а затем, чтобы заявить, что, несмотря

на мое принципиальное согласие на ознакомление моего старшего сына с вопросами верховного управления, я решительно против того, чтобы он начал с ведомства иностранных дел.

Дело в том, что ввиду важности предстоящей принцу задачи я считаю целесообразным в первую очередь ознакомить его с внутренними отношениями в своей собственной стране и лишь после основательного их изучения допустить его, хотя бы в некоторой степени, к занятиям политикой, — в особенности принимая во внимание его склонность к слишком поспешным и скороспелым суждениям. В его знаниях еще много пробелов; до сих пор ему нехватает необходимых основ. Поэтому совершенно необходимо пополнить и усовершенствовать его знания. Этой цели можно было бы достигнуть, прикомандировав к нему гражданского советника, и, одновременно с этим или позднее, путем его занятий в одном из министерств, ведающих делами внутреннего управления.

Но ввиду недостаточной зрелости и неопытности моего старшего сына, в сочетании с его склонностью к самомнению и преувеличению, считаю прямо-таки *опасным* уже сейчас допустить его к вопросам внешней политики.

Прошу вас рассматривать это сообщение, как адресованное лишь лично вам, и рассчитываю на вашу поддержку в этом крайне волнующем меня деле».

Я сожалел о тех отношениях между отцом и сыном, о которых свидетельствовало это письмо, об отсутствии между ними контакта, на который я рассчитывал; правда, подобные же отношения существовали в течение ряда лет между его величеством и кронпринцем. В то время я, однако, не мог присоединиться к мнению последнего, потому что принцу было уже 27 лет, между тем как Фридрих Великий вступил на престол 28 лет от роду, а Фридрих-Вильгельм I и Фридрих-Вильгельм III — в еще более молодом возрасте. В своем ответе я ограничился ссылкой на то, что император приказал «прикомандировать» принца к ведомству иностранных дел. При этом я подчеркнул, что в королевской семье авторитет отца отступает перед авторитетом монарха.

Против перевода принца в Берлин император выдвинул в первую очередь не соображения о расходах, а то обстоятельство, что принц слишком молод для повышения в следующий военный чин, которое должно было послужить внешним поводом к переезду в Берлин. Мне нисколько не помогло напоминание императору о его собственном, гораздо более быстром, продвижении по [ступеням] военной иерархии. Взаимоотношения молодого принца с нашими центральными учреждениями ограничивались подчиненным мне ведомством иностранных дел, с более интересными документами которого он охотно знакомился, не проявляя при этом склонности к усидчивому

труду. Для более основательного ознакомления принца с административной службой и для того, чтобы, наряду с военными элементами, с их товарищескими замашками, ввести в постоянное общение с ним гражданские элементы, я просил у императора разрешения прикомандировать к его королевскому высочеству одного из высших чиновников с научным образованием. Для этой цели я предложил помощника статс-секретаря в министерстве внутренних дел Геррфурта, который знал законодательство и статистические данные в масштабе всей страны и поэтому казался мне особенно подходящим для роли ментора престолонаследника. В январе 1888 г. мой сын[6] по моей инициативе пригласил к обеду принца и Геррфурта, чтобы лично познакомить их друг с другом. Но это знакомство не повело к дальнейшему сближению. Принц заявил, что с такой неопрятной бородой он в детстве представлял себе Рюбецаля[7], и на мой вопрос сам указал, как на подходящую для него личность, на правительственного советника и офицера запаса фон Бранденштейна из Магдебурга. Последний, действительно, оказался во всех отношениях подходящим для этой цели человеком. По моей просьбе, он вступил в эту должность, но уже в середине марта выразил пожелание об освобождении от нее и о возвращении в провинцию к своей прежней деятельности. Он встретил очень милостивое обхождение принца и был желанным гостем на всех обедах, но не ощущал пользы от своей службы и не мог свыкнуться с праздной придворной жизнью. Однако его уговорили временно остаться. В июне, когда принц вступил на престол, фон Бранденштейн по его повелению получил назначение в Потсдам с повышением по службе, несмотря на протест соответствующих ведомств по поводу нарушения прав старшинства при продвижении в чинах.

Мои старания добиться перевода принца по военной службе в одну из провинций лишь для устранения влияния потсдамской полковой среды остались безрезультатными. Расходы по содержанию принца и его свиты в провинции представлялись министерству двора еще более значительными, чем в Берлине. К тому же и принцесса[8] была против этого плана. Правда, в январе 1888 г. принц был назначен командиром бригады в Берлине, но быстрое течение болезни отца[9] в конце концов не позволило принцу, до его вступления на престол, получить иные впечатления о внутренней жизни государства, чем те, которые могла вызвать полковая жизнь.

Наследник престола, будучи приятелем молодых офицеров, наиболее одаренные из которых, быть может, помышляют при этом только о своей служебной карьере, лишь в редких случаях может рассчитывать на то, что влияние среды поможет ему подготовиться к будущей деятельности. Я глубоко сожа-

лел о тех ограничениях, на которые теперешний император был обречен в прошлом из-за скупости министерства двора, но этого я не в состоянии был изменить. Вот почему он вступил на престол с взглядами, чуждыми нашим прусским понятиям и нашей государственной жизни.

С 1884 г. принц вел со мной переписку, временами оживленную. Некоторое недовольство впервые проявилось в его письмах после того, как я при помощи убедительных аргументов, но в весьма почтительной форме, отсоветовал ему две затеи. Одна из них связана с именем Штекера.

28 ноября 1887 г. у генерал-квартирмейстера[10] графа Вальдерзее состоялось собрание, в котором приняли участие принц Вильгельм с принцессой, придворный проповедник Штекер, депутаты и другие видные лица. Собрание должно было обсудить вопрос об изыскании средств для Берлинской городской миссии[11]. Граф Вальдерзее открыл совещание речью, в которой подчеркнул, что городская миссия не имеет какой-либо политической окраски и единственным ее принципом является верность королю и воспитание патриотического духа; что единственным верным средством противодействовать анархистским тенденциям является забота о духовной пище наряду с материальной помощью. Принц Вильгельм, выразив свое согласие с высказываниями графа Вальдерзее, и, согласно отчету, помещенному в «Kreuzzeitung»[12], употребил термин «христианско-социальная идея»[13].

По возвращении с собрания принц посетил моего сына и, рассказывая о происходившем там, заметил: «А все-таки в Штекере есть нечто от Лютера». Мой сын, который впервые об этом собрании услышал от принца, ответил, что у Штекера, быть может, и есть свои заслуги и что он хороший оратор, но что он — натура неуравновешенная и не всегда может положиться на свою память. Принц возразил, что тем не менее Штекер завоевал императору много тысяч голосов, отняв эти голоса у социал-демократов. Мой сын ответил, что со времени выборов 1878 г.[14] число социал-демократических голосов постоянно возрастало, а оно должно было бы заметно уменьшиться, если бы Штекер действительно завоевал часть голосов. В Берлине участие населения в выборах незначительно, но берлинец любит собрания, шум и перебранку, и некоторые из равнодушных избирателей, обычно не голосовавшие, конечно, могли в результате агитации Штекера явиться на выборы и голосовать за предложенного Штекером кандидата. Но было бы заблуждением считать, что Штекер и его агитация *убедили* значительное число социал-демократов.

Вскоре после этого в Лецлингене[15], в связи с охотой, состоялся обед, после которого принц показал присутствующим газету со статьей о задачах упомянутого собрания. В беседе,

завязавшейся по этому поводу между спутниками принца, мой сын отстаивал взгляд, что Штекера надо рассматривать не как пастора, а как политика. Но в качестве политика он допускает слишком большие крайности, чтобы можно было рекомендовать принцу отождествлять его взгляды со своими.

Из Лецлингена мой сын поехал через Берлин прямо в Фридрихсруэ[16], где я к этому времени прочитал несколько статей о так называемом собрании у Вальдерзее и спросил сына о значении этого собрания. Он рассказал о том, что произошло в Лецлингене. Я одобрил его точку зрения, заметив, что пока все это меня не касается. Между тем шумиха, поднятая прессой, росла, а люди благомыслящие посещали моего сына и, имея в виду интересы принца, горько сетовали на то, что принц ввязался в историю, из которой он сейчас не может выпутаться. Приближенные принца, которые беседовали с ним по этому поводу, были поражены его резкостью и рассказывали, что моего сына очернили перед ним; камергер фон Мирбах заверил принца, что в декабре мой сын якобы поместил в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung»[17] резкие статьи, которые для картеля[18] и для либеральной прессы послужили сигналом занять позицию против принца и против его штекерианства. В действительности эти статьи были написаны Роттенбургом*. Ни сын мой, ни я никогда их не читали.

Воздействие этого натравливания мой сын заметил на ближайшем придворном празднестве и на всех последующих, где принцесса, до сих пор благосклонно относившаяся к моему сыну, упорно его игнорировала. Впервые он вновь удостоился внимания лишь накануне отъезда в Петербург[19], когда на приеме присутствовало государственное министерство в полном составе.

У меня не было оснований заниматься этим вопросом, пока принц не обратился ко мне со следующим письмом:

«Потсдам, 21 декабря 1887 г.

К своему сожалению, я узнал, что ваша светлость, повидимому, не согласны с делом, начатым мною в интересах бедных классов нашего народа. Боюсь, что поводом к извращению моих намерений послужили сообщения, исходившие от социал-демократических газет, к сожалению, перепечатанные многими другими газетами. При тех близких отношениях, которые уже так давно связывают вашу светлость со мной, я каждый день ждал, что ваша светлость обратится за информацией непосредственно ко мне. Поэтому я до сих пор молчал; но чтобы предотвратить дальнейшие недоразумения и кривотолки, я считаю теперь своим долгом ясно осведомить вашу

* Начальник имперской канцелярии.

светлость о действительной сути дела. В прошлом году многие высокопоставленные лица в Берлине и вне Берлина неоднократно высказывали мне пожелание, чтобы время от времени в пользу бедного населения Берлина устраивались большие празднества, сборы с которых являлись бы постоянным пособием для Берлинской городской миссии. С соизволения его величества императора было предположено устроить кавалерийский праздник под моим покровительством. Но тогда он не состоялся. Осенью снова вернулись к этому проекту; но, вследствие тяжелой болезни моего отца, он и на сей раз не осуществился. Вместо этого обратились к моей жене с просьбой принять покровительство над большим [благотворительным] базаром, как и два года тому назад. Однако принцесса была слишком потрясена все более тревожными известиями о состоянии кронпринца и выразила пожелание воздержаться также от устройства базара и от других предполагавшихся празднеств. Она предложила обратиться с призывом о широком сборе пожертвований непосредственно ко всем друзьям городской миссии и друзьям нуждающихся.

С этой целью предполагалось образовать широкий комитет, в состав которого я предложил вступить друзьям этого начинания из всех провинций, и притом преднамеренно из самых разнообразных политических партий и различных вероисповеданий. По моему предложению комитет возглавили: граф Штольберг, министр фон Путкаммер, министр фон Госслер, граф Вальдерзее, граф Гохберг и их супруги.

28 ноября мы с женой пригласили на предварительное совещание к графу Вальдерзее около 30 человек. Я изложил участникам мои намерения и подчеркнул, что в этом деле христианской любви для меня чрезвычайно важно объединить людей из различных политических партий, чтобы тем самым устранить всякую мысль о политике и воодушевить для этого общего христианского дела наибольшее количество различных благонамеренных людей. Само собой разумеется, что именно мне в моем затруднительном, ответственном и щекотливом положении важно было не придавать этому начинанию политической окраски. Но, с другой стороны, я глубоко убежден, что объединение для указанной цели — задача, к которой следует стремиться и которая даст самое действительное средство для решительной борьбы с социал-демократией и анархизмом. Городские миссии, уже существующие в отдельных крупных городах империи, представляются мне подходящим для этого орудием.

Поэтому я с радостью приветствовал предложение, исходившее от различных групп, особенно от либералов — фон Бенда и других, — в равной мере распространить предполагаемое начинание на все крупные города монархии. Таким

образом, Берлинская городская миссия стала бы лишь равноправным звеном в цепи многих других аналогичных городских миссий и не имела бы никаких преимуществ по сравнению с магдебургской или штеттинской миссией.

Тем самым, надо надеяться, будут рассеяны подозрения, которые немедленно были искусственно вызваны прессой при помощи преднамеренных искажений, — подозрения в том, что речь будто бы идет о специфически штекеровском начинании. К тому же объединенные городские миссии предполагается поставить под надзор и руководство какого-либо видного священника, но, *во всяком случае,* не Штекера, — причем этот священник также будет членом делового комитета, в который войдут перечисленные выше министры. Таким образом, Берлинская городская миссия, а следовательно, и вызывающий опасения Штекер, оказались бы в равном положении со всеми остальными миссиями, и его участие в деле, руководимом *комитетом,* было бы не больше, чем участие главы городской миссии Лейпцига, Гамбурга или Штеттина. Берлинская городская миссия является учреждением, существующим на регулярные церковные сборы и единогласно санкционированным Генеральным синодом на его последнем заседании, в том числе даже его либеральной частью. Во всех провинциях наиболее знатные и почтенные люди в течение ряда лет возглавляют благотворительные ферейны городских миссий. Я надеюсь, что поддержка этих организаций и привлечение их к этому делу окажет наилучшую помощь в деле морального подъема масс, благодаря сотрудничеству столь благородных сил.

Меня возмутило, что посредством лживого, но очень хитрого и хорошо рассчитанного подчеркивания личности Штекера пытались навлечь подозрение на это начинание и ему воспрепятствовать. Несмотря на все, достойные признания, заслуги этого человека перед монархией и христианством, мы, именно учитывая общественное мнение, отвели Штекеру второстепенную роль в намеченном мною объединении. Как я уже указал выше, это в еще большей степени необходимо при распространении нашего дела на всю монархию. Уже на самом собрании это было резко подчеркнуто графом Вальдерзее. Так как все начинание лишено какой-либо политической окраски, то для всех партий открыта возможность сотрудничества, а к руководству работой миссий в стране предполагается призвать человека, который отнюдь не является политиком, и ему подчинить отдельные городские миссии.

С этой целью будет запрошено также мнение господина министра вероисповеданий: может ли он предложить подходящую кандидатуру?

Мне кажется, что такие люди, как граф Штольберг, Вальдерзее, генерал граф Каниц, граф Гохберг, граф Цитен-Шве-

рин, фон Бенда, Микель и преданные коллеги вашей светлости, фон Путкаммер и фон Госслер, являются достаточной порукой тому, что дело будет вестись правильным и надлежащим образом и что оно разовьется на благо страны и к вящему упрочению тяжелого и великолепного труда вашей светлости внутри государства. Меня лично воодушевляет только одно — столь часто выражавшееся его величеством желание вернуть отечеству заблуждающиеся народные массы посредством совместной христианской деятельности *всех* благонамеренных элементов из любого сословия и любой партии. Ведь это намерение отстаивает и ваша светлость. Вначале сообщение о нашем начинании вызвало широкое одобрение, пока социал-демократические и свободомыслящие газеты [20] не обрушились на это начинание, распространяя самые невероятные и подчас бесстыдные инсинуации. Во всяком случае, они достигли того, чего хотели: многие были озадачены. Но я твердо надеюсь, что уже проявляющееся во многих местах сочувствие к моим истинным, непристрастным взглядам послужит на пользу и принесет благословение доброму делу, а гнусные нападки будут только содействовать раскрытию правды и ее разъяснению.

Глубокое, горячее чувство почтения и сердечная преданность, которые я питаю к вашей светлости (я скорее позволил бы разрубить себя на куски, чем предпринял бы что-либо причиняющее вам затруднения или неприятности), служат, по моему мнению, порукой тому, что в задуманном мною деле я не примкнул ни к какой партийно-политической идеологии. Равным образом большое доверие и теплая дружба, которые ваша светлость всегда оказывали мне и на которые я с чувством гордости, благодарности и радости неизменно отвечал тем же, позволяют мне надеяться, что после этого разъяснения ваша светлость благосклонно отнесетесь к делу, начатому мною с чистейшими помыслами и с бодрой уверенностью, рука об руку со многими преданными и благородными людьми, и не откажете мне в поддержке, которая самым действенным образом рассеет все подозрения.

Итак, вкратце резюмирую: вскоре будет создан деловой комитет с участием министров, который определит общее направление работы, в частности комитет будет иметь в виду распространение своей деятельности на всю страну. Провинции и их главные города посылают своих уполномоченных, которые являются их представителями и руководят работой на местах. Руководство работой миссий следует поручить подходящему для этого лицу, которое в то же время является членом комитета (например, генерал-суперинтенденту?)[21] и руководит всеми миссиями. Время от времени комитет сообщает мне о своих решениях. Я не связан с этим начинанием даже в ка-

честве покровителя, а лишь издали благосклонно содействую его успеху.

Заканчивая на этом свое письмо, желаю вашей светлости счастливого нового года. Да будет вам и впредь суждено с испытанной и мудрой заботой руководить страной, будь то для мира или для войны. И если суждено разразиться войне, не забывайте, что всегда наготове рука и меч у того, чьим предком был Фридрих Великий, один боровшийся с втрое большим количеством врагов, чем их имеется в настоящее время у нас, и что 10 лет упорной военной подготовки не пропали для него даром!

В остальном «Allweg guet Zolre!»[22].

С чувством самой преданной дружбы

Вильгельм, принц Прусский».

За несколько недель до этого принц сообщил мне о другом своем замысле следующим письмом:

«Потсдам, 29 ноября 1887 г.
Мраморный дворец.

При сем позволяю себе препроводить вашей светлости документ, который я составил, ввиду того, что не исключена возможность близкой или неожиданной кончины императора и моего отца. Это краткий указ моим будущим коллегам — германским имперским князьям. Точка зрения, из которой я исходил, вкратце сводится к следующему:

Империя еще молода, а совершающаяся в ней перемена — первая за время ее существования. При этом власть переходит от могущественного государя, принимавшего выдающееся участие в истории созидания и основания империи, к юному и сравнительно неизвестному государю. Почти все князья принадлежат к поколению моего отца, и, рассуждая по-человечески, нельзя поставить им в вину, если переход под власть нового, столь юного государя отчасти придется им не по вкусу. Поэтому установленный божьей милостью порядок наследования должен быть преподнесен князьям как непреложный fait accompli [совершившийся факт]; и притом таким образом, чтобы у них не было времени много мудрствовать на сей счет. Поэтому мой замысел и мое желание сводятся к тому, чтобы это обращение после просмотра, а в случае необходимости и изменения вашей светлостью, было депонировано в запечатанном пакете при всех миссиях и в случае моего вступления в управление государством было немедленно передано посланниками соответствующим князьям. У меня прекрасные отношения со всеми моими родственниками в империи; почти с каждым из них я за это время уже переговорил о будущем,

и, пользуясь своими родственными связями с большинством этих правителей, я постарался создать весьма приятную базу для дружеского общения. Ваша светлость усмотрит это из того места моего обращения, где говорится о поддержке советом и делом; иными словами, старые дяди не должны подставлять ножку милому молодому племянничку! Я часто обменивался мыслями со своим отцом относительно положения будущего императора, причем я очень скоро убедился, что мы придерживаемся весьма различных взглядов. Мой отец был всегда того мнения, что он один должен командовать, а князья обязаны повиноваться. Я же считал, что князей надо рассматривать не как сборище вассалов, а скорее как своего рода коллег, чьи слова и пожелания следует спокойно выслушивать. Что же касается выполнения, то — это другое дело. Мне будет легко, обращаясь с этими господами, как племяннику с дядей, приобрести их расположение мелкими любезностями и подкупить их вежливыми визитами. Позволив убедить себя в правильности моего образа мыслей и действий и дав прибрать себя к рукам, они тем охотнее будут мне повиноваться. А повиноваться придется! Однако лучше если это происходит по убеждению и доверию, чем по принуждению.

В заключение выражаю надежду, что желанный сон вернулся к вашей светлости. Остаюсь всегда искренне преданный вам

Вильгельм, принц Прусский».

На оба послания принца я ответил следующим письмом:

«Фридрихсруэ, 6 января 1888 г.

Ваше королевское высочество великодушно простит мне, что я еще не ответил на ваши милостивые послания от 29 ноября и 21 декабря. Я так изнемог от болезни и бессонницы, что с трудом справляюсь с повседневной корреспонденцией, и всякое напряжение усиливает мою слабость. На письма вашего высочества я могу ответить лишь собственноручно, а моя рука уже не повинуется мне с прежней легкостью. Кроме того, чтобы дать удовлетворительный ответ именно на эти письма, мне пришлось бы написать историко-политический труд. Но по доброй поговорке: «лучшее — враг хорошего», — я предпочитаю ответить, насколько мне позволяют силы, чем в непочтительном молчании ожидать укрепления моих сил. Я надеюсь вскоре быть в Берлине и в личной беседе восполнить то, что мои силы не позволяют написать.

Приложение к письму от 29 ноября прошлого года честь имею всеподданнейше при сем возвратить и позволяю себе почтительнейше посоветовать вашему высочеству незамедлительно сжечь его. Если бы подобный проект *преждевременно*

получил огласку, то произвел бы тяжелое впечатление не только на его величество императора, но и на его королевское высочество кронпринца; а в наши дни сохранение тайны всегда сомнительно. Даже единственный существующий экземпляр, который я тщательно хранил здесь под замком, может попасть в ненадлежащие руки; если же заготовить десятка два копий и депонировать их в семи миссиях, то умножится возможность неприятных случайностей и людской неосторожности. Наконец, даже в том случае, если документы будут использованы в соответствии со своим назначением, то если бы стало известным, что они были составлены и заготовлены до смерти правящих особ, это не произвело бы хорошего впечатления. Я был сердечно обрадован тем, что, в противоположность более резким воззрениям вашего светлейшего отца, ваше высочество признаете политическое значение *добровольного* сотрудничества союзных князей в интересах империи. Не далее чем 17 лет тому назад мы подпали бы под власть парламента, если бы князья не стояли твердо на стороне империи, и притом добровольно, ибо они сами рады сохранить то, что им гарантирует империя; а в будущем, когда потускнеет ореол 1870 года, безопасность империи и ее монархических учреждений в еще большей мере будет зависеть от единодушия князей. Князья — не подданные, а союзники императора[23], и если в отношении их не будет соблюден союзный договор, то и они не будут чувствовать себя обязанными к этому и попрежнему будут — хотя и считают свои чувства национальными — при первом благоприятном случае искать опоры у России, Австрии и Франции, до тех пор, пока император сильнее князей. Так было в течение тысячи лет, так будет и впредь, если снова возбудить старое соперничество между династиями. Acheronta movebunt[24]. Оппозиция в парламенте также приобрела бы совершенно иную силу, если бы прекратилась существующая до сих пор сплоченность Союзного совета и Бавария и Саксония стали бы действовать заодно с Виндгорстом и Рихтером[25]. Поэтому вполне правильна политика, которая побуждает ваше высочество обратиться прежде всего к «господам родственникам». Но я всеподданнейше советую дать при этом заверение, что новый император будет так же добросовестно уважать и охранять «договорные права союзных князей», как и его предшественники. Не рекомендуется особенно подчеркивать при этом «созидание» и «объединение» империи, как *предстоящую* работу, так как князья могут подразумевать под этим дальнейшую «централизацию» и умаление оставшихся им по конституции прав. Если же в Саксонии, Баварии и Вюртемберге возникнет недоумение, то обаяние национального единства и его могучее влияние рассеется и в новых провинциях Пруссии, а в особенности за границей. Против социал- и прочих

демократов национальная идея сильнее, чем христианская, если, быть может, не в деревне, то в городах. Я очень сожалею об этом, но вижу вещи, как они есть. Однако самую прочную основу монархии я ищу не в этих идеях, а в королевской власти, носитель которой готов не только в спокойные времена *трудолюбиво* работать над преуспеянием государства, но и в критические моменты исполнен решимости скорее пасть с мечом в руках на ступенях трона в борьбе за свои права, чем отступить. Такого государя не покинет ни один немецкий солдат, и верной остается старая поговорка 1848 г.: «Против демократа — помощь только у солдата». Священники могут здесь много испортить и мало помочь; области, являющиеся наиболее сильным оплотом духовенства, бывают и наиболее революционными. В 1848 г. в Померании с ее верующим населением все священники стояли за правительство, и тем не менее вся Восточная Померания голосовала за социалистов — за поденщиков, кабатчиков и скупщиков яиц.

Тем самым я перехожу к содержанию вашего милостивого письма от 21-го прошлого месяца. Лучше всего начать с его заключительной части, проникнутой сознанием того, что ваш предок — Фридрих Великий. Я прошу ваше высочество следовать его примеру не только как полководца, но и как государственного деятеля. Великому государю не было свойственно полагаться на такие элементы, как «внутренняя миссия». Конечно, времена теперь иные, но успехи, завоеванные речами и ферейнами, и сейчас не являются прочной опорой для монархических позиций. К ним применима поговорка: «как добыто, так и прожито». Красноречие противников, ядовитая критика, бестактность единомышленников, немецкая страсть к раздорам и отсутствие дисциплины — все это легко готовит печальный исход наилучшему и честнейшему делу. С такими предприятиями, как «внутренняя миссия», в особенности в случае ее расширения до предположенных размеров, по моему всеподданнейшему разумению, не следовало бы связывать имени вашего высочества, дабы оно не было затронуто возможной неудачей. Никак нельзя точно учесть возможность успеха, раз связи распространяются на все крупные города, и, таким образом, вбирают все элементы и направления, которые уже существуют в местных организациях или могут в них проникнуть. Наконец, в таких ферейнах решающее значение для реального результата имеют не деловые цели, а руководящие *лица,* которые и определяют характер и направление ферейнов. Это бывают ораторы и духовные лица, а зачастую также и дамы, одним словом, такие элементы, которые могут быть использованы для политической деятельности в государстве лишь с большой осторожностью. Я никоим образом не хотел бы, чтобы от поведения и *такта* этих элементов в ка-

кой-либо степени зависело мнение народа о своем будущем короле. Всякая ошибка, всякий неловкий шаг, излишнее рвение в деятельности ферейнов дадут республиканским газетам повод отожествлять ошибки ферейнов с их высоким покровителем.

Ваше высочество приводит многочисленные имена почтенных лиц, выразивших согласие на сотрудничество с вами. Среди них я не вижу ни одного, от кого я хотел бы ожидать *единоличной* ответственности за будущность страны. Кроме того, спрашивается, многие ли из этого списка проявили бы действительно серьезный интерес к делу «внутренней миссии», если бы не знали, что ваше высочество и принцесса принимают участие в этом начинании. Я не пытаюсь вызвать недоверие там, где имеет место доверие. Но, как показывает опыт, монарх не может обойтись без некоторой недоверчивости, а ваше высочество слишком близки к этому званию, чтобы не проверять всякий раз, относится ли предупредительность отдельных лиц к *делу,* о котором идет речь, или к будущему монарху и его милости. Тот, кто желает добиться от вас чего-либо в будущем, уже теперь постарается установить отношения и связи с будущим императором. А много ли людей без тайных помыслов и честолюбия? И даже тот, кто лишен их, не чужд господствующему в наших монархически настроенных кругах стремлению приблизиться к монарху. Если бы не ее величество императрица, то Красный крест и другие ферейны не привлекли бы так много участников; стремление установить связь с двором способствует любви к ближнему. Это — даже отрадное явление и не приносит вреда *императрице.* Иначе обстоит дело с наследником престола. Среди имен, названных вашим высочеством, нет ни одного без всякого *политического* привкуса, и готовность служить пожеланиям высокого покровителя имеет в своей основе надежду обеспечить содействие будущего короля лично себе или своей фракции. После вступления на престол вашему высочеству придется пользоваться по своему усмотрению людьми и партиями с осторожностью и с переменной удачей, не допуская при этом внешней приверженности к одной из наших фракций. Бывают периоды либерализма и периоды реакции, а также господства насилия. Дабы сохранить за собою необходимую свободу действия, надо остерегаться, чтобы общественное мнение не причислило ваше высочество, уже в бытность наследником престола, к какому-либо партийному направлению. А этого не избежать, если у вашего высочества установится с «внутренней миссией» органическая связь в качестве ее покровителя. Для меня имена фон Бенда и Микеля являются лишь орнаментом; оба они — кандидаты на министерский пост в будущем; однако в сфере действия миссии они вскоре откажутся от соревнования со Штекером

и другими священниками. Уже самое название «миссия» позволяет сделать прогноз, что духовенство наложит свою печать на это предприятие даже в том случае, если руководящим членом комитета не будет генерал-суперинтендент. Я ничего не имею против Штекера; по моему мнению, у него как у политика только один недостаток, что он — священник, и как у священника — что он занимается политикой. Я радуюсь его смелой энергии и его красноречию, но ему положительно не везет. Успехи, которых он добивается, мимолетны; он не умеет закрепить и сохранить их; каждый равноценный ему оратор, — а такие имеются, — отнимает их у него. *Невозможно будет отделить Штекера от внутренней миссии,* а его находчивость обеспечит ему в миссии решающее влияние как на своих собратьев по сану, так и на мирян. Репутация, которая установилась до сих пор за Штекером, отнюдь не облегчает задачу защищать его или оказывать ему покровительство. Всякая власть в *государстве* сильнее без него, чем с ним, но на арене партийной борьбы он — Самсон. Он возглавляет элементы, находящиеся в резком противоречии с традициями Фридриха Великого, и правительство Германской империи не смогло бы на них опираться. Со своей прессой и небольшим числом своих приверженцев Штекер причинил мне много хлопот и внес колебания и раскол в мощную консервативную партию. «Внутренняя миссия» — это почва, от прикосновения к которой Штекер, подобно великану Антею, будет постоянно черпать новые силы и на которой он будет неодолим. Ваше высочество и ваши будущие министры существенно усложнят свои задачи, если включат в них представительство «внутренней миссии» и ее органов. Как только евангелический священник чувствует себя достаточно сильным, он так же склонен к теократии [26], как и католический священник, но справиться с ним при этом труднее, так как над ним нет папы. Я — верующий христианин, но боюсь, что мог бы в своих религиозных убеждениях сбиться с пути истинного, если бы, подобно католику, ограничивался посредничеством священника при сношениях с богом.

В милостивом письме от 21-го прошлого месяца ваше высочество высказали мнение, что я мог бы еще раньше получить у вас разъяснение по данному вопросу; однако, только последнее письмо вашего высочества ознакомило меня с положением вещей, и для моего ответа нет другой основы, кроме содержания упомянутого письма. Того, что я знал до сих пор, было, правда, достаточно, чтобы вызвать у меня некоторую тревогу по поводу нападок печати на ваше высочество, но я слишком мало верил в серьезность дела, чтобы обратиться непосредственно к вашему высочеству. Лишь письмо от 21-го убедило меня в противном.

Ваше высочество соблаговолит снисходительно отнестись к прямодушной откровенности, с которой я высказываю выше свои взгляды. Доверие, которым ваше высочество неизменно оказывает мне честь, и уверенность вашего высочества в моей почтительной преданности позволяют мне рассчитывать на такую снисходительность. Я стар и слаб, и все мое честолюбие заключается в желании сохранить за собой милость императора и его преемников, если мне суждено пережить своего государя. Чувство долга повелевает мне честно служить правящему дому и стране до тех пор, пока я в силах; по долгу этой службы я в ответ на ваше милостивое письмо настоятельно советую вашему высочеству не возлагать на себя до восшествия на престол оков, связывающих вас с какой бы то ни было политической или церковной организацией. Все союзы, в которых вступление и деятельность отдельных членов зависит от них самих, от их доброй воли и личных взглядов, могут быть эффективно использованы для *нападения* на существующее и его *разрушения,* но не для созидания и сохранения. Достаточно взглянуть на результаты деятельности консервативных и революционных союзов, чтобы убедиться в этой достойной сожаления истине. К созидательной деятельности и к сохранению жизнеспособных реформ путем *законодательства* у нас призван *только* король, стоящий во главе государственной власти. Послание императора о социальных реформах осталось бы мертвой буквой, если бы его осуществления ожидали от деятельности свободных ферейнов; хотя они могут заниматься критикой и жаловаться на недостатки, но устранять их они не могут. Неминуемую неудачу своих предприятий члены ферейнов могут тем легче переносить, что впоследствии каждый обвинит *другого;* но наследнику престола как покровителю это больше повредит в глазах общественного мнения. Быть в одном ферейне вместе с вашим высочеством лестно и полезно для каждого без всякого риска для него; только для вашего высочества дело обстоит как раз наоборот: каждый член ферейна чувствует себя возвысившимся и важничает принадлежностью к одному ферейну с престолонаследником, последний же в обмен на значение, которое он придает ферейну своим участием, не получает ничего, кроме *опасности неудачи* по вине других. Из прилагаемой вырезки, из «Freisinnige Zeitung»[27], полученной мною сегодня, ваше высочество милостиво благоволит усмотреть, как уже сейчас демократия старается отожествить ваше высочество с так называемой христианско-социальной фракцией. Те строки, которые оповещают публику о моей и вашей связи с этой фракцией, печатаются в разрядку. «Freisinnige Zeitung» делает это, конечно, не из благожелательности и не для того, чтобы оказать услугу императорскому правительству. «Религиозное и нравственное

воспитание юношества» является само по себе почетной целью, но я боюсь, что под этой вывеской преследуются другие цели — политического и иерархического характера. Лживая инсинуация пастора Зейделя[28], что я — его единомышленник и *прежде всего* в нем и в его последователях вижу христиан, — вынудит меня к опровержению, и тогда обнаружится, что между этими господами и мною примерно такое же отношение, как между мною и всякой иной оппозицией против теперешнего правительства его величества.

Мне действительно угрожает опасность написать *целую книгу.* В течение 20 лет я слишком много страдал от происков господ из «Kreuzzeitung» и от евангелистских Виндгорстов и не в состоянии говорить о них *кратко.* Заканчиваю это чрезмерно длинное письмо всеподданнейшей и сердечной благодарностью за милость и благожелательное доверие, которое выражено в послании вашего высочества».

На это я получил следующий ответ:

«Потсдам, 14 января 1888 г.

Письмо вашей светлости я получил и выражаю свою глубокую благодарность за обстоятельное и подробное изложение соображений, по которым вы считаете нужным отговорить меня от поддержки городской миссии. Могу заверить вашу светлость, что я всячески старался стать на вашу точку зрения. Прежде всего я целиком и полностью признаю необходимость воздерживаться от близкого соприкосновения с определенными партийно-политическими течениями, не говоря уже об отожествлении с ними. Это всегда было и моим принципом, которого я строго придерживался и проводил в жизнь. Но при всем желании я тем не менее не могу убедить себя в том, что в поддержке, оказанной мною стремлениям городской миссии, можно усмотреть какую-либо политическую позицию. Миссия была, есть и, насколько это от нас зависит, и впредь будет исключительно делом любви, посвященным только духовному благу неимущих и облегчению их страданий. Несмотря на ваше письмо, мне не хочется отказаться от уверенности, что при более тщательном рассмотрении ваша светлость сами признаете правильность этого положения. Поэтому, вполне отдавая должное всем аргументам, противопоставляемым мне вашей светлостью, я не могу отказаться от дела, в важности которого для общего блага я твердо убежден; а это убеждение подтверждается бесчисленными письмами и посланиями с выражением одобрения, которые поступают ко мне из всех частей монархии, особенно от католических и рабочих слоев населения. Тем не менее, не могу не согласиться с вашей светлостью в том, что желательно и необходимо какой-либо решительной мерой лишить почвы ошибочные предположения, что

дело идет о покровительстве особым политическим течениям. С этой целью я окажу воздействие на придворного проповедника Штекера, чтобы побудить его отказаться от официального руководства городской миссией и предать этот факт гласности в приличной и не компрометирующей Штекера форме. Мне кажется, что такое публичное выступление заставит смолкнуть всякие подозрения относительно моих намерений и моей позиции; если же этого не случится, то горе им, когда я стану повелевать! Вместе с тем ваша светлость признаете, какое значение я придаю тому, чтобы по мере сил устранить малейшую тень разногласий между нами»

(подпись) *Вильгельм, принц Прусский.*

Вышеприведенная переписка вызвала у принца первое, временное недовольство мною. Он думал, что я отвечу на его письмо похвалой в стиле его карьеристского окружения. Я же счел своим долгом в собственноручном письме, размеры которого далеко превосходили мою работоспособность, в письме, написанном, быть может, в несколько поучительном тоне, предостеречь его от происков, при помощи которых клики и отдельные лица пытались обеспечить себе покровительство наследника престола. Как форма, так и содержание ответа принца не оставляли у меня никакого сомнения, что мое несогласие с его планами и предостерегающая критика вызвали недовольство. В конце его ответа в форме, соответствующей положению принца, уже было высказано то, что позднее он сформулировал в качестве императора: кто мне противоречит, «того я уничтожу».

В настоящее время, оглядываясь на прошлое, я полагаю, что в течение 21 месяца, когда я был его канцлером, император лишь с трудом подавлял свое желание отделаться от унаследованного ментора, пока, наконец, оно не прорвалось наружу. Расставание, которое я подготовил бы с соблюдением всех внешних форм, если бы знал о желании императора, было проведено во внезапной, обидной и, я бы сказал, оскорбительной для меня форме.

Все же результат постольку соответствовал моему совету, поскольку участие в задуманном христолюбивом начинании прежде всего было ограничено более узким и менее избранным кругом лиц. То обстоятельство, что неодобренная мною инсценировка происходила в доме графа Вальдерзее, содействовало тому, что этот человек, влиятельный в кругу принца, был раздражен в еще большей степени, чем прежде. Раньше мы были друзьями в течение долгого времени, и во время войны с Францией я оценил его как солдата и как политического союзника, так что позднее у меня возникла мысль рекомен-

довать его императору на военные должности политического характера. При более близком соприкосновении с графом по службе я усомнился в его пригодности к политической деятельности, и когда графу Мольтке, стоявшему во главе генерального штаба, потребовался помощник, я счел нужным запросить мнение военных кругов о Вальдерзее, прежде чем доложил свое мнение императору согласно его повелению. В результате я обратил внимание его величества на генерала фон Каприви, хотя и знал, что он не был обо мне такого же хорошего мнения, как я о нем. Моя мысль о кандидатуре Каприви в качестве будущего преемника Мольтке в конечном счете потерпела неудачу, как я думаю, вследствие трудности установить между двумя столь самостоятельными фигурами modus vivendi [нормальные отношения], необходимый при дуалистическом руководстве генеральным штабом. Высшим кругам казалось, что легче решить эту задачу путем предоставления поста помощника графа Мольтке генералу Вальдерзее: благодаря своему новому назначению последний оказался ближе к монарху и его преемнику на троне. В области невоенной политики его имя стало впервые известно широким кругам в связи с придворным проповедником Штекером, а именно в связи с состоявшимися в его доме совещаниями о «внутренней миссии».

В новогоднюю ночь 1887 г. мой сын перед отъездом в Фридрихсруэ встретил на Лертском вокзале принца, который ожидал его и просил передать мне, что история со Штекером является совершенно безобидной. К этому принц добавил, что в связи с этим делом мой сын подвергался серьезным нападкам, но что он, принц, вступился за него.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеется в виду внук Вильгельма — император Вильгельм II.

[2] По окончании университета в Бонне в 1879 г. принц Вильгельм находился в Потсдаме на военной службе. В июне 1885 г. он был назначен полковником гусарского полка, а в 1888 г. произведен в бригадные генерал-майоры.

[3] В административном отношении Пруссия была разделена на провинции; провинции делились на области, а области — на округа. Во главе местных управлений стояли: в провинции — *обер-президент,* а в области — *регирунгс-президент,* именуемый и просто *президентом.* Округом управлял *ландрат.*

[4] *Бельвю* — королевский замок в Берлине.

[5] *Кронпринц Фридрих* — сын Вильгельма I и отец Вильгельма II, будущий император Фридрих III.

[6] Старший сын Бисмарка *Герберт Бисмарк* (1849—1904) выполнял обязанности личного секретаря отца и служил в ведомстве иностранных дел. В 1888 г. был статс-секретарем по иностранным делам. Вышел в отставку через несколько дней после отставки Бисмарка.

[7] *Рюбецаль* — в немецких народных сказаниях — бородатый горный дух, властелин Исполинских гор.

[8] Жена Вильгельма II (тогда принца Вильгельма), шлезвиг-гольштейнская принцесса *Августа-Виктория.*

[9] Отец Вильгельма II, Фридрих III, царствовал только 99 дней. Он вступил на престол в марте 1888 г., 67 лет от роду, когда фактически находился уже при смерти (рак горла). Уже в последние годы жизни Вильгельма I придворные считали фактическим наследником не Фридриха, а его сына — будущего императора Вильгельма II, так как было ясно, что Фридрих не намного переживет своего отца. Всего через 10 дней после смерти Фридриха близкая к канцлеру газета «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» открыто заявила, что безнадежно больному кронпринцу незачем было вступать на престол.

[10] *Генерал-квартирмейстер* — одна из высших должностей генерального штаба.

[11] *Миссия*—в данном случае религиозно-благотворительная организация.

[12] *«Kreuzzeitung»* («Крестовая газета») — общепринятое название «Neue Preussische Zeitung», основанной в Берлине в 1848 г. для борьбы с революцией; рядом с ее заголовком было помещено изображение «железного креста». Являясь органом прусских консерваторов, газета в 1860-х годах энергично поддерживала политику Бисмарка в период так называемого «конституционного конфликта» Вильгельма I с ландтагом по вопросу о военных кредитах. Позднее, в 1870-х годах «Kreuzzeitung» стала органом правого крыла консерваторов и выступала против Бисмарка; в 1880-х годах была связана с близкой принцу Вильгельму (будущий император Вильгельм II) «христианско-социальной партией».

[13] В 1878 г. придворным проповедником Штекером и профессором Адольфом Вагнером была основана в Берлине «христианско-социальная партия» под лозунгом «христианской веры и любви к королю и отечеству». По существу, она была филиалом консервативной партии. Сам Штекер пытался выступать на рабочих собраниях с клеветническими нападками на социал-демократию и с обещаниями добиться широких социальных реформ. Среди рабочих «христианско-социальная партия» успеха не имела; она пользовалась некоторым влиянием только среди части городской мелкой буржуазии. Попытки самостоятельного выступления партии на выборах в рейхстаг закончились провалом.

[14] Выборам в рейхстаг 30 июля 1878 г. предшествовали два покушения на жизнь Вильгельма I. Реакционеры использовали оба покушения для травли социал-демократии, хотя она не имела никакого отношения к этим террористическим актам. В конце мая 1878 г. рейхстаг был распущен и новые выборы назначены на 30 июля. Избирательная борьба велась с огромным ожесточением. Против социал-демократии применялись разнообразные методы провокации и клеветы, вплоть до того, что от имени социал-демократов печатались фальшивые газеты. Кроме того, были пущены в ход административные репрессии. Тем не менее социал-демократы собрали 437 тыс. голосов и получили 9 мандатов. По сравнению с предыдущими выборами в рейхстаг, происходившими в 1877 г., социал-демократия потеряла всего 3 мандата и 56 тыс. голосов. На всех последующих выборах в рейхстаг количество голосов, поданных за кандидатов социал-демократической партии, неизменно увеличивалось (кроме выборов 1881 г.) и составляло: в 1881 г. — 312 тыс., в 1884 г. — 550 тыс., в 1887 г.—763 тыс. и в 1890 г. — 1 427 тыс.

15 *Лецлинген* — королевский дворец в лесничестве Лецлинген (Магдебургский округ). Здесь находился занимавший почти 30 тыс. *га* заповедник для королевской охоты.

16 *Фридрихсруэ* — имение Бисмарка, полученное им в 1871 г. в подарок от Вильгельма I и находившееся недалеко от Гамбурга.

17 *«Norddeutsche Allgemeine Zeitung»* — газета, основанная в Берлине в 1861 г. и вскоре превратившаяся в орган прусского правительства. В течение долгого времени была рупором Бисмарка по вопросам внутренней и внешней политики.

18 Под названием *«картеля»* был известен созданный Бисмарком блок консерваторов и национал-либералов, победивший на выборах в рейхстаг в 1887 г.

19 В середине июля 1888 г. Вильгельм II посетил Петербург и Кронштадт. В числе прочих германских правительственных чиновников его сопровождал также Герберт Бисмарк.

20 Находившаяся в оппозиции к Бисмарку партия свободомыслящих (Deutsche Freisinnige Partei) опиралась на среднюю и мелкую буржуазию. Лидерами партии были депутат рейхстага и Прусского ландтага Рихтер и известный ученый Вирхов. Название «свободомыслящих» партия приняла в 1884 г., после слияния прогрессистской партии с частью национал-либералов.

21 *Генерал-суперинтендент* — глава лютеранской церкви в Пруссии.

22 *Allweg guet Zolre!* (Цольре зовет на бой) — старинный клич Гогенцоллернов, которые первоначально носили имя Цольре.

23 По конституции 1871 г. Германская империя представляла собой «вечный союз», заключенный между германскими князьями. Носителями императорской власти, по конституции, являются союзники, а их органом — Союзный совет (Bundesrat); руководство Союзным советом принадлежит прусской короне, и прусский король в качестве императора управляет «от имени союзных правительств». Таким образом, воссоединение Германии под гегемонией Пруссии не уничтожило формальной суверенности мелких владетельных князей.

24 *Acheronta movebunt* (они приведут в движение силы ада) — несколько видоизмененная цитата из поэмы римского поэта Виргилия — «Энеида» (песнь VII). Полный текст следующий: «Flectore si nequeo superos, Acheronta movebo» («Если я не смогу склонить небожителей, я приведу в движение силы ада»).

25 Т. е. с партией центра, лидером которой был Виндгорст, и свободомыслящими, лидером которых был Рихтер, ранее видный деятель прогрессистов.

26 *Теократия* (греч. — боговластие) — сосредоточение государственной власти в руках духовенства.

27 *«Freisinnige Zeitung»* — берлинская газета, основанная в 1885 г. Рихтером; орган партии свободомыслящих.

28 На собрании «христианско-социальной партии» в Берлине в январе 1888 г. пастор Зейдель заявил, что Бисмарк втайне является членом «христианско-социальной партии» и вскоре открыто объявит о своей принадлежности к ней.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ БАДЕНСКИЙ

Судя по замечаниям его величества, великий герцог Баденский[1], который в прежние времена оказывал мне благожелательную и энергичную поддержку, в последний период моей служебной деятельности влиял на решения императора в неблагоприятном для меня направлении. Раньше большинства других союзных князей он убедился в том, что германский вопрос может быть разрешен только путем содействия стремлениям Пруссии к гегемонии, и по мере сил шел навстречу национальной политике. При этом он не проявлял суетливости герцога Кобургского[2], но больше, чем последний, считался с интересами близкой ему прусской династии и не завязывал попеременно сношений с императором Наполеоном, с венским двором и с правящими кругами Англии и Бельгии, как это делал герцог. Его политические связи оставались в границах, которые определялись германскими интересами и семейными связями. У него не было потребности принимать действительное или мнимое участие в важнейших событиях европейской политики; он не поддавался, подобно братьям Кобургам, искушениям, вытекающим из веры в свои особые способности к разрешению политических вопросов. Поэтому окружающая среда оказывала на его взгляды большее влияние, чем на самодовольство Кобургов — герцога Эрнста и принца Альберта[3]. Источником самомнения этих последних был ореол мудрости, окружавший первого короля Бельгии[4] за то, что он ловко соблюдал собственные интересы.

Были времена, когда под давлением внешних обстоятельств великий герцог не был в состоянии проводить свои взгляды на пути разрешения германского вопроса; это были времена, связанные с именем министра фон Мейзенбуга[5] и с датой 1866 г.[6]. В обоих случаях великий герцог очутился перед force majeure [высшей силой]. Однако в основном в своих стремлениях к популярности он всегда был склонен руково-

диться лучшими побуждениями — национальными. Его стремлениям в этом направлении только вредило одновременное желание получить также гражданское признание, по примеру Луи-Филиппа, даже в тех случаях, когда трудно было это сочетать. Известно, что в тяжелый период моего пребывания в Версале, когда я вел борьбу с иностранными, женскими и военными влияниями, из всех германских князей один только великий герцог оказывал мне поддержку перёд королем в вопросе об императорском титуле[7], активно и успешно помогая мне побороть прусско-партикуляристское нерасположение короля [к этому титулу]*. Кронпринц по обыкновению был сдержан с отцом, что мешало активному проявлению его национальных убеждений.

Благосклонность великого герцога ко мне продолжалась в течение десятилетий и после заключения мира, если не считать временных размолвок, возникавших в результате того, что интересы Бадена,как он их сам понимал, или как их понимали его чиновники, вступали в конфликт с общеимперской политикой.

Во время мирных переговоров 1866 г.[8] господин фон Роггенбах, считавшийся одно время spiritus rector [вдохновителем] баденской политики, отстаивал передо мной уменьшение Баварии и увеличение [за ее счет] Бадена. Ему же молва приписывала и возникшую в 1881 г. идею о том, что Баден должен стать королевством[9].

О желании великого герцога расширить если не свою территорию, то сферу своей деятельности, можно было позднее заключить из его предложений установить военную и политическую связь между Баденом и Эльзас-Лотарингией[10]. Я отказался содействовать осуществлению подобных планов, так как не мог отделаться от впечатления, что для оздоровления положения в Эльзасе и изменения французских симпатий эльзасцев в пользу Германии баденские порядки, быть может, еще менее пригодны и, во всяком случае, не лучше теперешнего имперского управления. В баденской администрации в еще более резкой форме, чем в прочих южногерманских государствах, включая и Нассау, укоренилась особая, свойственная южнонемецким обычаям, разновидность бюрократизма, которую можно было бы назвать господством канцеляристов. Северная Германия также не чужда бюрократических извращений, особенно ее высшие круги; а современное толкование «самоуправления» приведет к тому, что бюрократизм проникнет lucus a non lucendo [как это ни кажется невероятным] и в сельские округа. Однако до сих пор носителями бюрократизма у нас все же были преимущественно

* См. т. II, стр. 110—112.

чиновники, у которых чувство законности обостряется уровнем их образования. В южной же Германии был выше удельный вес того класса чиновников, который у нас относят к низшему или среднему персоналу. Правительственная политика, которая уже до 1848 г. ориентировалась в Бадене на завоевание популярности в большей степени, чем это обычно бывает в Германии, именно в дни революции обнаружила почти полное отсутствие привязанности к династии и весьма слабую связь с ней. В указанном году Баден был единственным государством, в котором повторилось то, что пришлось пережить герцогу Карлу Брауншвейгскому [11] : глава государства вынужден был покинуть свою страну.

Правящий государь был воспитан в традиции, что основой современного искусства управления являются стремление к популярности и «учет» малейшего движения общественного мнения. Луи-Филипп дал своего рода образец того, какие внешние формы должны соблюдать в своем поведении конституционные монархи, и так как он играл эту роль на такой европейской сцене, как Париж, то для германских князей приобрел примерно такое же значение, как парижские моды для немецких дам. Даже военные функции государства не остались без влияния системы короля-гражданина. Это показала измена баденских войск в такой позорной форме, какой еще не было ни в одном германском государстве [12]. При этих ретроспективных размышлениях я всегда испытывал сомнения, следует ли содействовать тому, чтобы баденской правительственной политике были вверены судьбы имперской провинции[13].

Каковы бы ни были сами по себе национальные взгляды великого герцога, он все же не всегда был в состоянии противостоять, партикуляризму своих чиновников, в основе которого лежали материальные интересы; в случае же конфликта ему, конечно, было бы трудно принести местные баденские интересы в жертву общеимперским.

Скрытый конфликт вызывался соперничеством между железными дорогами имперской провинции и баденскими, а открытый конфликт — вопросом о взаимоотношениях с Швейцарией [14]. Призрение и усиление германской социал-демократии на швейцарской территории в меньшей степени беспокоило баденских чиновников, чем материальный ущерб или жалобы членов семей тех многочисленных баденских подданных, которые уходили на заработки в Швейцарию. У баденского правительства не могло быть сомнения в том, что своим поведением по отношению к соседней стране имперское правительство не преследовало никакой другой цели, кроме поддержки консервативных элементов в Швейцарии против влияния и агитации со стороны отечественной и иностранной социал-демократии. Баденское правительство было осведомлено о том,

что мы действуем по молчаливому, но взаимному соглашению с наиболее уважаемыми швейцарцами. Поддержка, оказанная нами нашим друзьям, практически приводила к тому, что центральная политическая власть Швейцарии заняла более решительную, чем ранее, позицию по отношению к германским социал-демократам и сторонникам узко кантональной политики и осуществляла более решительный надзор за ними.

Я не знаю, ясно ли отражали это положение вещей отчеты господина Маршалля, посылаемые в Карлсруэ[15]. Мне не помнится, чтобы за семь лет, когда он был баденским посланником, он когда-либо испрашивал или получал у меня аудиенцию. Однако, благодаря тесной дружбе с моим коллегой Беттихером и связям с сотрудниками ведомства иностранных дел, он лично во всяком случае был вполне осведомлен. Мне передавали, что он уже с давних пор пытался завоевать симпатии великого герцога и вызвать в нем антипатию к лицам, мешавшим его продвижению. В применении к нему я вспоминаю слова, сказанные графом Гарри Арнимом в те времена, когда он еще откровенно говорил со мною[16].

Пограничные сношения с Францией также иначе расцениваются и разрешаются с баденской точки зрения, чем с точки зрения имперской политики. Многие баденские подданные находят работу в Швейцарии и Эльзасе в качестве рабочих, приказчиков и кельнеров и заинтересованы в беспрепятственных сношениях с Лионом и Парижем через Эльзас. От чиновников великого герцога едва ли можно было требовать, чтобы свои административные заботы они подчиняли имперской политике, политические цели которой приносили пользу империи, а частные неудобства — ущерб Бадену.

В связи с такими трениями возникла полемика между официозными и даже правительственными органами Бадена и «Norddeutsche Allgemeine Zeitung».

В отношении тона этой полемики обе стороны были не безупречны. Прокурорская манера баденской полемики была столь же далека от обычной вежливости, как и стиль упомянутой берлинской газеты. Я не мог удержать эту газету от резких выражений, от которых никак не мог отрешиться, как специалист-правовед, господин фон Роттенбург, начальник имперской канцелярии и мой тогдашний друг. У меня же не всегда было время для того, чтобы заниматься газетными статьями даже в порядке контроля.

Мне вспоминается, что в 1885 г., как-то поздно вечером, по распоряжению кронпринца меня внезапно вызвали в Нидерландский дворец, где я застал кронпринца и великого герцога Баденского. Герцог был немилостиво настроен по поводу статьи в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», полемизировавшей с официозной баденской газетой. Я уже не вполне помню,

о чем шла речь, и не знаю также, была ли данная статья берлинской газеты официозного происхождения. Возможно, так оно и было, но вместе с тем статья могла появиться без моего ведома. Мотивы, по которым появлялось желание и находилось время для того, чтобы влиять на публикацию газетных статей, бывали у меня гораздо реже, чем это предполагает пресса, а следовательно и публика. Я поступал так только по таким вопросам или при таких нападках лично на меня, которые представляли для меня особый интерес. Даже во время пребывания в Берлине у меня по целым неделям и месяцам не было ни желания, ни времени читать статьи, за которые меня считали ответственным, не говоря уже о том, чтобы самому писать их или побуждать к этому других. Но великий герцог поступал, как и все, считая меня ответственным за высказывания упомянутой газеты по неприятному для него вопросу.

Своеобразна была форма, в которой он реагировал на эту статью. Император был в то время серьезно болен, и великая герцогиня[17] приехала, чтобы ухаживать за ним. При таких обстоятельствах упомянутая статья послужила для великого герцога поводом сообщить своему шурину-кронпринцу, что в результате такой обиды он немедленно покинет Берлин вместе со своей супругой и не скроет мотива своего отъезда. Правда, император не нуждался в уходе со стороны своей дочери, но воспринимал его как проявление дочерней любви и допускал его с рыцарской вежливостью. Именно эта черта характера преобладала в его отношениях к жене и дочери, и всякая неприятность в этом тесном семейном кругу огорчала его и действовала на него удручающе.

Поэтому я старался по мере сил оберегать больного государя от подобных переживаний и сделал все возможное — не помню уже теперь, что именно, — чтобы во время длившихся свыше двух часов переговоров при живом и энергичном участии кронпринца успокоить его шурина. Кроме моего протеста против предположения о каком-либо официальном недоброжелательстве [к Бадену], искупление вины, вероятно, заключалось еще в опубликовании новой примирительной статьи в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung». Мне вспоминается, что вопрос шел об оценке какого-то мероприятия баденского государственного министерства, и обидчивость великого герцога заставила меня заподозрить, что в данном случае его личное участие в государственных делах зашло дальше того, что он обычно считал совместимым с соблюдением конституционных принципов.

В придворных кругах Берлина и Карлсруэ мне говорили, что поводом к перемене отношения ко мне великого герцога в последний период моей служебной деятельности было то

обстоятельство, что, занятый делами, я недостаточно часто, с точки зрения придворных обычаев, посещал великого герцога и его супругу во время их пребывания в Берлине. Не знаю, верно ли это. Мне трудно также судить, в какой степени повлияли баденские придворные интриги, вдохновителем которых кроме Роггенбаха мне называли гофмаршала фон Геммингена, на дочери которого был женат барон фон Маршалль. Возможно, что последний, будучи баденским прокурором, а затем представителем Бадена в Союзном совете[18], считал, что руководство ведомством иностранных дел Германской империи не является еще завершением его карьеры. Во всяком случае в последний период моей служебной деятельности между ним и господином фон Беттихером развилась тесная дружба, основой которой являлся общий, чисто женский, интерес к чинам и рангам.

Хотя неоднократное недовольство великого герцога постепенно охладило его благожелательность ко мне, я все же не думаю, что он сознательно добивался моего удаления с должности. Его влияние на императора, которое я характеризовал как препятствие моей политике, проявилось в вопросах о том, какой тактики должен придерживаться император по отношению к рабочим и к закону о социалистах[19]. Мне сообщали — и это правдоподобно, — что зимой 1890 г., перед внезапным поворотом императора от намерения оказать рекомендованное мною сопротивление к уступкам, он совещался с великим герцогом; последний, в духе баденских традиций, рекомендовал, вместо того чтобы бороться с противниками, привлечь их на свою сторону. Однако он был поражен и недоволен, когда перемена намерений его величества привела к моей отставке.

Совет великого герцога не имел бы успеха, если бы его величество не был склонен воспрепятствовать тому, чтобы впредь правильная оценка собственной инициативы монарха не могла пострадать от сомнения, исходят ли высочайшие решения от императора, или от канцлера. «Новый государь» чувствовал потребность не только освободиться от ментора, но и не допускать, чтобы в настоящем и будущем его затмевала тень канцлера наподобие Ришелье или Мазарини. На него произвела глубокое впечатление фраза, с умыслом произнесенная графом Вальдерзее за завтраком в присутствии флигель-адъютанта Адольфа фон Бюлова: «Фридрих Великий никогда не сделался бы великим, если бы в начале своего правления он застал и сохранил при себе министра с таким значением и властью, как Бисмарк».

После моей отставки великий герцог выступил против меня. Когда в феврале 1891 г. в муниципалитет Баден-Бадена было внесено предложение преподнести мне звание почетного граж-

данина, герцог вызвал обер-бургомистра и потребовал от него объяснений по поводу такой неделикатности в отношении императора. Когда несколько позднее, в беседе с герцогом, проживающий в Баден-Бадене писатель Максим дю Кан завел речь обо мне, герцог оборвал его замечанием: Il n'est qu'un vieux radoteur [Он лишь старый болтун].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Зять императора Вильгельма I, великий герцог Баденский Фридрих.

2 Бисмарк имеет в виду участие герцога Эрнста Саксен-Кобургского во внешнеполитических интригах германских князей. В марте 1854 г. герцог посетил в Париже Наполеона III, а затем пытался побудить Пруссию к выступлению против России в Восточной войне. Перед началом австро-прусской войны 1866 г. герцог отправился в Берлин с целью добиться от Вильгельма I сохранения мира с Австрией. Раздражение Бисмарка против братьев Кобургов вызвано тем, что, опираясь на свои родственные связи при европейских дворах, они пытались оказывать влияние на политику Пруссии и противодействовать Бисмарку.

3 Брат Эрнста, принц Альберт, герцог Саксен-Кобургский, супруг английской королевы Виктории.

4 Первым королем Бельгии был дядя герцога Эрнста и принца Альберта принц Леопольд Саксен-Кобургский. В августе 1830 г., под влиянием июльской революции во Франции, началась революция в Бельгии, в результате которой произошло отделение Бельгии от Голландии и образование самостоятельного Бельгийского государства. В июне 1831 г. бельгийский национальный конгресс избрал Леопольда Саксен-Кобургского королем Бельгии.

5 Бисмарк намекает на позорное поражение великого герцога Баденского Фридриха в его борьбе с католической церковью. Фрейбургский епископ требовал восстановления «древних прав» католической церкви, в том числе права полного распоряжения церковной собственностью, замещения по своему усмотрению церковных приходов и т. д. В противоположность половинчатым мерам герцогского правительства католические прелаты действовали чрезвычайно энергично. Епископ отлучил от церкви нескольких правительственных чиновников, запретил совершать церковные обряды в связи с похоронами умершего великого герцога (отца Фридриха) и т. д. В ответ баденское правительство послало делегацию в Рим с просьбой о посредничестве папы. В результате длительных переговоров правительство Бадена полностью капитулировало, и баденский министр Мейзенбуг в июне 1859 г. заключил договор (конкордат) с Ватиканом, согласившись на значительное расширение привилегий католической церкви. Заключение конкордата вызвало в Бадене широкое движение протеста в форме петиций, собраний, издания листовок и т. д. Под давлением этого движения ландтаг в марте 1860 г. подавляющим большинством голосов отказался утвердить конкордат. Результатом было падение правительства.

6 Намек на то, что, несмотря на свои выступления в пользу Пруссии, великий герцог Баденский Фридрих под давлением своих министров и большинства баденского ландтага участвовал в австро-прусской войне 1866 г. на стороне Австрии.

7 В январе 1871 г. в Версальском дворце, где находилась в то время штаб-квартира германских войск, состоялось провозглашение Вильгельма I

германским императором. Манифест об этом был зачитан самим Вильгельмом, а «обращение к германскому народу» — Бисмарком. В дни пребывания в Версале Бисмарку пришлось вести упорную борьбу против своих многочисленных противников из военных и придворных кругов и против большинства князей, отрицательно относившихся к идее создания империи под гегемонией Пруссии.

8 В августе 1866 г. в Праге был заключен мирный договор между Австрией и Пруссией после того, как 3 июля 1866 г. австрийская армия была разгромлена при Кенниггреце. Разгром Австрии в 1866 г. был одним из решающих этапов на пути к воссоединению Германии под гегемонией Пруссии.

9 В 1881 г. в баденской газете была напечатана статья под заглавием «Баден должен стать королевством», сильно встревожившая кронпринца Фридриха-Вильгельма (см. его письмо к Бисмарку в приложениях к настоящему тому).

10 По закону 9 июня 1871 г. Эльзас и Лотарингия, отошедшие к Германии после франко-прусской войны 1870—1871 гг., образовали «имперскую провинцию», подчиненную непосредственно имперскому канцлеру. При канцлере учреждался особый департамент по делам Эльзаса и Лотарингии. Высшим административным чиновником в Эльзас-Лотарингии был назначаемый императором и подчинявшийся имперскому канцлеру обер-президент, с местопребыванием в Страсбурге. Позднее (по закону 4 июля 1879 г.) обер-президент был заменен наместником (штатгальтером) императора.

11 В сентябре 1830 г/в Брауншвейге вспыхнуло восстание в связи с попыткой брауншвейгского герцога Карла отменить конституцию 1820г. и уничтожить ландтаг. Дворец герцога был взят приступом и сожжен, а сам герцог бежал. В 1849 г., когда революция в Бадене приняла широкий характер, великий герцог Баденский Фридрих бежал из Бадена вместе со своими министрами. Уполномоченный герцога Мейзенбуг отправился тогда в Берлин в поисках помощи против восставшего народа.

12 *«Позорной изменой»* Бисмарк называет переход почти всей армии Бадена на сторону восставшего народа в мае 1849 г.

13 *«Имперская провинция»,* т. е. Эльзас-Лотарингия.

14 Бисмарк добивался от Швейцарии высылки социал-демократических эмигрантов и полного запрещения их деятельности на швейцарской территории. На этой почве между Германией и швейцарским правительством неоднократно происходили конфликты. В ответ на отказы швейцарского правительства выполнить требования Бисмарка Германия применяла репрессивные меры на германо-швейцарской границе в виде усиления пограничного контроля, введения дополнительных паспортных правил для переезда границы и т. д. Это создавало неудобства не только для швейцарцев, но и для жителей южногерманских государств (в частности граничащего с Швейцарией Бадена) и вызывало известное недовольство со стороны этих последних.

15 *Карлсруэ* — столица великого герцогства Баденского.

16 В интимной беседе с Бисмарком граф Арним как-то сказал: «В каждом, кто опередил меня по карьере, я вижу личного врага и веду себя по отношению к нему соответствующим образом. Я стараюсь только, чтобы он не заметил этого, пока является моим начальником». Бисмарк приписывает баденскому посланнику Маршаллю этот же принцип поведения.

17 Дочь Вильгельма I принцесса Мария-Луиза была женой великого герцога Баденского Фридриха.

18 По конституции 1871 г. был создан Союзный совет (Bundesrat) из представителей всех государств, вошедших в состав Германской империи. Союзный совет имел главным образом законодательные функции.

19 После покушения Геделя на Вильгельма I (11 мая 1878 г.) Бисмарк внес в рейхстаг проект *исключительного закона против социал-демократии* («закон о социалистах»), однако ввиду позиции большинства национал-либералов законопроект был отклонен. Использовав второе покушение на Вильгельма I в июне 1878 г., Бисмарк в сентябре 1878 г. внес в рейхстаг новый законопроект. Закон о социалистах был принят рейхстагом 18 октября 1878 г. голосами национал-либералов и обеих консервативных партий против голосов социал-демократических депутатов, партии свободомыслящих, центра и некоторых мелких группировок (221 «за» и 149 «против»). Закон запрещал всякую деятельность социал-демократии (существование организаций, собрания, печать и т. д.), за исключением участия в выборах в рейхстаг. Согласно § 1 закона: «Подлежат запрещению союзы, которые имеют целью свержение существующего государственного или общественного строя путем социал-демократических, социалистических или коммунистических устремлений. То же самое относится к союзам, в которых социал-демократические, социалистические или коммунистические устремления, направленные к свержению существующего государственного или общественного строя, проявляются таким образом, что угрожают общественному спокойствию (dem offentlichen Frieden), в особенности согласию между классами населения. К союзам приравниваются всякого рода объединения». Участие в запрещенных союзах каралось штрафом до 500 марок или трехмесячным тюремным заключением. По выходе из тюрьмы лица, осужденные за нарушение этого закона, могли по усмотрению полиции подвергаться административной высылке без ограничения срока.

Закон о социалистах действовал до 1 октября 1890 г. Несмотря на жесточайшие репрессии, Бисмарку не удалось помешать развитию массового рабочего движения. Об этом свидетельствуют в частности данные о выборах в рейхстаг. В то время как в 1878 г. социал-демократия получила 437 тыс. голосов (9 мандатов), в феврале 1890 г. (т. е. еще во время действия закона о социалистах) за социал-демократов голосовало уже 1 427 тыс. По числу голосов социал-демократия заняла в 1890 г. первое место, получив 35 мандатов в рейхстаге.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЕТТИХЕР

Император Вильгельм II не испытывает потребности в сотрудниках, которые имеют собственные взгляды и могли бы по соответствующему вопросу противоречить ему, опираясь на авторитет своих знаний и опыта. Слово «опыт» в моих устах раздражало его и однажды вызвало у него восклицание: «Опыт? Да, его у меня во всяком случае нет!» Чтобы давать своим министрам компетентные указания, он приближал к себе их подчиненных, получая от них или от частных лиц информацию, на основании которой он мог проявить инициативу по отношению к министрам соответствующих ведомств. Против меня, кроме Гинцпетера и других, можно было прежде всего использовать с этой целью господина фон Беттихера.

Я знавал его отца: в 1851 г. мы сотрудничали с ним во Франкфурте в Союзном сейме [1]. Сын его понравился мне своей приятной внешностью. Он одареннее своего отца, но уступает ему в стойкости характера и в честности. Благодаря своему влиянию у императора Вильгельма I, я содействовал довольно быстрой карьере сына; по моему представлению и только благодаря мне он был назначен обер-президентом в Шлезвиге, статс-секретарем и министром. Однако в качестве министра он всегда был лишь моим помощником aide или adjoint, как говорят в Петербурге. По воле императора он должен был представлять мою политику в государственном министерстве и в Союзном совете в тех случаях, когда я не мог сам присутствовать. Он не имел никаких других обязанностей, кроме задачи помогать мне. Это была должность, которую по моему предложению сначала занимал министр Дельбрюк и которая была создана его величеством исключительно для того, чтобы заменять меня и облегчить мне работу. Дельбрюк был начальником канцелярии союзного, а затем имперского канцлера; таким образом, с точки зрения государственного права он был высшим министерским чиновником при имперском канцлере с правом лич-

ного доклада; затем он был назначен министром, чтобы в государственном министерстве поддерживать имперского канцлера и замещать последнего в его отсутствии. Дельбрюк добросовестно защищал мои взгляды даже в тех случаях, когда по определенным вопросам его мнение расходилось с моим. Он подал в отставку, когда это представительство оказалось в столь резком противоречии с его убеждениями, что он не считал возможным с ним мириться. По собственной рекомендации Дельбрюка его сменил бывший гессенский министр фон Гофман, который считался человеком покладистым и не должен был оберегать свое политическое прошлое. Попутно он взял на себя руководство ведомством, которое было выделено под именем «министерства торговли» при значительном ограничении объема работы. Он полагал, что помимо попечения о германской торговле он в области законодательства имеет еще особые обязанности и права в отношении к прусской торговле. Он злоупотреблял независимостью, которую предоставляла ему эта должность, полученная им по его собственной просьбе, и без моего ведома подготовлял по имперским вопросам законопроекты, которые не встречали моего одобрения. В частности это были законопроекты, от которых я не ожидаю в дальнейшем благоприятных результатов; они выходили за пределы охраны труда и вводили принуждение к труду в форме ограничения личной независимости и авторитета рабочего и главы семьи [2]. Так как мои многократные замечания об этих противоречащих моим взглядам законопроектах, являющихся результатом усилий старательных и более сведущих в этой области, чем министр, советников министерства торговли, оставались без последствий, то я побудил фельдмаршала фон Мантейфеля взять господина фон Гофмана к себе в качестве министра в имперской провинции.

Затем я просил императора назначить преемником Гофмана господина фон Беттихера; от этого опытного в сношениях с парламентами чиновника я надеялся получить поддержку, для которой только и был создан этот поет министра без портфеля, являющегося помощником канцлера и министра-президента. На имперской службе господин фон Беттихер был моим подчиненным в качестве статс-секретаря по внутренним делам, а на прусской службе он был моим официальным помощником, призванным поддерживать мои взгляды, а не самостоятельно выдвигать собственные. В течение ряда лет он охотно и искусно выполнял эту задачу. Собственные взгляды он отстаивал передо мной лишь с большой сдержанностью и, как я полагаю, только под воздействием парламентских и других кругов. Для того чтобы получить его окончательное одобрение и содействие, всегда было достаточно решительно выразить мое мнение. Фон Беттихер обладает большими способностями для роли

помощника статс-секретаря, превосходно руководит парламентскими дебатами, искусно ведет переговоры. Он обладает способностью разменивать высокие духовные ценности на мелкую ходячую монету и, благодаря присущей ему манере добродушного простака, добиваться влияния. То, что он никогда не отличался достаточной стойкостью взглядов, чтобы настойчиво отстаивать их перед рейхстагом, не говоря уже об императоре, — не было чрезмерным недостатком для порученной ему работы. А если у него была болезненная слабость к чинам и орденам, при обманутых ожиданиях доводившая его до слез, то я с успехом старался считаться с нею и ее удовлетворять. Мое доверие к нему было так велико, что после отставки Путткамера я рекомендовал его в качестве преемника последнего на посту вице-президента прусского государственного министерства. На этой должности он также оставался моим заместителем, как министра-президента. В руководстве министерством не может быть дуализма. Я привык смотреть на Беттихера как на личного друга, полагая, что он с своей стороны вполне удовлетворен нашими отношениями. Я был тем менее подготовлен испытать здесь разочарование, что смог оказать существенную помощь семейным интересам Беттихера, которым угрожала серьезная опасность в связи с долгами и проступками его тестя, директора банка в Штральзунде.

Я не могу точно определить момент, когда он впервые поддался искушениям со стороны императора установить с ним без моего ведома более тесный контакт, чем со мной. Я был так далек от мысли, что он может вести себя неискренно по отношению ко мне, что впервые подумал об этом лишь в 1890 г., когда на заседании Коронного совета, в министерстве и на службе он открыто выступил против меня; он защищал предложения императора, хотя ему были известны мои принципиально противоположные взгляды. Сведения, полученные мною впоследствии, и ретроспективный взгляд на события, которым я в то время уделял мало внимания, убедили меня задним числом в том, что господин Беттихер уже давно использовал свои личные сношения с императором при исполнении обязанностей моего заместителя, а также свои связи с баденским посланником — господином фон Маршаллем, а через посредство тестя последнего, Геммингена, и с великим герцогом Баденским для того, чтобы за мой счет установить более тесную связь с его величеством и пролезть в щели, которые образовались между воззрениями молодого императора и старческой осторожностью его канцлера. Искушение, во власти которого оказался господин фон Беттихер, — использовать во вред занимаемому мною положению ту прелесть новизны, которую император находил в своих задачах монарха, и мое полное доверие, вызванное усталостью от дел, — это искушение еще более возросло, как я

слышал, вследствие женской страсти к чинам, а в Бадене — в результате возникшей от скуки потребности пользоваться влиянием. Статьи официозного характера, которые я приписываю хорошо осведомленному перу моих прежних сотрудников, подчеркивали право Беттихера претендовать на мою благодарность ввиду того, что в январе и феврале 1890 г. [3] он будто бы старался быть посредником между мною и императором и привлечь меня на сторону взглядов императора. В этом, как я думаю, инспирированном изложении заключается полное признание ненормальности положения. Служебный долг господина фон Беттихера заключался не в том, чтобы добиваться подчинения опытного канцлера воле юного императора, а в том, чтобы поддержать канцлера в его ответственной задаче перед императором. Если бы Беттихер придерживался этого своего служебного долга, он остался бы в пределах своих природных способностей, которые послужили основанием для назначения его на эту должность. За время моего отсутствия его отношения с императором стали более близкими, чем мои, и он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы, опираясь на высокую поддержку, не выполнять моих, — т. е. своего начальника, — служебных и письменных предписаний.

Он добивался не только милости императора, но и устранения меня с тем, чтобы стать моим преемником на посту министра-президента. Этот вывод я делаю из ряда обстоятельств, некоторые из которых стали известны мне лишь позднее. В январе 1890 г. он говорил императору и в доме барона фон Боденгаузена, что я все равно твердо решил уйти в отставку. В то же время он говорил мне, что император уже ведет переговоры с моим преемником.

В первые дни названного месяца он в последний раз посетил меня в Фридрихсруэ для обсуждения деловых вопросов. Как я позднее узнал, он еще до того прибегал к инсинуации перед императором, что я будто бы стал неработоспособным в результате чрезмерного употребления морфия. Я не мог установить, был ли этот намек сделан императору непосредственно Беттихером или через великого герцога Баденского. Во всяком случае его величество спрашивал об этом моего сына Герберта; последний предложил запросить профессора Швенингера, от которого император узнал, что этот намек является выдумкой. К сожалению, живой нрав профессора помешал продолжить беседу до полного выяснения происхождения этой клеветы. Повод для этого запроса мог дать императору только господин фон Беттихер по возвращении из Фридрихсруэ, так как меня в то время никто не навещал.

Уже при этом посещении в январе он рекомендовал мне уступки, которые с соответствующими изменениями составили

впоследствии содержание императорских указов от 4 февраля [4].

Я возражал против них прежде всего потому, что не считал полезным в законодательном порядке запрещать рабочему распоряжаться своей рабочей силой и рабочей силой членов своей семьи в определенное время и при определенных обстоятельствах. Затем я опасался обременять промышленность новыми тяготами, отражающимися на будущем положении рабочих и работодателей до тех пор, пока не будет большей, чем до сих пор, ясности относительно практических последствий этих мероприятий. Кроме того, после событий забастовки горнорабочих 1889 г. [5] мне казалось, что прежде всего необходимо вступить не на путь уступок, а на соответствующий путь защиты от социал-демократических эксцессов. Я намеревался до рождественских каникул и после них принять участие в обсуждении закона о социалистах и отстаивать то положение, что в настоящее время военная опасность угрожает монархии и государству в большей степени со стороны социал-демократии, чем извне, и что государство должно рассматривать вопрос о социал-демократии как внутренний вопрос войны и силы, а не как правовой вопрос. Эта моя точка зрения была известна господину Беттихеру, а через него, несомненно, и императору. В этой осведомленности о положении вещей я вижу причину того, что его величество считал нежелательным мое присутствие в Берлине и неоднократно доводил об этом до моего сведения как прямо, так и косвенно в такой форме, которая имела для меня характер высочайшего повеления. Если бы я, как канцлер, публично занял более резкую позицию, то это затруднило бы императору уступчивость по отношению к социал-демократии, к которой его уже тогда склонили великий герцог Баденский, Беттихер, Гинцпетер, Берлепш, Гейден и Дуглас и которая нашла свое выражение в зачитанной на Коронном совете 24 января [6] господином фон Беттихером декларации, изумившей меня и других министров. Если бы осуществился план императора, в пользу которого он был настроен в феврале, но от которого через несколько дней снова отказался, повидимому, под влиянием Бадена, — план, состоявший в том, что, освобождаясь от всех своих прусских должностей, я оставался имперским канцлером, то господин фон Беттихер мог бы надеяться стать прусским министром-президентом, так как в качестве вице-президента он уже был в курсе дел. Тем самым господин фон Беттихер и его супруга достигли бы первой ступени в табели о рангах — так называемого фельдмаршальского класса. Конечно, я бы не рекомендовал его на этот пост. Я опасался, что в результате событий 1889 г. и возбужденного настроения императора могут последовать беспорядки. Принимая во внимание либеральные симпатии министров внутрен-

них дел и военного (полиция и армия) и апатию министра юстиции (прокуратура), я рекомендовал по крайней мере пост министра-президента передать в руки военного.

Когда я вновь принял участие в министерских дискуссиях, Беттихер выступал против меня в присутствии его величества и в государственном министерстве в качестве представителя воли императора по всем вопросам, по которым ему было известно мое расхождение с императором, — причем о взглядах последнего он был осведомлен раньше меня. Для моей политической, или, я сказал бы, исторической, концепции этот факт был отрадным симптомом той силы, которую вновь обрела королевская власть после 1862 г.[7] Министр, по моей же личной просьбе назначенный мне в помощь, принял на себя руководство оппозицией в министерстве против меня, как только мог полагать, что таким путем закрепит за собой милость императора. Против моих деловых соображений он выдвигал единственный аргумент, что мы должны исполнять пожелания императора, должны делать все, что может удовлетворить его величество.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Франкфуртский союзный сейм являлся конференцией представителей государств, входивших в Германский союз, созданный в 1815 г.

[2] Ограничением личной независимости и авторитета рабочего и главы семьи Бисмарк считал ограничение женского и детского труда, запрещение воскресного труда и другие законодательные ограничения рабочего времени.

[3] Т. е. в период, непосредственно предшествовавший уходу Бисмарка в отставку (указ об отставке Бисмарка был оглашен в рейхстаге 21 марта 1890 г.).

[4] В своих указах от 4 февраля 1890 г. (см. ниже, гл. VII) Вильгельм II высказался за издание законов об охране труда. После опубликования императорских указов оппозиционная печать подчеркивала, что политика Бисмарка противоречит точке зрения Вильгельма. Рупор Бисмарка «Norddeutsche Allgemeine Zeitung»обошла указы Вильгельма II молчанием. Практическим результатом этих указов были лишь ничтожные реформы в области социального законодательства.

[5] Забастовка горнорабочих началась 2 мая 1889 г. в Рурской области. К 10 мая бастовало уже 100 тыс. горняков. Вскоре забастовка охватила также рудники Силезии, Саксонии и Саарской области. В Верхней Силезии бастовало 18 тыс., в Саарской области — 17 тыс., в Саксонии — 10 тыс. горняков. Бастующие требовали 8-часового рабочего дня на подземных работах. Массовое стачечное движение вызвало тревогу в правительственных кругах. Вильгельм II и некоторые высшие правительственные чиновники попытались прибегнуть к тактике «кнута и пряника». Против стачечников, с одной стороны, были применены жесточайшие репрессии: вызванные в Рурскую область войска спровоцировали в Гельзенкирхене и Бохуме столкновение с рабочими; среди бастующих были убитые и раненые. С другой стороны, власти пытались играть роль «объективной инстанции» и выступали

в качестве «посредника» между горняками и предпринимателями. 14 мая 1889 г. Вильгельм II принял прибывшую в Берлин делегацию горняков. В обращенной к ней речи Вильгельм заявил: «...движение является незаконным уже потому, что не было сделано предупреждение за две недели, по истечении которых рабочий по закону вправе прекратить работу. Вследствие этого вы являетесь нарушителями договора». Далее, император уговаривал рабочих не применять насилия и не поддаваться «проискам» социал-демократов и продолжал: «... для меня каждый социал-демократ равен врагу империи и отечества. Поэтому, если я замечу, что в движении проскальзывают социал-демократические тенденции... то буду действовать с неуклонной строгостью...» По свидетельству газеты партии свободомыслящих «Freisinnige Zeitung», император после обещания воздействовать на предпринимателей прибавил, что при малейшем сопротивлении властям он прикажет «расстрелять всех и вся». Если же горнорабочие будут держаться спокойно, то могут рассчитывать на его защиту. Забастовка окончилась компромиссом.

6 На заседании Коронного совета 24 января 1890 г. (см. гл. V) под председательством Вильгельма II обсуждались проекты императорских указов о рабочем законодательстве и вопрос о продлении исключительного закона о социалистах. Вильгельм II отклонил точку зрения Бисмарка, выступавшего против уступок. Эту точку зрения Бисмарк сформулировал почти за месяц до заседания в письме к императору от 29 декабря 1869 г.: «Я полагаю, что скорее предстоят внутренние бои, чем внешние войны, и горячо сожалею, что я уже не так бодр, как в 1862 г.».

7 В 1862 г. между королем и Прусским ландтагом произошел ряд столкновений, положивших начало так называемому «конституционному конфликту». Дело дошло до того, что король уже намеревался отречься от престола. Однако назначенный в сентябре 1862 г. министром-президентом Бисмарк повел твердую политику, игнорируя сопротивление ландтага.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЕРРФУРТ

При вступлении на престол император решил вернуть на прежнюю должность бывшего министра внутренних дел фон Путткамера, которого уволил в отставку его отец, находясь на смертном одре [1]. Только для соблюдения приличий восстановление в должности должно было состояться не сразу после отставки Путткамера и смерти императора Фридриха. По поручению императора я предложил министерство внутренних дел господину Геррфурту с тем, что он сменит этот пост на должность обер-президента, по возможности в Кобленце [2], как только император сочтет своевременным снова назначить господина фон Путткамера. Геррфурт выразил свою готовность к этому, заявив, что в промежуточный период он будет в точности продолжать политику Путткамера. Став на таких условиях 2 июля 1888 г. временным министром, он постарался превратиться из временного в постоянного, использовав для этой цели потребность его величества в реформах. Я был поражен, когда при докладе императору о том, что, повидимому, наступил момент для возвращения Путткамера, получил ответ, что он уже привык к «Рюбецалю» и хочет удержать его.

Чем же преодолел Рюбецаль прежнюю антипатию императора настолько, что последний предпочел его господину Путткамеру, restitutio in integrum [восстановления] которого он сам добивался? Я могу предположить, что императорская милость к нему была основана на надежде удовлетворить назревшую потребность в «Положении о сельских общинах» и при одобрении заинтересованных кругов устранить тягостные для всех остатки феодальных учреждений.

Еще до вступления в министерство Геррфурт говорил мне о своем намерении провести в старых провинциях реформу «Положения о сельских общинах». Я настоятельно просил его не поднимать этого вопроса: сельские жители старых провинций живут в прочном мире друг с другом; никто не чувствует потребности в переменах, за исключением разве лишь тех деревень, которые приобрели городской характер, — это

главным образом предместья крупных городов. Большая часть сельского населения в настоящее время живет в мире и спокойствии, и при теперешнем крестьянском укладе села, между помещиками и сельскими общинами не только господствует согласие, но и чувствуется нерасположение обеих сторон к изменениям. Я настоятельно просил не нарушать существующего в сельских местностях, согласия, бросая в деревню яблоко раздоров, носивших теоретический характер, вызывая неразрешимыми принципиальными вопросами борьбу, для которой до сих пор не было деловых оснований.

Геррфурт возражал, что основания все же имеются, поскольку существуют «карликовые общины», которые не в состоянии выполнять свои обязанности. Я отрицал, что тем самым доказана потребность в коренных преобразованиях, напоминающих 1848 год с его сочинительством конституций и преобразованием всего жизненного уклада.

После этих споров с моим коллегой и конфиденциального обсуждения вопроса зимой 1888/89 г. я был поражен, когда посетившая меня депутация крестьян из Шенгаузена[3] представила мне полученный от ландрата литографированный опросный лист, из которого можно было усмотреть намерение правительства организовать наши сельские общины на принципиально новых основа±. К живейшему удовлетворению крестьян я мог заявить им, что, пока я являюсь министром, до тех пор не соглашусь на такие планы и не думаю, что последние встретят одобрение его величества. Запросив другие провинции, я узнал, что и там производились предварительные опросы крестьянских общин.

Я сказал Геррфурту, что после наших обсуждений не мог предположить, что он, не колеблясь, выступит со своим планом реформы и притом без согласия государственного министерства. На это я получил смягчающие и уклончивые ответы такого рода, что у меня уже тогда зародилось подозрение, что мой коллега заручился за моей спиной согласием императора на свои планы и что перспектива значительного влияния указанной реформы была для Геррфурта средством завоевать милость императора и окончательно остаться в должности министра. Если бы уже в то время он не сознавал, что за его спиной стоит император, то в своем выступлении против моего мнения и точки зрения государственного министерства, известных ему, он вряд ли зашел бы так далеко, как это показала полученная мною информация *.

* «Положение о сельских общинах» было принято палатой депутатов 24 апреля 1891 г. 327 голосами против 23. По этому поводу Геррфурт получил от императора поздравительную телеграмму из Эйзенаха. Палата господ изменила редакцию одного параграфа; это изменение было принято палатой депутатов 1 июня 206 голосами против 99 голосов консерваторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В качестве министра внутренних дел Путткамер был с 1881 г. активным проводником политики Бисмарка и в частности руководил преследованием социал-демократов и борьбой с немецкими социал-демократическими эмигрантами за границей. Уже после смерти Вильгельма I и вступления на престол Фридриха III свободомыслящие на заседании рейхстага 26 мая 1888 г. доказали, что на выборах депутата в Эльбинг-Мариенбурге Путткамер «предоставлял избирателям материальные выгоды и широко прибегал к избирательной геометрии», т. е., попросту говоря, к злоупотреблениям. На следующий же день после этих прений в рейхстаге император Фридрих III обратился к Путткамеру с письмом, в котором выражал надежду, что «в будущем чиновники не будут нарушать свободу выборов». Путткамер, естественно, был вынужден уйти в отставку.

[2] *Коблениц*—старинный город на Рейне, главный город Рейнской провинции.

[8] *Шенгаузен* — родовое имение Бисмарка на берегу реки Эльбы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОРОННЫЙ СОВЕТ 24 ЯНВАРЯ

Когда у императора возникла мысль и созрело решение удалить меня, — я не знаю. Мысль о том, что он не разделит со мной славы своего будущего правления, была ему внушена и усвоена им еще тогда, когда он был принцем. Было естественно, что за будущим наследником престола, пока доступ к нему, как к молодому офицеру, был нетруден, увивались карьеристы, которых на берлинском диалекте в свое время называли «военными и гражданскими сапожниками». Чем вероятнее становилось, что принц вступит на престол вскоре после смерти своего деда, тем энергичнее становились старания завоевать симпатии будущего государя в личных и партийных целях. При этом против меня еще раньше была использована хорошо взвешенная фраза графа Вальдерзее: если бы у Фридриха Великого был такой канцлер, то он не стал бы великим.

Недовольство, которое обнаружил принц Вильгельм в переписке со мною по делу Штекера (его письмо от 14 января 1888 г.), снова рассеялось, по крайней мере внешне. На обеде, данном мною 1 апреля, принц, ставший к тому времени наследником престола, провозгласил тост за меня. По сообщению «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», подлинные слова принца были:

«Пользуясь образами из военной области, я сравниваю наше теперешнее положение с положением полка, идущего в атаку: командир полка пал, следующий почину, хотя тяжело ранен, но смело скачет вперед. Взоры обращены на знамя, высоко поднятое знаменосцем. Так и ваша светлость высоко держит знамя империи. Наше сердечнейшее пожелание, чтобы ваша светлость еще долгие годы, совместно с нашим любимым и обожаемым императором, высоко держали имперское знамя. Да благословит и хранит господь императора и вашу светлость!»

1 января 1889 г. я получил следующее письмо:

«Дорогой князь! Год, который принес нам так много тяжелых испытаний и невознаградимых утрат, приходит к концу. Радостью и одновременно утешением служит для меня мысль, что вы являетесь моей верной опорой и с новыми силами вступаете в новый год. От всего сердца молю для вас счастья и преуспевания и прежде всего здоровья на долгие годы. Надеюсь, с помощью божьей, еще долго работать совместно с вами на благо и величие нашего отечества.

Вильгельм I. R.[1]»

До осени в его настроении не было заметно никаких признаков перемены; но в октябре, во время пребывания русского императора[2], его величество был поражен тем, что я отсоветовал ему предположенный вторичный визит в Россию; своим поведением по отношению ко мне он дал почувствовать свое недовольство. Описанию всего этого будет отведено должное место в одной из следующих глав *. Через несколько дней император выехал в Константинополь[3]. Из Мессины, Афин и Дарданелл он посылал мне дружеские телеграммы о своих впечатлениях. Однако впоследствии я получил сведения, что за границей ему приходилось «слишком много слышать о канцлере». Возможное раздражение по этому поводу усиливалось хорошо рассчитанными остротами моих противников. В числе прочего говорили о фирме «Бисмарк и сын».

Между тем, 16 октября я отправился в Фридрихсруэ. Ради личного положения мне, в моем возрасте, не надо было цепляться за свою должность, и если бы я предвидел предстоявшую в скором времени отставку, то осуществил бы свой уход в форме, более удобной для императора и более достойной для меня. То обстоятельство, что я этого не предвидел, доказывает, что, несмотря на 40-летнюю практику, я не стал придворным и что политика занимала меня больше, чем вопрос моего личного положения, к которому меня приковывало не властолюбие и честолюбие, а лишь чувство долга.

В течение января 1890 г. мне стало известно, как живо император интересуется так называемым законодательством об охране труда и что по этому вопросу он сносился с саксонским королем и с великим герцогом Баденским, прибывшим в Берлин на похороны императрицы Августы. Постановления, которыми в этой связи интересовались рейхстаг и Союзный совет, т. е. законодательное ограничение женского, детского и воскресного труда, уже давно были частично введены в Саксонии и привели к неудобствам для различных отраслей промышленности. Считаясь со своим многочисленным рабочим населением, сак-

---

* См. стр. 113.

сонское правительство не хотело по собственной инициативе менять свои же распоряжения. Заинтересованные промышленники оказывали давление на саксонское правительство, желая либо пересмотра саксонских установлений в порядке имперского законодательства, либо распространения их невыгодных сторон на всю империю, — следовательно, на всех германских конкурентов. [Саксонский] король уступил им, поэтому саксонские представители в Союзном совете стали выступать в духе так называемого закона об охране труда, за который постепенно высказались в своих резолюциях все партии рейхстага, чтобы завоевать голоса избирателей или, по крайней мере, не потерять их. Резолюции, неоднократно принимавшиеся рейхстагом[4], оказывали на бюрократию Союзного совета давление, которому она не сопротивлялась, так как была оторвана от практической жизни. Члены соответственных комиссий боялись испортить свою репутацию человеколюбцев, если не будут поддакивать исходящим от Англии фразам о гуманности. Даже важный баварский вотум не был внушен теми руководителями, которые готовы были принять на себя ответственность за якобы негуманные устремления. Я добился того, что резолюции рейхстага были оставлены без внимания в Союзном совете. При таких обстоятельствах для господина Беттихера было легкой и благодарной задачей в беседах с коллегами по Союзному совету критиковать мои взгляды, вместо того чтобы их защищать. То, что я долгое время не был в Берлине, давало ему возможность действовать в таком же духе перед императором и при личных докладах в качестве моего заместителя изображать мое упрямство, как препятствие на пути императора к популярности.

Моим убеждениям и опыту противоречило такое глубокое вторжение в сферу независимости рабочего, в его трудовую жизнь и в его права главы семьи, как законодательное запрещение распоряжаться по своему усмотрению своей рабочей силой и рабочей силой своей семьи. Не думаю, что рабочий сам по себе благодарен за то, что ему запрещают зарабатывать деньги в дни и часы, когда он к этому склонен, хотя вожди социалистов, без сомнения, пользуются этим вопросом для успешной агитации, внушая, что предприниматели и за сокращенное рабочее время в состоянии платить неурезанную заработную плату. На основании лично у меня имевшейся информации я мог установить, что рабочие соглашались на запрещение воскресного труда лишь в том случае, если им могли обеспечить за шесть рабочих дней ту же недельную заработную плату, как прежде за семь дней. С запрещением или ограничением труда несовершеннолетних не соглашались родители подлежащих увольнению, а из самих несовершеннолетних соглашались на это только лица с сомнительным образом жизни. При современной сети железных дорог и при свободе передвижения представление,

что работодатель в течение длительного срока принуждает рабочего даже против его воли работать в определенное время, может оказаться правильным лишь в виде исключения, вследствие особых условий работы и средств сообщения. Эти исключения едва ли распространены настолько, чтобы оправдать этим затрагивающее все общество вторжение в сферу личной свободы. При забастовках эти вопросы не играли никакой роли.

Как бы то ни было, остается фактом, что, несмотря на свое благоволение ко мне, саксонский король воздействовал на взгляды императора в направлении, противоположном взглядам, отстаиваемым мною в течение ряда лет и в частности в моей речи от 9 мая 1885 г. о воскресном отдыхе [5]. Он не ожидал, что это послужит исходным пунктом для моей отставки и сожалел о таком результате. Впрочем, едва ли это повлекло бы за собой мою отставку, если бы настроение императора не было уже подготовлено к этому под влиянием великого герцога Баденского и министров Беттихера, Верди, Геррфурта и других и если бы его величество не был убежден, что мое старческое упрямство препятствует его стремлению завоевать общественное мнение и превратить противников монархии в ее сторонников.

8 января вновь собрался рейхстаг. Еще до рождества и вскоре после него император в форме, равносильной для меня приказу, рекомендовал мне не приезжать в Берлин на предстоящую сессию. 23-го утром, за два дня до закрытия рейхстага, Беттихер телеграфировал мне, что, как сообщил ему император через адъютанта, на следующий день в 6 часов должно состояться заседание Коронного совета. На мой вопрос, что составит предмет обсуждения, Беттихер ответил, что этого он не знает. Мой сын, поставленный мною в известность о моей переписке с Беттихером, в середине дня отправился к императору и на вопрос о цели заседания Совета получил ответ, что его величество хочет изложить министерству свой взгляд на рабочий вопрос и желает моего приезда. На замечание моего сына, что он ожидает меня уже сегодня вечером, император сказал, что мне лучше приехать в полдень следующего дня, чтобы я не был поставлен en demeure [перед необходимостью] появиться в рейхстаге, так как высказывание моего мнения, идущее вразрез с мнением большинства, может вызвать конфликт. Мысленно надо добавить: и будет несовместимо с высочайшими намерениями.

Я прибыл 24-го числа к двум часам дня. В 3 часа состоялось созванное мною заседание министров. Господин Беттихер не показывал вида, что ему известны намерения императора, а остальные министры лишь терялись в догадках. Я предложил — и мое предложение встретило одобрение — если декларация императора будет иметь категорический характер, предва-

рительно принять ее к сведению, для того чтобы затем подвергнуть конфиденциальному обсуждению. Император вызвал меня на полчаса раньше других министров, в $5^1/_2$ часов вечера, из чего я заключил, что он намерен предварительно обсудить со мной предположенную декларацию. В этом я ошибся. Он ничем не намекнул мне на то, что будет обсуждаться, и, когда собрался Совет, у меня создалось впечатление, что он имеет в виду приятный сюрприз для нас. Он представил нам два подробных доклада, один собственноручный, другой написанный адъютантом под его диктовку. Оба сулили осуществление требований социалистов. В одном из них предлагалось [Совету] составить и внести на обсуждение предназначенный для опубликования высочайший указ, соответствующий докладам и написанный в торжественном стиле. Император приказал зачитать доклады Беттихеру, который, повидимому, уже был знаком с текстом. Меня поразило содержание докладов, не столько с точки зрения его делового значения—в этом отношении у меня сложилось впечатление, что можно будет найти удовлетворяющие императора формулировки — сколько в связи с практической бесцельностью доклада и претензией на высокопарность. Последняя могла только ослабить впечатление от возвещаемых мероприятий и угрожала утопить все дело в море фраз, имеющих целью облагодетельствовать народ.

Еще поразительнее было откровенное письменное заявление монарха своим компетентным и установленным конституцией советникам, что декларация основана на информации и советах четырех лиц, которых император считал авторитетными и перечислил по именам. Это были: во-первых, тайный советник, педагог Гинцпетер, который надменно и неискусно эксплоатировал у бывшего воспитанника остатки своего авторитета как учителя, старательно избегая, однако, всякой ответственности. Во-вторых, — граф Дуглас, удачливый и богатый спекулянт-горнопромышленник, который стремился увеличить престиж крупного состояния блеском влиятельного положения при суверене. Для этой цели он ловкими и приятными речами добился политических или хозяйственно-политических связей с императором и старался сохранить эти связи посредством дружеских отношений с его детьми. Император пожаловал ему графский титул. В-третьих, — художник фон Гейден, ловкий и светский человек. 30 лет тому назад он был служащим на рудниках одного из силезских магнатов. В настоящее время в кругах горнопромышленников его считают художником, а в кругах художников — горнопромышленником. Как нам сообщали, влияние Гейдена на императора было основано не столько на собственных суждениях Гейдена, сколько на его знакомстве с одним старым рабочим из Веддинга [6]. Этот рабочий служил ему натурщиком при изображении

нищих и пророков. Из бесед с ним он одновременно черпал материал для законодательной инициативы перед его величеством.

Четвертый, на авторитет которого император ссылался, был обер-президент в Кобленце, фон Берлепш. Он обратил на себя внимание императора благожелательным отношением к рабочим во время забастовок 1889 г.[7] и вступил с ним в непосредственные сношения. Для меня, как министра, руководившего соответствующим ведомством, это оставалось такой же тайной, как связи [с императором] господина Беттихера по тому же вопросу и господина Геррфурта по вопросу о «Положении о сельских общинах».

По окончании чтения его величество заявил, что для заседания Коронного совета он избрал день рождения великого короля[8], так как это заседание послужит исходным пунктом для событий большой исторической важности. Он желает, чтобы составление упомянутого в одном из докладов указа было настолько ускорено, чтобы его можно было опубликовать ко дню его собственного рождения (27-го). Все взявшие слово министры заявляли, что нежелательно немедленно прекратить обсуждение и перейти к составлению указа по столь сложному вопросу. Я предостерег от последствий: рост надежд у социалистически настроенных классов, никогда не знающих удовлетворения своим вожделениям, толкнет монархию и правительство на скользкий путь. Его величество и рейхстаг говорят об *охране* рабочих, в действительности же речь идет о *принуждении* рабочих — о принуждении меньше работать. Сомнительно, можно ли насильно заставить предпринимателей возместить сокращение доходов главы семьи: те отрасли промышленности, которые вследствие воскресного отдыха потеряют 14% производительности, быть может, окажутся неспособными к существованию, и рабочие в конце концов лишатся своего заработка. Императорский указ, составленный в соответствии с желанием императора, повредил бы предстоящим выборам, так как испугал бы имущих и поощрил социалистов. Увеличение издержек производства и перекладывание их на потребителей было бы возможно только, если бы другие крупные промышленные государства поступили таким же образом.

Его величество не хотел принять во внимание мое мнение, но в конце концов согласился, чтобы его законопроекты сначала были обсуждены в государственном министерстве.

В связи с приближавшимся окончанием сессии рейхстага выдвигался вопрос о возобновлении закона о социалистах, срок которого истекал осенью[9]. В комиссии, в которой решающая роль принадлежала национал-либералам, из законопроекта Союзного совета был исключен пункт о высылке[10]. Таким образом спрашивалось, захотят союзные правительства усту-

пить в этом пункте или же будут настаивать на его сохранении, с риском поставить под вопрос весь закон. Неожиданно для меня, и в противоположность моим обязательным для него инструкциям, господин фон Беттихер на следующий день предложил огласить на последнем заседании рейхстага декларацию императора, смягчающую законопроект в духе национал-либералов, и тем самым *добровольно* отказаться от права на высылку. По конституции это не могло быть сделано без предварительного одобрения Союзного совета. Император тотчас же присоединился к этому предложению.

Окончательного постановления рейхстага еще не было; имелись лишь решение, принятое во втором чтении, и отчет о работе в комиссии, на основании которых нельзя было ожидать принятия закона без изменения [11]. В течение десятилетий я боролся против склонности парламентских деятелей и министров изменять и смягчать правительственные законопроекты при обсуждении в комиссиях и под закулисными влияниями лидеров фракций. В данном случае я также заявил, что союзные правительства создадут себе трудности в будущем, если они уже теперь спустят флаг и исказят свой собственный законопроект. Если они сделают это, то рекомендуемое Беттихером в настоящий момент заявление правительств о том, что они могут обойтись и без параграфа о высылке, всего лишь через несколько недель оказалось бы в противоречии с более суровым законопроектом, который придется внести в новый рейхстаг. Поэтому я потребовал выждать решения пленума рейхстага: если будет принят неполноценный закон, то целесообразно принять и такой. Если же в результате отклонения законопроекта возникнет вакуум [пустота], то при условии, что рейхстаг не будет распущен, придется выждать, пока представится случай для более решительного вмешательства. В ближайший рейхстаг мы так или иначе должны внести более суровый закон. Император протестовал против эксперимента с вакуумом: он ни в коем случае не может допустить создания в начале его правления такого положения, при котором может пролиться кровь; ему бы этого никогда не простили. Я возразил, что произойдет ли бунт и кровопролитие, зависит не от его величества и не от наших законодательных планов, а от революционеров; без крови мы вряд ли обойдемся, если не будем уступать больше, чем это безопасно, если мы в каком-либо пункте захотим дать отпор. Чем позже правительство окажет сопротивление, тем более насильственный характер оно должно будет носить.

Остальные министры, кроме Беттихера и Геррфурта, высказывались в моем духе, причем некоторые с подробной мотивировкой. Так как император, явно недовольный отрицательным вотумом министров, снова вернулся к мысли о капитуляции перед рейхстагом, то я сказал, что считаю своим дол-

гом отсоветовать это на основании имеющихся у меня опыта и знания дела. При моем вступлении в должность в 1862 г. положение королевской власти было непрочным; король намерен был отречься от престола, мотивируя это невозможностью осуществить свои взгляды. С тех пор, в течение 28 лет, сила и авторитет королевской власти непрерывно возрастали. Предложенное Беттихером добровольное отступление в борьбе против социал-демократии будет в нашем непрерывном до сих пор подъеме первым шагом вниз в направлении к временно удобному, но опасному господству парламента. «Если ваше величество не придает значения моему совету, то не знаю, нахожусь ли я в таком случае на своем месте».

Отвернувшись от меня и обращаясь к Беттихеру, император сказал на это заявление: «Это ставит меня в вынужденное положение». Сам я не расслышал этих слов; мне сообщил их позже коллега, сидевший слева от императора.

Уже в связи с позицией, которую занял император в мае 1889 г. по отношению к забастовкам горнорабочих, я опасался, что не смогу согласиться с ним в этой области. За два дня до приема депутации бастовавших горнорабочих, состоявшегося 14 января 1889 г., он без предупреждения явился на заседание государственного министерства и заявил, что не разделяет моих взглядов на отношение к забастовке: «Предприниматели и акционеры должны уступить; рабочие — его подданные, о которых он обязан заботиться; если миллионеры-промышленники не пожелают исполнить его волю, он отзовет свои войска. Если после этого запылают виллы богатых собственников и директоров и сады их будут растоптаны, то они присмиреют». Мое возражение, что ведь собственники также являются подданными, имеющими право на защиту со стороны государя, император пропустил мимо ушей и в раздражении сказал, что, когда уголь не добывается, наш флот беззащитен; мы не можем мобилизовать армию, если недостаток угля воспрепятствует ее переброске по железной дороге. Мы находимся в таком затруднительном положении, что на месте России он немедленно объявил бы войну.

В то время идеалом его величества, повидимому, был абсолютизм, опирающийся на популярность. Его предки эмансипировали крестьян и бюргеров. Может ли аналогичная эмансипация рабочих за счет работодателей протекать в наше время в форме, аналогичной той законодательной работе, которая продолжалась в течение полувека и итогом которой было законодательство о крестьянах и городах?

Используя взаимную борьбу сословий, французские короли создали абсолютизм, который от Людовика XIV до Людовика XVI был основным законом государства, но не являлся его прочной основой. Неограниченность воли короля существо-

вала при Фридрихе-Вильгельме 1, но опиралась не на добровольную и изменчивую популярность монарха в массах населения, а на не поколебленный еще в то время монархический образ мыслей всех сословий и на мощь армии и полиции, способных преодолеть всякое сопротивление без парламента, прессы и права союзов. Фридрих-Вильгельм I отправлял всякого, кто ему противоречил, на каторжные работы или на виселицу (Шлубут)[12], а Фридрих II заключил судебную палату в Шпандау[13]. Современная монархия лишена ultimo ratio [последнего средства 3, а на признании масс абсолютная королевская власть не может быть основана даже в том случае, если бы их запросы оставались еще такими же скромными, как во времена Фридриха-Вильгельма I. В Дании в 1665 г. удалось установить королевский закон[14], который долгое время оставался в силе, но тогда речь шла лишь о подавлении сопротивления ничтожного меньшинства — дворянства, а не об экономическом существовании промышленных классов.

Бастующие рабочие стали бы, конечно, более настойчиво предъявлять свои требования при мысли, что высшая государственная власть занимает по отношению к ним благожелательную позицию. К этому присоединилось единодушное пресмыкательство фракций рейхстага перед избирателями-рабочими в вопросе о так называемой охране труда. Я считал, что это законодательство вредно и является источником будущего недовольства. Однако я не придавал вопросу настолько серьезного значения, чтобы в 1889 г. поставить из-за него перед императором вопрос о доверии кабинету.

Причины, по которым моя политическая совесть не позволяла мне уйти в отставку, лежали в другой плоскости, а именно— во внешней политике, с точки зрения как империи, так и германской политики Пруссии. Доверие и авторитет, которые я в течение долгой службы приобрел при иностранных и германских дворах, я не в состоянии был передать другим. С моим уходом этот капитал должен был погибнуть для страны и для династии. В бессонные ночи у меня было достаточно времени взвесить этот вопрос на весах своей совести. Я пришел к убеждению, что для меня является долгом чести — терпеть и что инициативу своей отставки и ответственность за нее я не должен брать на себя, а предоставить ее императору. Однако я не хотел затруднить ее и, после заседания Коронного совета 24 января, решил добровольно удалиться сначала из того ведомства, где уже обнаружилась несовместимость официально высказываемых мною в течение ряда лет взглядов с убеждениями императора, другими словами, уйти из министерства торговли, к компетенции которого относился рабочий вопрос.

Я считал возможным в дальнейшем проходить мимо развивающихся в этой области событий, заняв по отношению, к ним

позицию, определяемую словами tolerari posse [можно терпеть], — позицию пассивного наблюдателя — и продолжать вести чисто политические дела, а именно—внешнюю политику. Можно было предвидеть, что для честного и вдумчивого слуги страны и монархии будет трудной задачей иметь дело с рабочим вопросом при убеждении императора, что его доброй воли достаточно для того, чтобы успокоить вожделения рабочих и заслужить их благодарность и послушание. Я считал вполне правильным и справедливым, чтобы господин фон Берлепш, в 1889 г. действовавший на посту регирунгс-президента в духе высочайших предначертаний, без ведома ответственного министра торговли, вразрез с моими взглядами, принял на себя в качестве министра также ответственность за политику, в которой он укрепил императора своим сотрудничеством. Одновременно император оказывался тем самым в состоянии, без помехи с моей стороны, на опыте проверить осуществимость своих благих намерений.

Я созвал заседание министров, высказал свой взгляд и встретил единодушное одобрение. В ответ на немедленно сделанный мною личный доклад императору 31 января 1890 г. последовало назначение г. фон Берлепша на пост министра торговли. Должен добавить, что, приняв во внимание самостоятельность, которую обер-президент фон Берлепш проявил в качестве непрошенного советника государя, я, совершая этот эксперимент, оценил его энергию, интерес к делу и его способности выше, чем они проявились при его деятельности в качестве министра. Император предпочитает иметь в качестве министров людей второстепенных, и потому создается ненормальное положение, поскольку не министры дают советы монарху и берут на себя инициативу, а ожидают того и другого от его величества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] I. R. — Imperator-Rex — император-король.

[2] Русский император Александр III пробыл в Берлине с 11 по 13 октября 1889 г.

[3] В октябре 1889 г. Вильгельм II выехал через Италию, где встретился с итальянским королем, сначала в Афины (для участия в торжествах по поводу бракосочетания греческого престолонаследника Константина с прусской принцессой Софией), а затем в Константинополь. На обратном пути Вильгельм встретился в Инсбруке с австрийским императором Францем-Иосифом.

[4] В июне 1887 г. рейхстаг принял внесенный партией центра законопроект об ограничении труда детей моложе 13 лет и о запрещении ночного и воскресного труда женщин. Однако Союзный совет отклонил этот законопроект. В 1888 г. партия центра вторично внесла в рейхстаг законопроекты о детском и женском труде, а также о запрещении воскресного труда и об ограничении рабочего дня 11 часами. На этот раз рейхстаг был распущен еще до обсуждения этих законопроектов. В Союзном совете представители Саксонии выступали за принятие законопроектов.

6 Комиссия рейхстага в 1885 г. высказалась за запрещение воскресного труда в промышленности. В прениях 9 мая 1885 г. в рейхстаге Бисмарк пять раз брал слово против предложения комиссии, заявляя, что запрещение воскресного труда противоречит интересам рабочих.

6 *Веддинг* — рабочий район Берлина.

7 Через несколько месяцев после окончания забастовки горнорабочих в Рурской области в 1889 г. горнопромышленники начали увольнять активных участников забастовки и составили «черные списки». В ответ на это собрание горнорабочих в Эссене 1 декабря 1889 г. пригрозило снова начать забастовку и избрало комиссию для переговоров с шахтовладельцами. В дело вмешался Берлепш, в то время обер-президент Рейнской провинции, с тем чтобы мирным путем урегулировать конфликт. После того как шахтовладельцы дали обещание отменить «черные списки», Берлепш потребовал, чтобы рабочие безоговорочно признали право предпринимателя увольнять любого рабочего.

8 24 января было днем рождения прусского короля Фридриха II.

9 Срок действия исключительного закона против социалистов истекал 1 октября 1890 г.

10 В октябре 1889 г. правительство внесло в рейхстаг новый проект закона о социалистах, ввиду того что 1 октября 1890 г. истекал срок действовавшего закона. § 24 правительственного законопроекта уполномочивал правительства государств, входивших в состав Германии, с согласия Союзного совета предоставлять полицейским властям право административной высылки лиц, «опасных» для общественного порядка. В комиссии, избранной рейхстагом для обсуждения законопроекта, § 24 был вычеркнут из законопроекта всеми голосами против 8 консерваторов.

11 При втором чтении законопроекта о социалистах консервативная партия внесла предложение восстановить вычеркнутый комиссией пункт о принудительной высылке. Это предложение было, однако, отклонено рейхстагом. В третьем чтении 25 января 1890 г. законопроект был отвергнут рейхстагом 167 голосами против 98, так как против голосовали не только левые, но и консерваторы, не желавшие мириться с исключением параграфа об административной высылке. Отсутствие Бисмарка при чтении законопроекта вызвало толки о разногласиях между императором и канцлером. Перед роспуском рейхстага (выборы нового рейхстага были назначены на 20 февраля 1890 г.) Вильгельм II выступил на заключительном заседании с речью, в которой произнес несколько громких фраз о рабочем законодательстве и совсем не упомянул о законе против социалистов.

12 Прусский король Фридрих-Вильгельм I 25 августа 1731 г. приказал повесить видного правительственного чиновника в Гумбинене Альбрехта Шлубута за злоупотребления по службе.

13 В 1770 г. начался судебный спор между мельником Арнольдом и графом Шметтау, на земле которого находилась мельница. В 1778 г. мельника обязали продать мельницу графу. Мельник обратился с жалобой к кассационной палате Пруссии, а затем, после отказа суда, в 1779 г. — к королю Фридриху II. Несмотря на противодействие своих министров, Фридрих решил дело в пользу мельника и приговорил нескольких членов кассационной палаты к смещению с должности, к году тюрьмы и к возмещению мельнику причиненных ему убытков. Судьи оставались в тюрьме в крепости Шпандау вплоть до того времени, пока не уплатили мельнику причитавшейся ему суммы.

14 Датский король Фридрих III издал в 1665 г. так называемый «королевский закон», устанавливавший неограниченную власть короля.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ИМПЕРАТОРСКИЕ УКАЗЫ ОТ 4 ФЕВРАЛЯ 1890 г.

На заседании министерства 26 января я еще раз обрисовал опасность проектируемых императорских указов, но встретил со стороны Беттихера и Верди возражение, что отрицательное решение вызовет недовольство императора. Мои коллеги принесли императору saerificium intellectus [рассудок в жертву], а мой заместитель и помощник поступил по отношению ко мне бесчестно. Тщетно в своем выступлении я заходил так далеко, что называл поведение ответственных министров граничащим с государственной изменой: видя, что суверен вступает на опасный для государства путь, они не говорят об этом открыто, а превращают конституционные отношения в консультируемое императором государственное министерство. На эти мои соображения господин фон Беттихер, с одобрения военного министра, возражал простым повторением одной и той же фразы, что мы все-таки должны сделать хоть что-нибудь, соответствующее пожеланию императора. Так как остальные коллеги воздерживались от участия в дискуссии между мной и Беттихером, то я должен был отказаться от надежды противопоставить единодушный вотум предложениям его величества, являвшимся, по моему убеждению, опасными для государства. Я рассчитывал, что государственное министерство будет вести себя так же, как это было раньше, когда дед императора вступал на опасный путь под влиянием женских, масонских и прочих влияний. В таких случаях требовалось установить единодушие министров, даже если ранее между ними существовали значительные разногласия; старик сдавался, если не мог получить ни одного голоса в свою пользу. Я помню только об одном исключении. После того как Франкфуртский мирный договор был 18 мая 1871 г. утвержден французским Национальным собранием [1], мы могли отозвать нашу армию, за исключением части, предназначавшейся для оккупации департаментов, занятых нами в качестве гарантии. Министры единодушно были за то, чтобы

сделать это немедленно—отпустить домой всех солдат, которые не должны были оставаться под знаменами, и назначить на ближайший срок, во всяком случае еще в мае, вступление в Берлин полков, составлявших его гарнизон. Но тут мы натолкнулись на упорное сопротивление его величества. Как я узнал, императрица Августа хотела присутствовать при вступлении войск, но не ранее, чем закончит свое лечение в Баден-Бадене. Император хотел исполнить желание своей супруги, но в то же время желал, чтобы полки вступили в Берлин в полном боевом составе. На продолжавшихся в течение целых дней совещаниях, которые происходили в нижнем этаже дворца, мы напрасно ссылались на расходы, на необходимость считаться с тем, что люди в течение столь долгого времени были оторваны от семьи и дел, на срочную необходимость вернуть сельскому хозяйству такое большое количество рабочих рук. Императору, который не хотел сознаться Совету министров в подлинной причине своей настойчивости, трудно было возражать против наших аргументов; тем не менее он упорно настаивал на том, чтобы вступление войск, и притом в полном боевом составе, состоялось в середине июня. Случалось, что во время совещаний в помещениях, расположенных над залом заседаний, кто-то шагал взад и вперед такой тяжелой поступью, что люстра раскачивалась и звенела. По окончании последнего безрезультатного совещания меня посетил лейб-медик императора Лауэр и сообщил, что он опасается самых тяжелых последствий для здоровья его величества, возможно даже удара, если не будет восстановлен домашний мир. После этого сообщения государственное министерство уступило. Вступление войск состоялось лишь 16 июня в присутствии ее величества.

На тот случай, если — как это и произошло — государственное министерство окажется бессильным, я обдумывал, нельзя ли какими-нибудь другими средствами воздействовать на императора. Мне казалось, что такую помощь мне могут оказать Государственный совет[2] и Совет народного хозяйства[3], от которых я мог ожидать понимания того, какое влияние окажут императорские указы на предстоящие в ближайшее время выборы в рейхстаг. Воздействия в том же направлении я ожидал со стороны иностранных правительств, которые от пристрастного вмешательства императора в рабочий вопрос могли ожидать для себя такого же вреда, какого я опасался для нашей страны. Было принято мое предложение, сделанное на том же заседании 26 января,—созвать Государственный совет и международную конференцию[4], для того чтобы заручиться мнением сведущих людей, в противовес безответственным и невежественным дилетантам.

Составление соответствующих указов я взял на себя. Упомянутая мною камарилья держалась того мнения, что

декларация в том виде, как ее желал император, окажет благоприятное влияние на выборы в рейхстаг. Я был убежден в противном, не предвидя, правда, до какой степени исход выборов 20 февраля подтвердит мою правоту [5] На основе опыта у меня были сомнения тактического характера, что при ситуации, аналогичной той, которая создалась во время прошлогодних забастовок [6], опасно в форме обещаний возвещать мероприятия неопределенного и непродуманного характера. Я был убежден, что лживые и полные искажений избирательные речи никогда не выдвинут на первый план действительное намерение правительства, а всегда послужат лишь предлогом для возбуждающей критики существующего. Решающие декларации перед выборами могут благоприятно на них воздействовать, если исходят из неоспоримых фактов, не дающих повода для извращений; такими фактами являются, например, нападение извне или его угроза, либо покушения, вроде покушения Нобилинга [7]. Что касается намеченной декларации, то я не боялся непосредственной и прямой критики, если бы содержание этой декларации было понято правильно, а опасался лишь ловкого использования ее агитаторами, враждебными государству. Поэтому у меня были опасения относительно того, какое действие произведут желаемые императором указы, но большее значение я придавал личному воздействию на императора. В течение 40 лет мною руководило в прусской и германской политике убеждение, что моя задача заключается не столько в завоевании временных успехов в избирательной борьбе, сколько в том, чтобы предохранить императора от влияний и мероприятий, которые должны повернуть вспять усиление королевской власти и укрепление империи, с успехом осуществлявшиеся мною начиная с 1862 г.

За 40 лет на моих глазах сменилось немало парламентов, и я считал их менее вредными для нашего общего развития, чем ошибки монархов, которые не имели места после того, как в 1858 г. принц-регент вступил на путь, открывший новую эру [8]. Тогда правитель также честно стремился оказать своим подданным благодеяния, которые, по его мнению, не оказывались им лишь из ложно понятого усердия и несправедливого властолюбия. Тогда положение также было таково, что клика честолюбивых карьеристов—фракция Бетман-Гольвега[9], ничего не добившись во времена Мантейфеля, втерлась в доверие к наследнику престола и использовала несоответствие между его благородными намерениями и недостаточным знанием практической жизни, чтобы восстановить его против правительства его брата и изобразить оппозицию против последнего как борьбу за права человека.

Для того чтобы до некоторой степени успокоить нетерпение императора, я придал обоим проектам указа на имя канцлера

и министра торговли форму, соответствующую характеру императора и его стремлению к высокопарности. Представляя эти проекты, я заявил, что составлял их только из повиновения его приказанию и что настоятельно прошу воздержаться от публикаций такого рода, выждать момент, когда можно будет внести в рейхстаг точно сформулированные и разработанные законопроекты, и, во всяком случае, до окончания выборов не касаться рабочего вопроса. Неопределенность и слишком общий характер инициативы императора возбудят ожидания, удовлетворение которых лежит вне пределов возможного, а невыполнение усугубит трудность положения. Когда его величество через несколько месяцев ИЛИ недель сам убедится в ожидаемых мною вреде и опасности, то мне хотелось бы иметь возможность напомнить, что я самым решительным образом отговаривал его от этого шага и составил указы, только выполняя долг повиновения чиновника, еще находящегося на службе. Я закончил просьбой разрешить мне бросить зачитанные проекты в горевший камин. Император ответил: «Нет, нет, дайте их сюда», и с некоторой поспешностью подписал оба указа. 4 февраля они были опубликованы в «Reichs- und Staats-Anzeiger»[10] без контрассигнирования[11].

«Имперскому канцлеру.

Я намерен принять меры к улучшению положения немецких рабочих, поскольку это допускается в границах, установленных моему попечительству необходимостью сохранить конкурентоспособность германской промышленности на мировом рынке и таким образом обеспечить существование промышленности и рабочих. Упадок отечественных предприятий вследствие сокращения сбыта за границей оставил бы без средств к существованию не только предпринимателей, но и рабочих. Вызываемые международной конкуренцией трудности в области улучшения благосостояния наших рабочих могут быть если не преодолены, то все же ослаблены только путем международного соглашения стран, участвующих в господстве на мировом рынке. В убеждении, что и другие правительства воодушевлены желанием подвергнуть совместному рассмотрению те устремления рабочих, которые уже являются предметом международных переговоров между рабочими этих стран, я желаю, чтобы мои представители официально запросили в первую очередь Францию, Англию, Бельгию и Швейцарию, согласны ли их правительства вступить в переговоры с нами в целях международного соглашения относительно возможности пойти навстречу тем потребностям и желаниям рабочих, которые выявились во время забастовок последних лет или каким-либо другим образом. Немедленно по получении принципиального согласия на

мое предложение поручаю вам пригласить все правительства, заинтересованные, как и мы, в разрешении рабочего вопроса, принять участие в конференции для обсуждения соответствующих проблем.

Вильгельм I. R.»

«Министрам общественных работ, торговли и промышленности.

Вступая в управление страной, я объявил о своем решении содействовать дальнейшему развитию нашего законодательства в том же направлении, какому следовал в бозе почивший дед мой, проявляя заботу в духе христианской морали об экономически более слабой части народа. Как ни ценны и успешны мероприятия, принятые до сих пор в законодательном и административном порядке для улучшения положения рабочего сословия, они все же не выполняют всей поставленной передо мной задачи. Наряду с дальнейшим развитием законодательства о страховании рабочих надлежит пересмотреть ныне действующий промышленный устав в части условий труда фабричных рабочих, чтобы принять во внимание те нарекания и пожелания, которые являются обоснованными. Пересмотр должен исходить из того, что одной из задач государственной власти является такое регулирование времени, продолжительности и характера труда, которое обеспечит сохранение здоровья рабочих, требования нравственности, экономические потребности рабочих и их право на равенство перед законом. Для соблюдения мира между работодателями и рабочими надлежит подготовить законодательные определения о том, в какой форме рабочие, через посредство пользующихся их доверием представителей, смогут участвовать в регулировании общих вопросов и защищать свои интересы при переговорах с работодателями и органами моего правительства. Таким путем следует предоставить рабочим возможность свободного и мирного выражения своих пожеланий и жалоб, а государственным учреждениям— всегда знать положение рабочих и поддерживать с ними контакт. Я желаю, чтобы государственные горнозаводские предприятия стали образцовыми в отношении попечения о нуждах рабочих, а для частной горной промышленности я стремлюсь установить органическую связь моих горнозаводских чиновников с предприятиями в целях надзора, соответствующего фабричной инспекции, в том виде, как она существовала до 1865 г.[12] Для подготовки этих вопросов я повелеваю созвать Государственный совет под моим председательством с привлечением тех сведущих лиц, которых я с этой целью назначу. Выбор этих лиц я оставляю за собой. Среди затруднений, препятствующих урегулированию условий труда в намеченном мною смысле, серьезное значение имеют те, которые вытекают

из необходимости оградить отечественную промышленность при ее конкуренции с заграницей. Поэтому я предписал имперскому канцлеру предложить правительствам тех государств, промышленность коих совместно с нашей господствует на мировом рынке, созвать конференцию, чтобы добиться равного международного регулирования тех требований, которые можно предъявлять к деятельности рабочих. Имперский канцлер препроводит вам копию моего направленного ему указа.

Вильгельм R.»

Если, как для меня стало очевидно, я не мог окончательно пресечь личные намерения государя, то был доволен уже тем, что до некоторой степени subrepticie [в обходном порядке] добился его согласия на привлечение к участию в этом деле Государственного совета и правительств соседних государств. Но я ошибся, рассчитывая на эти факторы.

Рассчитывая на то, что факторы экономического порядка будут воздействовать на решения Государственного совета и международной конференции, я переоценил самостоятельность и твердость убеждений людей. В Государственном совете сервильный элемент был усилен назначением ряда неведомых до сих пор личностей, отобранных частью из рабочего сословия, частью из среды берлинских промышленников и произносивших речи, с которыми им, вероятно, приходилось часто выступать раньше[13]. Присутствовал и священник, выступавший в роли агитатора. Все чиновники выжидательно молчали. Только Бааре, владелец металлургического предприятия в Бохуме, и Енке, доверенное лицо Круппа в Эссене, осмелились осторожно критиковать намерения императора. Но они были запуганы напоминанием о словах императора, отчасти действительно сказанных, отчасти выдуманных, а также угрозами предпринимателям и страхом еще более отдалить от себя императора и навлечь новые опасности на имущих и на работодателей. Почтительная робость представителей благоразумия по сравнению с наглостью привычных народных ораторов, приглашенных императором, свидетельствовала о том, что от заседаний Государственного совета нельзя ожидать беспристрастного воздействия на его величество. Император повелел, чтобы заседания происходили в служебном помещении Беттихера,которому были поручены также отбор и приглашение лиц из рабочего сословия. В качестве вице-председателя Государственного совета я, по собственному желанию, присутствовал на первом четырехчасовом заседании, не взяв слова в дискуссии. Когда император хотел приступить к голосованию вопросов, видимо сформулированных Беттихером, я увидел, что среди 40 или 50 человек нахожусь в одиночестве с Енке и Бааре. Так как, являясь министром, я не хотел выступить с открытой

оппозицией императору, то мотивировал свое воздержание от голосования тем, что находящиеся на посту министры вообще не должны голосовать в Государственном совете и этим предрешать свое голосование в государственном министерстве. Император приказал занести мое заявление в протокол.

От посещения последующих заседаний Государственного совета я воздержался, после того как в беседе с императором установил, что этим я выполню его желание.

Открывшаяся 15 марта международная конференция, упоминанием о которой я несколько забегаю вперед, также не оправдала моих ожиданий. Предлагая созыв конференции, я полагал, что уверенность его величества в пользе, справедливости и популярности его устремлений так сильно укреплена теми четырьмя лицами, которые являются интеллектуальными виновниками этих устремлений, что добиться от него готовности выслушать еще других экспертов можно лишь в том случае, если обсуждение будет окружено блеском созванной им европейской конференции и публичного обсуждения в Государственном совете.

Я рассчитывал при этом на более честное изучение германских предложений, по крайней мере со стороны англичан и французов; однако я неправильно взвесил при этом те тенденции, которых следовало ожидать от наших западных конкурентов. Я предполагал у них больше честности и гуманности, чем это было на самом деле. Я полагал, что они из практических соображений либо отвергнут утопическую часть предложений императора, либо согласятся на введение аналогичных учреждений в странах, участвующих на конференции. Этим достигалось бы равномерное улучшение положения рабочих и равномерное увеличение издержек производства. Первая часть альтернативы казалась мне более вероятной вследствие трудности осуществления второго предположения и контроля над его выполнением. Однако я не рассчитал, что наши представители настолько окажутся в плену фраз Жюля Симона, что в результате не нашлось даже пригодной для императора аргументации, а только возникла уверенность в том, что наши соседи всячески поддерживали и поощряли наши иллюзии и избегали чинить помехи германскому законодательству, когда оно вступало на путь создания неудобств для отечественной промышленности и для своих рабочих. В своем поведении они руководились тем же принципом, каким в настоящее время руководятся те элементы, с которыми я в течение десятков лет вел борьбу как с врагами империи: не их-де дело удерживать императорское правительство от нанесения вреда самому себе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мирный договор, подписанный во Франкфурте 10 мая 1871 г. и ратифицированный французским Национальным собранием 18 мая 1871г., завершил франко-прусскую войну 1870—1871 гг.

[2] *Государственный совет* состоял из достигших совершеннолетия принцев королевской крови, из высших правительственных чиновников и из лиц, назначавшихся императором.

[3] *Совет народного хозяйства* в Пруссии был образован указом Вильгельма I от 17 ноября 1880 г. Задачей этого Совета являлось обсуждение законопроектов, касающихся торговли, промышленности и сельского хозяйства. Однако назначение членов Совета было произведено почти через 10 лет после его создания, только 14 января 1890 г., т. е. как раз во время конфликта Бисмарка с Вильгельмом II по поводу рабочего законодательства.

[4] *В марте 1890 г.* в Берлине была созвана *международная конференция* для обсуждения вопроса о создании единого рабочего законодательства для западноевропейских стран. Кроме Германии на конференции участвовали представители правительств Англии, Франции, Австрии, Италии, Бельгии, Голландии, Швеции, Норвегии, Дании, Люксембурга, Швейцарии, Испании и Португалии. Конференция обсудила вопрос о едином законодательном регулировании труда в промышленных предприятиях и на рудниках представленных на конференции стран. Были приняты решения о запрещении труда детей моложе 12 лет, ночного труда женщин в шахтах, о воскресном дне отдыха, о введении для женщин 11-часового и для подростков 10-часового рабочего дня и т. д. Однако эти решения фактически не имели значения, так как постановления конференции не были обязательными для ее участников.

[5] На выборах в рейхстаг 20 февраля 1890г. социал-демократы получили 1 427 тыс. голосов вместо 763 тыс. голосов на предыдущих выборах 1887 г. и по числу голосов заняли первое место. Оппозиционная партия свободомыслящих получила 1 159 тыс. голосов вместо 973 тыс. на выборах 1887 г. Правые партии потерпели поражение. Национал-либералы и обе консервативные партии потеряли в общей сложности свыше миллиона голосов.

[6] Речь идет о забастовках горнорабочих в 1889 г.

[7] *Покушение Нобилинга* в 1878 г. на Вильгельма I было использовано Бисмарком как предлог для издания исключительного закона против социалистов и для жестокого преследования рабочего движения.

[8] В октябре 1857 г. прусский король Фридрих-Вильгельм IV был признан душевнобольным. Его заместителем на троне, а с 1858 г. регентом стал его брат Вильгельм (впоследствии император Вильгельм I). Регентство ознаменовалось отставкой правительства реакционера Мантейфеля и приходом к власти умеренно-либерального правительства «новой эры», правившего с ноября 1858 г. до марта 1862 г., т. е. до прихода к власти Бисмарка.

[9] Фракцией карьеристов Бетман-Гольвега Бисмарк называет близкую к императрице Августе группу, возглавлявшуюся Морицем Бетман-Гольвегом, политическим деятелем, склонным к соглашению с либералами. Термины «фракция» и «партия» Бисмарк употребляет не только в общепринятом значении, но и в смысле придворных и иных группировок.

[10] «*Reichs- und Staats-Anzeiger*» («Имперский и государственный вестник») — орган, публиковавший официальные распоряжения правительства.

[11] Без контрассигнирования, т. е. не подписанные канцлером. По конституции 1871 г. указы императора должны были скрепляться подписью рейхсканцлера, который тем самым принимал на себя ответственность за распоряжения императора. Газета оппозиционной партии свободомыслящих «Nationalzeitung» немедленно после опубликования февральских указов Вильгельма II отметила отсутствие подписи рейхсканцлера и сделала вывод о наличии разногласий между ним и императором.

[12] Фабричная инспекция была создана в Пруссии законом от 16 мая 1853 г. Однако постепенно деятельность фабричной инспекции прекращалась, и к 1865 г. института фабричных инспекторов фактически уже не существовало.

[13] Бисмарк здесь допускает неточность. Действительно, 9 февраля 1890 г. было назначено несколько новых членов Государственного совета. Почти все они были противниками Бисмарка. Поэтому он превращает их в *«неведомые личности»,* хотя все они были достаточно известны как ему, так и правящим кругам Германии. Среди них были ярые приверженцы Вильгельма II из среды его личного окружения: граф Дуглас, профессор берлинской академии Гейден, бывший воспитатель Вильгельма II Гинцпетер. Кроме того, членами Государственного совета были назначены эссенский промышленник Крупп, известный депутат рейхстага барон Хюне (Huene), промышленники Бааре, Енке и др. Состав вновь назначенных членов Государственного совета предрешал результаты его заседаний не в пользу Бисмарка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРЕМЕНЫ

О том, какие перемены происходили в настроениях и намерениях императора за последние недели перед моей отставкой, я могу более или менее правильно судить лишь по поведению императора и по сведениям, полученным мною позднее. Только о своих собственных психологических переживаниях я могу ретроспективно дать себе отчет на основании записей, которые я вел тогда изо дня в день. Конечно,между нашими настроениями существовало взаимодействие, но не представляется возможным воспроизвести связь между этими одновременно происходящими событиями. В моем возрасте мне был дорог не мой пост, а только выполнение долга. Все более явственными становились признаки большего доверия императора к Беттихеру, Верди, к моим советникам, к Берлепшу и другим непрошенным советчикам, чем ко мне. Его величеству внушали (Беттихер и Берлепш), что я препятствую его популярности среди рабочих. Это неоднократно заставляло меня задумываться о том, насколько целесообразно для меня полностью или частично удалиться от дел без ущерба для государственных интересов. Часто в бессонные ночи я без раздражения обдумывал, должен ли и могу ли я уклониться от предстоящих трудностей. Я неизменно приходил к заключению, что если бы я уклонился от борьбы, которую предвидел, то в душе чувствовал бы, что нарушил свой долг. Далекий от какого-либо чувства обиды, я находил психологически понятным нежелание императора делить со мной славу грядущих лет его правления; его право на это было очевидным. При моих взглядах на императора и его цели было очень соблазнительно освободиться от всякой ответственности; но мое чувство чести подсказывало мне, что это побуждение является бегством от борьбы и работы на службе отечеству, что оно несовместимо с мужественным выполнением долга. В то время я опасался, что кризисы, которые нам, по моему мнению, предстоят, быстро наступят. Я не предвидел, что начало их будет

отсрочено отказом правительства от всякого закона против социалистов и уступками различным врагам империи. Я считал и продолжаю считать, что чем позже наступят кризисы, тем опаснее они будут. Я считал императора более воинственной натурой, чем он был или оставался под чужим влиянием, и считал своим долгом помогать ему, умеряя его пыл, а в случае надобности вступая с ним в борьбу.

После того как на второй неделе февраля усилилось мое впечатление, что император желает разрешить без меня по крайней мере социальные вопросы, и притом с большей уступчивостью, чем я считал целесообразным, я решил внести ясность в этот вопрос и на докладе 8 февраля сказал: «Боюсь, что мешаю вашему величеству». Император молчал, следовательно, подтверждал. Тогда я а l'amiable [в порядке полюбовного разрешения вопроса] заявил, что в таком случае я сначала могу отказаться от своих прусских должностей, сохранив за собой только — предназначенную мне моими противниками еще более 40 лет тому назад — «стариковскую долю» [1] в виде иностранного ведомства, и, таким образом, смогу и в дальнейшем использовать для императора и империи приобретенный мною в Германии и за границей капитал — мой опыт и доверие. Его величество одобрительно кивнул головой при этой части моего изложения и под конец с живостью спросил: «Но военные кредиты вы ведь еще проведете в рейхстаге?» Не зная размера кредитов, я ответил готовностью отстаивать их. Для меня вопрос о социалистах был первоначально важнее, чем вопрос военный, так как я считал, что, за исключением артиллерии и унтер-офицерского состава, мы достаточно сильны. Верди был назначен без согласования со мной. С 1870 г. между нами были натянутые отношения, и я считал его mouchard [шпионом] императора в Совете министров. Его назначение уже было шахматным ходом императора против меня, и я не считал своей задачей в первую очередь бороться против широких планов, которые nomine [от имени] императора и Верди были внесены как «неотложные». Испрашиваемые 117 миллионов марок вызывали на бой прежде всего министров финансов и союзные правительства, а затем рейхстаг. Для меня же вопрос о социалистах, как вопрос арьергардного боя, был важнее законопроекта Верди, и таковым этот вопрос и остается.

Далее, я предложил отложить мой уход с прусских должностей, — если пожелает его величество, — до дня выборов (20 февраля) для того, чтобы отставка не была истолкована, как результат выборов, и вместе с тем не повлияла бы на выборы, и без того, по моему мнению, поставленные под угрозу императорскими указами. В своей программе я рекомендовал моим преемником по прусской службе, во всяком случае, назначить генерала, так как опасался, что при возможной борьбе с социа-

листическим движением и при повторных роспусках рейхстага либеральные министры будут неохотно отстаивать взгляды императора, как в свое время это было с Бодельынвингом и другими[2]. У последних, по крайней мере, не было недостатка в личном] мужестве, и они направляли деятельность короля в марте 1848 г. таким образом, что реакционные пути стали невозможными. Важнейшими ведомствами в таких случаях, сказал я его величеству, являются полиция, армия и юстиция. Полиция находится в руках министра внутренних дел Геррфурта, либерального бюрократа. Военное министерство, на котором в 1848 г. основывалась сила сопротивления короля и его окончательная победа, также находится в руках либералов; политические идеалы господина фон Верди вряд ли совпадают с идеалами большинства его предшественников. От министра юстиции зависит поведение прокуратуры, а господин Шеллинг— превосходный юрист и консерватор по убеждениям, но одряхлел и не годится для самоотверженной борьбы в трудную минуту. Беттихер — также не герой, а киселеобразная натура. Только военное руководство может в критические минуты возместить слабость штатских. В качестве подходящего генерала я назвал Каприви; правда, он не разбирается в политике, но зато является надежным для императора солдатом; в спокойные времена в качестве министра-президента он мог бы в значительной мере воздерживаться от политики. О том, что Каприви может стать моим преемником в иностранном ведомстве, тогда не было речи. Император согласился с мыслью о моем уходе с прусских должностей, а когда я назвал Каприви, то на его лице как будто бы заметил выражение удовлетворенного изумления. Повидимому, кандидатура Каприви уже раньше была намечена его величеством. Отсюда я мог предположить, что последовавший вскоре после заседания Коронного совета от 24 января вызов генерала из Ганновера в Берлин преследовал иные цели, чем участие в военных совещаниях. Странным было лишь то, что Каприви являлся также кандидатом Виндгорста[3]. Между Каприви и центром существовали связи со времен культуркампфа и газеты «Reichsglocke» [4] via [через] Леббина.

На заседании министров 9 февраля я намекнул о своем намерении уйти с прусских должностей. Коллеги молчали, лица их сохраняли различные выражения. Только Беттихер сказал несколько ничего не значащих слов, но после заседания спросил меня, будет ли он в качестве министра-президента рангом выше при дворе, чем старый генерал-полковник фон Папе. Я сказал своему сыну: «Они с облегчением и удовлетворением вздыхают при мысли, что отделаются от меня».

Желание императора, чтобы я отстаивал проектируемые им в то время крупные военные кредиты, побудило меня к по-

вторному рассмотрению обстановки, которая сложилась бы при моем уходе с прусских должностей уже 20 февраля [5]. Я должен был принимать во внимание, что мое выступление в защиту законопроектов Верди и даже менее важных проектов имело бы меньший вес и меньше шансов на успех, если бы в это время я внешне уже не пользовался в прежней мере доверием императора и уже не мог бы выступать в Союзном совете в качестве руководителя прусской политики, а должен был бы выполнять инструкции моих прусских коллег и преемников. Разъяснив эти соображения, я в докладе 12 февраля рекомендовал императору решение о моей отставке отсрочить и осуществить не 20 февраля, а *после* первого положительного или отрицательного голосования нового рейхстага о военных кредитах и о возобновлении закона о социалистах, т. е. предположительно до мая или июня. Его величество, на которого мой доклад, как мне показалось, произвел неприятное впечатление, сказал: «Тогда все остается пока по-старому». Я ответил: «Как прикажет ваше величество. Я опасаюсь неблагоприятных выборов, и понадобится весь прежний авторитет, чтобы воздействовать на рейхстаг: мое прежнее значение в рейхстаге и без того уменьшилось в результате уже получившего огласку ослабления высочайшего доверия ко мне».

Хотя я был вполне убежден, что император хотел от меня отделаться, но моя привязанность к трону и сомнения в будущем вынуждали меня считать, что будет трусостью уйти в отставку, не исчерпав всех средств для предотвращения опасностей и для защиты монархии. После того как определился исход выборов я, в докладе 25 февраля, изложил свою программу в уверенности, что его величество, и при новой ситуации после выборов, продолжит ту политику, которую он провозглашал мне до сих пор в течение ряда лет. Учитывая состав рейхстага, и в целях защиты прежней социальной политики, а также необходимых военных кредитов, я считал теперь еще более необходимым остаться вплоть до окончания первых парламентских боев, чтобы помочь охранить наше будущее от социалистической опасности. В результате своей политики по отношению к забастовкам и указов от 4 февраля, его величеству, быть может, придется вести борьбу с социал-демократией раньше, чем пришлось бы, если бы не были проведены эти мероприятия. Если он этого хочет, то я охотно поведу борьбу; если же паролем будет уступчивость, то я предвижу более серьезные опасности; отсрочка кризиса приведет к непрерывному росту этих опасностей. Император согласился с этим, отказался от уступчивости и, подав мне при прощании руку, как мне показалось, одобрил мой пароль: no surrender! [не сдаваться!].

На следующий день он с удовлетворением отзывался в своем кругу о моем докладе: ему хотелось бы только, чтобы я в еще

большей степени создавал впечатление, что правит *он* один, что мероприятия исходят от него и т. д.

Полагая, что я имею согласие императора на свою программу и остаюсь на своих должностях примерно до июня, я заявил на заседании министров 2 марта, что его величество согласился с оценкой положения и исполнен решимости бороться. Возможно, что с этой целью придется реконструировать министерство; в свое время я предоставлю свой портфель в распоряжение [императора] и, в соответствии с последними высказываниями его величества, получу поручение образовать однородное министерство, готовое бороться против социальной революции. Мое заявление пришлось по душе далеко не всем коллегам: выражение «однородное» было понято в том смысле, что агрессивное выступление против социализма требует таких свойств характера, которые имелись не у всех.

8 марта мне был дан повод для размышлений о том, объяснялось ли поведение императора в конце моего доклада от 25 февраля мгновенным возбуждением, исчезнувшим вскоре после этого, или же он, быть может, не принимал своих слов всерьез. Во время доклада по другим вопросам его величество рекомендовал мне быть любезнее с Беттихером. В ответ на это я описал нарушение субординации и двуличность Беттихера по отношению ко мне. Я упомянул, что по закону он является моим подчиненным по имперской службе, а в государственном министерстве находится только в качестве моего помощника. Тем не менее в рейхстаге он действует против меня, в частности в вопросах социального законодательства и воскресного отдыха. Вечером 20 января он созвал Союзный совет, склонил его к согласию на внесенное по инициативе рейхстага предложение об увеличении жалования чиновникам, а затем сделал в рейхстаге соответствующее заявление от имени союзных правительств, в прямом противоречии с моими письменными указаниями, полученными им утром того же дня. Едва я покинул дворец, как император послал господину фон Беттихеру орден Черного орла[6] с весьма милостивым цисьмом. Меня, как начальника награжденного лица, об этом не известили; не сообщили мне об этом и в дальнейшем.

Несмотря на эту демонстрацию, направленную против меня, я не вынес при докладе 10 марта впечатления, что император отказался от моей программы; его величество заявил, что намерен настаивать на увеличенных военных кредитах, которые накануне на заседании министерства военный министр фон Верди внушительно объявил *не подлежащими отклонению.* Мысль Шарнгорста—Бойена об обучении каждого способного носить оружие оставлена нами, а французы восприняли ее как [создание] nation armee [вооруженной нации]. Несмотря на то, что население Франции меньше нашего на 11 миллионов, у них

в скором времени будет обученных солдат на 750 тысяч больше, чем у нас. На заседании министров 12 марта обсуждался тот же вопрос, и оказалось, что для осуществления планов Верди потребуется в течение длительного времени дополнительно свыше 100 миллионов марок в год. Верди был задан вопрос, нельзя ли на этой чрезвычайной сессии рейхстага удовлетвориться самым насущным и провести необходимый законопроект об артиллерии, принятие которого обеспечено, не обрекая его на отсрочку в результате роспуска рейхстага, неизбежного при требовании кредитов в целом. Верди ответил, что законопроект в целом не терпит отлагательства. Я потребовал заключения управляющего финансами; Шольц и Мальцан приняли на себя финансовую разработку вопроса. Будущая цифра увеличения бюджета армии была намечена в сумме свыше 100 миллионов марок с постепенной реализацией на протяжении 10 лет.

В то время как я таким образом работал над осуществлением программы императора, последний, как мне приходится думать, от нее отказался, не сообщив мне об этом. Для меня остается нерешенным вопрос, насколько серьезно он вообще относился к ней. Позднее мне сообщили, что великий герцог Баденский, по совету господина фон Маршалля, предостерегал в те дни императора от политики, которая может привести к кровопролитию. Если бы дошло до конфликта, «то старый канцлер снова оказался бы на первом плане».

При создавшемся положении у меня не было основания для разрыва с рейхстагом по военному вопросу; я защищал военные кредиты отчасти по убеждению (артиллерия, офицеры, унтер-офицеры), отчасти потому, что считал задачей других (финансы, рейхстаг) по данному вопросу оказывать противодействие императору и его Верди.

Не знаю, нужно ли было вообще такое воздействие. Великий герцог прибыл в Берлин за несколько дней до 9 марта, годовщины смерти императора Вильгельма, а по моим сведениям, решение императора отказаться от программы борьбы относится ко времени между 8 и 14 марта. Я подозреваю, что ему было трудно открыто заявить мне о своем отказе от нее и что вместо этого был, к моему сожалению, избран путь — сделать для меня невыносимым пребывание на посту вплоть до обусловленного июньского срока. Обычные до тех пор формы делового сношения со мной претерпели в эти дни коренное изменение; из этого я должен был вынести убеждение, что император считал мои услуги не только ненужными, но и нежелательными. Вместо того чтобы с обычной откровенностью дружески сказать мне это, его величество в немилостивой форме побуждал меня к отставке. До сих пор у меня не возникало чувства личной обиды. Я честно готов был помочь императору в устройстве дел согласно его воле. Это мое настроение было нарушено лишь

мероприятиями 15, 16 и 17 [марта][7], освобождавшими меня от всякой собственной ответственности за уход со службы, а также внезапностью выселения из квартиры, которое вынудило меня в однодневный срок ликвидировать домашнее хозяйство, создававшееся в течение целой человеческой жизни. Я до настоящего времени так и не узнал с бесспорной достоверностью о подлинной причине разрыва.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *«Стариковская доля»* — термин немецкого обычного права — обозначает прожиточный минимум, выделяемый родителям сыном, во владение которого переходит крестьянский двор ввиду неработоспособности отца. На выборах в рейхстаг в октябре 1881 г. национал-либералы потеряли половину своих депутатских мест по сравнению с предыдущими выборами 1878 г. При новом соотношении сил в рейхстаге Бисмарк нуждался в поддержке со стороны консерваторов и партии центра для создания прочного правительственного большинства. Для того чтобы зондировать позицию центра и выяснить возможность примирения с партией центра и католической церковью, Бисмарк в беседе с несколькими членами Союзного совета в ноябре 1881 г. заявил о своем намерении передать руководство внутренней политикой вице-канцлеру, а за собой оставить только «стариковскую долю», т. е. внешнюю политику. По окончании беседы Бисмарк сказал присутствовавшему при этом баварскому посланнику: «Подготовьте вашего земляка Франкенштейна к тому, что вскоре я вступлю с ним в переговоры» (баварский лидер партии центра Франкенштейн был вице-председателем рейхстага). Путем отказа от культуркампфа Бисмарку удалось добиться поддержки центра и обеспечить себе большинство в рейхстаге.

2 Прусский министр внутренних дел *Бодельшвинг-Фельмеде* в 1847 г., накануне революции 1848 г., советовал королю сделать уступки оппозиции, отменить цензуру и т. д.

3 Т. е. партии центра, лидером которой был Виндгорст.

4 Газета *«Reichsglocke»* была основана в 1870 г. и выступала против Бисмарка. В газете принимали участие граф Арним и другие враждебные Бисмарку лица.

5 На 20 февраля 1890 г. были назначены выборы в рейхстаг.

6 *Орден Черного орла* — высший прусский орден, учрежденный в 1701 г.

7 15 марта 1890 г. Вильгельм II потребовал от Бисмарка отменить приказ 1852 г., запрещающий министрам делать личные доклады королю без ведома министра-президента. Отказ Бисмарка контрассигнировать отмену приказа послужил внешним поводом для отставки. 17 марта Вильгельм II формально потребовал ухода Бисмарка в отставку.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МОЯ ОТСТАВКА

14 марта утром я запросил, явиться ли мне для личного доклада [императору] в этот или на следующий день, но не получил ответа. Я был намерен доложить императору о беседе, состоявшейся у меня 12-го с Виндгорстом [1], а также о некоторых, сообщениях, поступивших из России. 15 марта около 9 часов утра я был разбужен сообщением, что его величество только что повелел мне сделать в $9^1/_2$ часов утра доклад в иностранном ведомстве; под этим, по установившемуся обычаю, подразумевалась служебная квартира моего сына [2]. Мы приняли там императора. На мое замечание, что я чуть было не опоздал, так как всего 25 минут тому назад был разбужен приказом его величества, император ответил: «Вот как... А "я отдал распоряжение вчера днем». Впоследствии выяснилось, что он распорядился о назначении доклада только после 10 часов вечера, а вечерней почты из дворца, как правило, не бывает. Я начал свой доклад: «Могу доложить вашему величеству, что Виндгорст вылез из своей берлоги и посетил меня». Император воскликнул: «Но вы, конечно, выбросили его за дверь?» В то время как мой сын вышел из комнаты, я возразил, что, конечно, принял Виндгорста, как в качестве министра принял бы любого депутата, если этого не исключает его поведение, и что я обязан так поступать, когда ко мне обращается депутат. Император заявил, что я должен был предварительно запросить его. Я возражал и настаивал на праве свободно в своем доме принимать посетителей, особенно таких, прием которых является моим служебным долгом или для приема которых у меня есть основание. Император настаивал на своем требовании, добавив, что, как ему известно, визит Виндгорста состоялся при посредничестве банкира Блейхредера: «евреи и иезуиты всегда держатся вместе». Я возразил, что польщен такой точной осведомленностью его величества о происходящем в моем доме; это верно, что Виндгорст обратился к посредни-

честву Блейхредера, вероятно, из каких-нибудь расчетов, ибо знал, что каждый депутат во всякое время имеет ко мне доступ. Однако выбор посредника исходил от Виндгорста, а не от меня, и совершенно меня не касается. При соотношении сил в новом рейхстаге для меня важно было знать план действий лидера сильнейшей фракции[3], и я был доволен, что последний неожиданно просил принять его. В беседе я констатировал, что Виндгорст намерен поставить невозможные требования (status quo ante 1870)[4]. Выяснение его намерений было моей служебной обязанностью. Если его величество хочет упрекнуть меня по этому поводу, то это равносильно тому, как если бы его величество запретил своему начальнику генерального штаба производить на войне рекогносцировку врага. Я не могу подчиниться такому надзору над частностями и над моей личной жизнью в собственном доме. Но император категорически требовал этого, ответив вопросом: «Даже если приказывает ваш суверен?» Я упорствовал в своем отказе.

О планах Виндгорста император не спрашивал меня, а начал со следующего: «Я больше не получаю никаких докладов от своих министров; мне сказали, что вы запретили им делать мне доклады без вашего разрешения или присутствия и что вы сослались при этом на какой-то старый пожелтевший приказ, который уже совсем забыт».

Я объяснил, что это не так. Приказ от 8 сентября 1852 г., который действует с начала нашей конституционной жизни, необходим для любого министра-президента и требует только, чтобы последнего ставили в известность обо всех важных, принципиально новых предложениях до получения высочайшего решения, так как иначе он не может нести общей ответственности; где имеется министр-президент, там следует руководствоваться содержанием этого приказа. Император утверждал, что такой приказ ограничивает его королевские прерогативы, и потребовал его отмены. Я обратил внимание его величества, что три его предшественника[5] правили, соблюдая этот приказ; с 1862 г. ни разу не понадобилось ссылаться на приказ, так как он всегда соблюдался как нечто само собою разумеющееся. Теперь мне пришлось напомнить о нем для того, чтобы поддержать перед министрами свой авторитет, с которым они не считались. Приказ не ограничивает докладов министров, и уведомление премьер-министра обусловлено только в том случае, если его величеству предлагают *новые* общие установления, чтобы премьер-министр в важных, по его мнению, случаях был в состоянии в совместном докладе изложить свою личную, быть может иную, точку зрения. Король может затем всегда решать по своему усмотрению; при Фридрихе-Вильгельме IV не раз случалось, что король решал вопреки премьер-министру.

Затем, на основании полученных депеш, я затронул вопрос о визите в Россию, который его величество назначил на лето*. Я возобновил свои возражения по этому поводу и подкрепил их упоминанием о секретных донесениях из Петербурга, присланных графом Гацфельдтом из Лондона; в них содержались неблагоприятные высказывания, якобы сделанные царем о его величестве и о последнем посещении [России] его величеством[6]. Император потребовал, чтобы я прочел ему одно из таких донесений, которое я держал в руках. Я заявил, что не могу на это решиться, так как текст оскорбит его. Император взял документ из моих рук, прочел его и, видимо, был справедливо оскорблен текстом выражений, приписанных царю.

Приписываемые императору Александру [III] мнимыми очевидцами выражения о впечатлении, произведенном на него кузеном во время его последнего визита в Петергоф, действительно были такими неприятными, что я колебался, упоминать ли вообще его величеству обо всем этом донесении. У меня и без того не было уверенности в том, что источники и сведения графа Гацфельдта являются подлинными; подложные документы, подсунутые императору Александру в 1887 г. из Парижа, были с успехом опровергнуты мною. Они побуждали меня подумать о возможном намерении с помощью фальсификации попытаться воздействовать с другой стороны в аналогичном направлении на нашего монарха, чтобы восстановить его против русского родственника и в англо-русских спорных вопросах сделать врагом России, а следовательно, прямо или косвенно союзником Англии. Правда, мы живем уже не в те времена, когда оскорбительные шутки Фридриха Великого превращали императрицу Елизавету и госпожу де Помпадур, т. е. тогдашнюю Францию, в противников Пруссии. Тем не менее я не мог заставить себя зачитать или сообщить своему собственному суверену выражения, приписанные царю. Однако, с другой стороны, мне приходилось считаться с тем, что император, как обычно, охвачен недоверием, не скрываю ли я от него важные депеши, и что наведение им справок не ограничивалось непосредственным обращением ко мне. Император не всегда относился к своим министрам с таким же доверием, как к их подчиненным, и граф Гацфельдт, как полезный и послушный дипломат, иногда пользовался большим доверием, чем его начальник. При встречах в Берлине или Лондоне Гацфельдт легко мог обратиться к его величеству с вопросом, произвели ли на императора впечатление и какое эти поразительные и важные сообщения. Если бы при этом обнаружилось, что я не использовал их, а просто приложил к делу,— а это было бы лучше всего, — император мог бы мысленно или устно упрекнуть меня в том, что я в инте-

---

* См. стр. 43.

ресах России утаил от него эти депеши. Именно так было днем позже с военными донесениями одного из консулов. Кроме того, полному умолчанию о донесениях Гацфельдта противоречило мое намерение побудить императора отказаться от вторичного посещения Петербурга. Я надеялся, что император посчитается с моим категорическим отказом сообщить ему приложения к донесению Гацфельдта, как, без сомнения, сделали бы его отец и дед. Поэтому я ограничился изложением документов и намекнул, что из них явствует нежелательность визита императора для царя, которому будет приятнее, если визит не состоится. Текст, который император взял своими руками и прочитал, несомненно, глубоко его оскорбил, как можно было себе представить.

Он поднялся и сдержаннее обычного протянул мне руку, в которой держал каску. Я проводил его по лестнице до дверей дома. Перед подъездом, уже садясь в экипаж, он на глазах у слуг снова взбежал по ступенькам и горячо пожал мне руку.

Если уже характер всего поведения императора по отношению ко мне мог вызвать только то впечатление, что его величество хочет сделать для меня службу невыносимой и добивается того, чтобы я подал заявление об отставке, то, как мне кажется, справедливая чувствительность к оскорблениям, сообщенным графом Гацфельдтом, в данный момент, независимо от соображений последнего, еще более усилила эту тактику императора по отношению ко мне. Даже если перемена в обращении и в отношении императора ко мне не имела той цели, на мысль о которой она меня наводила, а именно — установить, как долго выдержат мои нервы, — то все же для монархов было обычным за обиду, нанесенную королю каким-либо посланием, отплатить прежде всего посланцу. История древнего и нового времени знает примеры, когда посланцы становились жертвами королевского гнева за содержание послания, авторами которого они не были.

. Во время доклада император неожиданно заявил, что хочет во всяком случае избежать роспуска рейхстага и поэтому в такой мере уменьшить военные кредиты, чтобы обеспечить большинство в рейхстаге. Аудиенция и мой доклад оставили у меня впечатление, что император хочет от меня отделаться, что он изменил свое намерение вместе со мной провести первые заседания нового рейхстага и решить вопрос о нашем расставании лишь в начале лета, когда выяснится, необходим ли роспуск нового рейхстага. Мне кажется, что император не хотел аннулировать состоявшееся между нами 25 февраля quasi [подобие] соглашение, но пытался теперь немилостивым обращением побудить меня к прошению об отставке. Однако я не отклонялся от принятого мною решения подчинить мои личные чувства интересам службы.

По окончании доклада я спросил, настаивает ли его величество на своем повелении мне о безусловной отмене приказа 1852 г., на котором основано положение министра-президента. Ответом было краткое: «Да». Я все же не принял при этом решения о немедленной отставке, а решил, как говорится, отложить повеление «в долгий ящик» и ожидать напоминания об исполнении, затем испросить письменного распоряжения и доложить о нем в государственном министерстве. Таким образом, я еще и тогда был убежден, что я не должен брать на себя инициативу моей отставки и тем самым ответственность за нее.

На следующий день, когда у меня на обеде были английские делегаты конференции[7], ко мне явился начальник военного кабинета генерал фон Ганке и обсудил со мной требование императора об отмене упомянутого приказа. Я заявил, что по приведенным деловым соображениям это нецелесообразно. Председательствовать в министерстве невозможно без полномочий, предоставленных этим приказом; если его величество желает отменить приказ, то он должен сделать то же самое со званием председателя государственного министерства, против чего я в таком случае не возражал бы. Генерал Ганке покинул меня, заявив, что вопрос наверное уладится и что он берет это на себя. (Приказ не был отменен и после моей отставки .*.)

Утром следующего дня, 17 марта, Ганке явился снова и с сожалением сообщил, что его величество настаивает на отмене приказа и после доклада Ганке о нашей вчерашней беседе ожидает, что я немедленно подам в отставку; я должен днем явиться во дворец для получения отставки. Я ответил, что чувствую себя не вполне здоровым и сделаю это в письменной форме.

В то же утро от его величества поступил обратно ряд донесений, в том числе от одного из наших консулов в России. К нему была приложена в открытом виде, стало быть проходившая через канцелярию, собственноручная записка императора следующего содержания:

---

* На заседании Прусского ландтага 28 апреля 1892 г. граф Эйленбург определил положение министра-президента, как это можно установить из имеющихся отчетов, следующим образом:

«Не требуется, как мне кажется, доказывать, что задача прусского министра-президента заключается не только в руководстве прениями и подсчете голосов. Задача председателя прусского государственного министерства — обеспечить единообразие и единство направления в ведении государственных дел и представлять, где это потребуется, министерство в целом. Я думаю, поэтому, что высказанное здесь мнение о незначительности роли министра-президента лишено оснований. (Аплодисменты.)» Из этого заявления можно сделать заключение, что и в настоящее время не последовало отмены приказа 1852 г. о полномочиях министра-президента, сыгравшей такую выдающуюся роль в вопросе о моей отставке; иначе министр-президент граф Эйленбург вряд ли был бы в состоянии осуществлять ту программу, которую он развил в указанной речи, встретившей полное одобрение палаты депутатов.

«Донесения с совершенной ясностью показывают, что русские находятся в разгаре стратегической подготовки для вступления в войну. Мне приходится весьма сожалеть, что я получил столь незначительную часть донесений. Вы могли бы уже давно обратить мое внимание на угрожающую страшную опасность! Давно пора предупредить австрийцев и принять контрмеры. При таких обстоятельствах, конечно, нечего и думать о моей поездке в Красное.

Донесения превосходны.

В.»

Суть дела заключалась в следующем. Упомянутый консул, редко имевший надежную оказию, прислал сразу 14 более или менее объемистых донесений, в общей сложности свыше 100 страниц[8]. Первое из этих донесений было написано несколько месяцев тому назад, следовательно, его содержание, надо полагать, не было новостью для нашего генерального штаба. Для обработки донесений военного содержания существовала следующая практика: донесения, которые не являлись достаточно важными и срочными, чтобы быть представленными иностранным ведомством непосредственно императору, направлялись в два адреса: 1) военному министру, 2) начальнику генерального штаба для сведения с просьбой возвратить обратно. Делом генерального штаба было отделить новое в военном отношении от уже известного, важное от неважного и через военный кабинет довести первое до сведения его величества. В данном случае четыре донесения со сведениями смешанного — военного и политического характера я представил непосредственно императору; шесть — исключительно военного характера — я направил в указанные два адреса, а остальные четыре передал соответствующему советнику для доклада мне, чтобы выяснить, не содержат ли они чего-либо, требующего высочайшего решения. В противоречие с обычным и единственно возможным порядком делопроизводства император, повидимому, вообразил, что я хотел скрыть от него те донесения, которые послал в генеральный штаб. Если бы я хотел сохранить что-либо в тайне от его величества, то уже, конечно, не ожидал бы бесчестной утайки документов именно от генерального штаба, не все руководители которого были моими друзьями, или от военного министра Верди.

Итак, из-за того, что консул сообщил о событиях военного характера, частично трехмесячной давности, происходивших в сфере его наблюдения, и, между прочим, об известном генеральному штабу перемещении нескольких казачьих сотен к австрийской границе, надо было поднять тревогу в Австрии, угрожать России, готовиться к войне и отказаться от визита, о котором император объявил по собственной инициативе. А из-за того, что

донесения консула поступили с опозданием, мне бросили implicite [подразумеваемый] упрек в государственной измене, в утайке фактов для сокрытия грозящей извне опасности. В немедленно представленном мною личном докладе я доказывал, что все донесения консула, которые не были представлены иностранным ведомством непосредственно императору, были без промедления направлены военному министру и генеральному штабу. Отослав этот доклад, я созвал вечером заседание министров (через несколько дней мой доклад вернулся обратно в иностранное ведомство без какой бы то ни было пометки на полях, следовательно, тяжелое обвинение не было взято обратно).

Я должен признать игрой случая, а история, быть может, назовет это роковым событием, что утром того же дня меня посетил прибывший ночью из Петербурга посол граф Павел Шувалов и заявил, что он уполномочен вступить в переговоры о некоторых договорных отношениях *. Эти переговоры вскоре прекратились, когда я перестал быть канцлером.

Я составил следующий проект заявления для оглашения на заседании министерства:

«Я сомневаюсь в том, могу ли я впредь нести возложенную на меня ответственность за политику императора, так как он не оказывает мне необходимого для этого содействия. Я был поражен тем, что окончательное решение относительно так называемого законодательства об охране труда его величество вынес совместно с Беттихером, не снесясь со мной и с государственным министерством; я выразил тогда опасение, что подобный образ действий во время выборов в рейхстаг вызовет волнение, возбудит несбыточные надежды и, при их невыполнимости, в конце концов подорвет престиж короны. Я надеялся, что контрпредставление государственного министерства побудит его величество к отказу от провозглашенных намерений, но я не встретил поддержки у моих коллег, а обнаружил, что мой ближайший заместитель, господин фон Беттихер, без моего ведома уже дал согласие на инициативу императора, и убедился, что многие из моих коллег считали целесообразным согласиться на это. Уже тогда я должен был усомниться в том, обладаю ли я еще, как президент государственного министерства, прочным авторитетом, необходимым для ответственного руководства всей политикой. Я узнал, что император договаривался теперь уже не только с отдельными господами министрами, но и с отдельными подчиненными мне советниками и другими чиновниками. В частности господин министр торговли, без предварительного согласования со мной, делал его величеству важные

* О продлении договора о гарантии нейтралитета России в случае нападения Франции на нас, срок которого истекал в июне 1890 г.

личные доклады. Поэтому я сообщил господину фон Берлепшу о неизвестном ему приказе от 8 сентября 1852 г., и, убедившись, что вообще не все министры, а в особенности мой заместитель господин фон Беттихер, помнят о приказе, я распорядился препроводить каждому копию, а в сопроводительном письме подчеркнул, что приказ относится только к тем личным докладам, целью которых являются изменения законодательства и существующих правовых отношений. Применяемый с надлежащим тактом, приказ в этом смысле содержит не более того, что необходимо для любого президента государственного министерства. Осведомленный кем-то об этом происшествии, его величество повелел мне, чтобы приказ был отменен. Я вынужден был уклониться от содействия этому.

В дальнейшем его величество проявил признаки недостаточного ко мне доверия, указав мне, что я не должен был без высочайшего разрешения принимать депутата Виндгорста. Сегодня я убедился в том, что не могу более представлять и внешнюю политику его величества. Несмотря на мое доверие к Тройственному союзу, я никогда не упускал из виду возможность его распада, потому что в Италии монархия не является прочной; согласию между Италией и Австрией угрожает ирредента[9]; в Австрии только непоколебимость царствующего императора исключает перемену при его жизни, а позицию Венгрии никогда нельзя точно предвидеть. Поэтому я старался никогда не разрушать окончательно мост между нами и Россией». (Далее следует сообщение о собственноручной записке его величества относительно военных донесений консула, ср. стр. 74.) «Я вообще не обязан представлять его величеству все донесения, но в данном случае я это сделал, отчасти непосредственно, отчасти через генеральный штаб. При моем доверии к миролюбивым намерениям императора России я не в состоянии проводить мероприятия, предписанные мне его величеством.

Его величество одобрил мои предложения об отношении к рейхстагу и возможному его роспуску, но теперь считает, что военный законопроект должен быть внесен в таком виде, чтобы можно было рассчитывать на принятие его теперешним рейхстагом. Военный министр недавно высказался за внесение проекта в целом, и если считать, что одновременно грозит опасность со стороны России, то это правильно.

Итак, я полагаю, что между мною и моими коллегами нет больше полного единодушия и что я более не облечен в достаточной степени доверием его величества. Я рад, если прусский король хочет править самостоятельно; зная, что моя отставка невыгодна для государственных интересов, я не стремлюсь к праздной жизни, так как мое здоровье сейчас в хорошем состоянии; однако я чувствую, что стою на пути императора, и официально уведомлен кабинетом, что император желает моей

отставки. Ввиду этого я испросил высочайшего повеления о моей отставке».

После моего заявления, сделанного в соответствии с этим наброском, вице-президент государственного министерства господин фон Беттихер выступил в защиту ранее высказанного мною намерения ограничиться руководством иностранными делами. Министр финансов заявил, что приказ от 8 сентября 1852 г. отнюдь не выходит за пределы необходимости и что он присоединяется к просьбе господина фон Беттихера изыскать средства к соглашению. Если же такое средство нельзя найти, то государственное министерство должно было бы обсудить, не следует ли присоединиться к моему поступку. Министры вероисповеданий и юстиции были того мнения, что ведь речь идет только о недоразумении, которое надо разъяснить перед его величеством, а военный министр добавил, что он давно уже не слышал от его величества ничего, имеющего отношение к военным осложнениям с Россией. Министр общественных работ назвал мою отставку несчастьем для безопасности страны и для спокойствия Европы. Если отставку не удастся предотвратить то, по его мнению, министры должны предоставить свои портфели в распоряжение его величества; по крайней мере лично он намерен так поступить. Министр сельского хозяйства заявил, что если я убежден в желательности моей отставки для его величества, то не следует меня отговаривать от этого шага. Во всяком случае государственное министерство должно обсудить, что предпринять, если моя отставка будет принята. После нескольких замечаний личного характера, сделанных министром торговли и военным министром, я закрыл заседание *.

После заседания меня посетил герцог Кобургский и пробыл в течение часа, не сказав ничего заслуживающего внимания.

Вскоре после обеда явился начальник гражданского кабинета [двора] Луканус и нерешительно выполнил поручение его величества — спросить, «почему еще не поступило прошение об отставке, затребованное утром». Я ответил, что император может уволить меня в любое время и без моей просьбы и что я, конечно, не намереваюсь против его воли оставаться у него на службе; однако свое прошение об отставке я хочу составить так, чтобы я мог его вскоре опубликовать. Только с этим намерением я вообще решаюсь написать его. Я не намерен принимать на себя ответственность за отставку, а предоставляю ее его величеству. Возможность публичного разъяснения причин, право на которое Луканус оспаривал, уж, конечно, найдется.

* Официальный протокол заседания, который, как обычно, был дан всем министрам для исправлений, по позднейшему сообщению министра фон Микеля, исчез из дела и, вероятно, был уничтожен по распоряжению вице-президента Беттихера. (См. ниже, приложение 2-е, стр. 130.)

В то время как Луканус выполнял поручение, не мотивируя его, мое прежнее состояние равнодушия естественно должно было уступить чувству обиды. Последнее усилилось, когда, еще до того как я получил ответ на прошение об отставке, Каприви занял часть моей служебной квартиры. Это было выселением, и притом без предварительного оповещения; все это, ввиду своего преклонного возраста и продолжительности своей службы, я не без основания расценивал, как грубость. Еще и теперь я не могу оправиться от последствий этого торопливого выселения. При Вильгельме I нечто подобное было невозможно даже по отношению к непригодным чиновникам.

18 марта днем я послал свое прошение об отставке.

Текст моего прошения гласил:

«Его величеству императору и королю.

Во время моего почтительнейшего доклада 15-го числа с. м. ваше величество повелели мне представить проект приказа об отмене высочайшего приказа от 8 сентября 1852 г., который с того времени определял положение министра-президента по отношению к его коллегам.

Позволю себе в нижеследующем всеподданнейше изложить происхождение и значение этого приказа:

Во времена абсолютной монархии не было потребности в должности президента государственного министерства, и лишь в 1847 г. на заседании Соединенного ландтага тогдашние либеральные депутаты (Мевиссен) впервые указали на необходимость подготовить конституционный порядок назначением премьер-министра с задачей контролировать и осуществлять единство политики *ответственных* министров и нести ответственность за общие результаты политики кабинета. С 1848 годом в нашу жизнь вошли конституционные обычаи и назначались президенты государственного министерства, как граф Арним, Кампгаузен, граф Бранденбург, барон фон Мантейфель, князь фон Гогенцоллерн, на которых в первую очередь лежала ответственность не за отдельное ведомство, а за всю политику кабинета, т. е. за совокупность ведомств. Большинство этих лиц не имели собственного ведомства, а были только председателями, как, например, князь фон Гогенцоллерн, министр фон Ауэрсвальд и принц Гогенлоэ. Однако на них лежала обязанность сохранять в государственном министерстве и в его отношениях к монарху то единство и постоянство, без которых неосуществима ответственность министров, составляющая существо конституционного строя. Соотношение между государственным министерством и его отдельными членами и этой новой должностью министра-президента очень скоро потребовало более точного, соответствующего конституции, регулирования, которое по согласованию с тогдашним государственным министерством последовало в виде приказа от 8 сентября 1852 г. С тех пор этот

приказ оставался решающим для положения министра-президента по отношению к государственному министерству. Только этот приказ создавал министру-президенту авторитет, дававший ему возможность взять на себя ответственность за политику кабинета в той степени, какой этого ожидают от него ландтаг и общественное мнение. Если каждый отдельный министр может добиться высочайших распоряжений без предварительного согласования со своими коллегами, то в кабинете невозможна единая политика, за которую кто-либо может нести ответственность. Ни у одного министра, и в частности у министра-президента, не остается в таком случае возможности нести обусловленную конституцией ответственность за политику кабинета в целом. В абсолютной монархии такое предписание, как приказ 1852 г., было лишним и оставалось бы таковым и сейчас, если бы мы вернулись к абсолютизму, при котором нет места ответственности министров. Однако, соответственно существующим по закону конституционным учреждениям, необходимо руководство всей коллегией министров со стороны председателя на основе принципа приказа 1852 г. Как показало вчерашнее заседание государственного министерства, все мои коллеги согласны со мной в этом вопросе, как и в том, что любой мой преемник на посту министра-президента не сможет нести ответственности за свою должность, если он будет лишен авторитета, которым его наделяет приказ 1852 г. Каждый из моих преемников еще сильнее меня будет ощущать эту потребность, так как он не будет с самого начала располагать тем авторитетом, который был мне дарован многолетним председательством и доверием обоих усопших императоров. До сих пор мне никогда не приходилось категорически ссылаться своим коллегам на приказ 1852 г. Наличия последнего и уверенности в доверии ко мне в бозе почивших императоров Вильгельма и Фридриха было достаточно для того, чтобы обеспечить мой авторитет в коллегии. Но этой уверенности нет сейчас ни у моих коллег, ни у меня самого. Поэтому я вынужден был прибегнуть к приказу 1852 г., чтобы обеспечить необходимое единство на службе вашего величества.

По вышеприведенным причинам я не в состоянии исполнить повеление вашего величества, согласно которому я должен сам произвести и контрассигнировать отмену приказа 1852 г., о котором я недавно напомнил, и несмотря на это оставаться президентом государственного министерства.

После сообщений, сделанных мне вчера генералом-лейтенантом фон Ганке и тайным советником кабинета фон Луканусом, у меня не может быть сомнений в том, что ваше величество знает и полагает, что я не могу отменить приказ и тем не менее оставаться министром-президентом. И все же ваше величество сохраняете в силе свое повеление, данное мне 15-го числа сего

месяца, и обещаете *согласиться* на мою отставку, ставшую в результате этого *необходимой.*

После предшествовавшего обсуждения с вашим величеством вопроса о том, явится ли дальнейшее мое пребывание на службе нежелательным для вашего величества, я мог полагать, что вашему величеству было бы угодно, чтобы я отказался от своих должностей на прусской службе, но остался бы на имперской службе. По ближайшем рассмотрении этого вопроса я позволил себе почтительно обратить ваше внимание на некоторые рискованные последствия такого разделения должностей, в частности относительно будущего выступления канцлера в рейхстаге. Я воздерживаюсь от повторного изложения всех последствий, какие имело бы такое разграничение между Пруссией и имперским канцлером. Ваше величество изволили согласиться, что пока «все остается по-старому». Однако, как я уже имел честь объяснить, я не могу оставаться министром-президентом, после того как ваше величество снова повелеваете capitis diminutio [умаление полномочий] последнего, заключающееся в отмене основного приказа 1852 г.

Кроме того, при почтительном докладе моем от 15-го сего месяца ваше величество соизволили поставить моим служебным правомочиям границы, не допускающие той степени участия в государственных делах и ознакомления с ними, а также той свободы в министерских решениях и в моих сношениях с рейхстагом и его членами, какие требуются мне для несения установленной конституцией ответственности за мою официальную деятельность.

Однако если бы даже было возможно вести нашу внешнюю политику столь независимо от внутренней политики и нашу имперскую политику столь независимо от прусской политики, как это было бы в том случае, если бы имперский канцлер был так же непричастен к прусской политике, как к баварской или саксонской, и не принимал бы участия в формировании прусского вотума в Союзном совете [10] и в рейхстаге, — то все же после недавних решений вашего величества о направлении нашей внешней политики, резюмированных в высочайшей записке, приложенной вашим величеством при возвращении донесений киевского консула, я не мог принять на себя выполнение предписанных вашим величеством в этой записке распоряжений относительно внешней политики. Этим я поставил бы под вопрос все те важные для Германской империи успехи, которых при неблагоприятных условиях наша внешняя политика в течение десятилетий достигла в наших отношениях с Россией в духе обоих усопших предшественников вашего величества. Чрезвычайно важное значение этих успехов для настоящего и будущего мне только что подтвердил граф Шувалов по возвращении из Петербурга.

При моей привязанности к службе королевскому дому и к вашему величеству и после того как я в течение многих лет сжился с положением, которое считал постоянным, мне очень больно расстаться с привычными отношениями к вашему величеству и ко всей политике империи и Пруссии. Однако, добросовестно взвесив намерения вашего величества, осуществлять которые я, оставаясь на службе, был бы обязан, я не могу поступить иначе, как всеподданнейше просить ваше величество милостиво освободить меня от должности имперского канцлера, министра-президента и прусского министра иностранных дел с предоставлением законной пенсии.

Впечатления последних недель и сообщения, полученные мною вчера от гражданского и военного кабинетов вашего величества, позволяют мне почтительнейше предположить, что этим своим прошением об отставке я иду навстречу желаниям вашего величества и, таким образом, могу с уверенностью рассчитывать на благосклонное удовлетворение моего прошения.

Я уже давно представил бы вашему величеству просьбу об увольнении меня с моих должностей, если бы у меня не было впечатления, что вашему величеству желательно использовать опыт и способности верного слуги ваших предков. Уверившись в том, что ваше величество в этом не нуждается, я могу удалиться от государственных дел, не опасаясь, что мое решение будет осуждено общественным мнением, как несвоевременное.

фон Бисмарк».

Я не упустил случая сказать начальникам гражданского и военного кабинетов его величества Лукканусу и Ганке, что отказ от борьбы с социал-демократией и возбуждение у нее несбыточных надежд внушили мне сильную тревогу.

На вечер 18 марта в Берлинский дворец были вызваны генералы строевой службы; в качестве внешнего повода к этому ссылались на желание его величества заслушать их мнение о новых военных законопроектах. В действительности же на собрании, которое продолжалось около 10 минут, император произнес речь. Как мне доверительно рассказали, он в конце речи сообщил генералам, что вынужден уволить меня: к начальнику генерального штаба Вальдерзее якобы поступили жалобы на мое самоуправство и скрытность в сношениях с Россией. Граф Вальдерзее, по долгу службы, сделал его величеству доклад об упомянутых консульских донесениях и их военном значении. Как мне сообщили, ни один из генералов не взял слова после выступления императора. Не сделал этого и граф Мольтке, Лишь уже на лестнице он будто бы сказал: «Это очень прискорбно; молодой государь еще задаст нам не одну загадку».

19 марта, после приема во дворце, мой сын Герберт был у Шувалова. Стараясь побудить его остаться на службе, Шувалов сказал, что если мы оба уйдем, то из переговоров, на которые он уполномочен, ничего не выйдет. Так как это высказывание, возможно, могло повлиять на политические решения императора, то на следующий же день в полдень мой сын в собственноручном докладе сообщил об этом его величеству.

Не знаю, до получения этого доклада или сейчас же после него, во всяком случае 20-го днем к моему сыну явился дежурный адъютант граф Ведель повторить желание императора, объявленное уже в предшествующие дни через уполномоченных лиц, чтобы мой сын остался на своем посту, предложить ему длительный отпуск и заверить в безусловном доверии к нему его величества. Мой сын полагал, что не пользуется доверием, так как император неоднократно без его ведома приглашал советников ведомства иностранных дел с целью дать им поручения или потребовать от них информацию. Ведель не оспаривал это и заверил, что его величество, несомненно, был бы готов устранить это основание для недовольства. Мой сын ответил на это, что его здоровье настолько пошатнулось, что без меня он не может принять тяжелое и ответственное положение. Позднее, когда я уже получил отставку, граф Ведель посетил также и меня и потребовал, чтобы я воздействовал на моего сына, чтобы он остался. Я отклонил это со словами: «Мой сын— совершеннолетний».

20 марта днем Ганке и Луканус передали мне два синих письма об отставке[11]. Накануне Луканус по поручению его величества был у моего сына, чтобы выяснить мое отношение к возведению меня в герцогское достоинство и испрошению соответствующей последнему дотации у ландтага. Мой сын, не задумываясь, заявил, что и то и другое было бы для меня нежелательно и тягостно. Днем, поговорив со мной, он написал Луканусу, что «награждение титулом было бы для меня тягостным, ввиду характера обращения его величества со мною в последнее время, а дотация неприемлема, ввиду состояния финансов и по личным причинам». Несмотря на это, я был удостоен герцогского титула.

Текст обоих адресованных мне приказов от 20 марта гласил:

«Дорогой князь! С глубоким волнением усмотрел я из вашего прошения от 28-го сего месяца, что вы решили оставить должности, которые в течение долгих лет занимали с несравненным успехом. Я надеялся, что, пока вы живы, мне не придется думать о моем расставании с вами. И если теперь, в полном сознании тяжелых последствий вашего ухода, я все же вынужден освоиться с этой мыслью, то делаю это хотя и со скорбью в сердце, но с твердой уверенностью, что удовлетворение вашего прошения будет содействовать тому, чтобы как можно

дольше сохранить и сберечь вашу незаменимую для отечества жизнь и ваши силы. Приведенные вами основания вашего решения убеждают меня в том, что *дальнейшие* попытки побудить вас взять ваше прошение обратно не имеют надежды на успех. Поэтому я отвечаю вашему желанию, препровождая вам при сем милостивое согласие на просимую отставку от занимаемых вами должностей имперского канцлера, президента моего государственного министерства и министра иностранных дел в уверенности, что *вы и впредь не откажете мне и отечеству в вашем совете и в вашей энергии, в вашей верности и преданности.* Я считал одним из счастливейших обстоятельств моей жизни, что при моем вступлении на престол я в вашем лице имел своего первого советника. Благодарным и неизгладимым останется у меня и у германского народа воспоминание о том, что вы сделали и чего добились для Пруссии и Германии, для моего дома, моих предков и для меня. Но и за границей всегда будут с признательностью вспоминать вашу мудрую и энергичную политику мира, которой я с полным убеждением решил и впредь руководствоваться в своей деятельности. Не в моей власти вознаградить ваши заслуги по достоинству. Я должен удовольствоваться заверением вас в неизгладимой благодарности моей и моего отечества. В знак этой благодарности я возвожу вас в достоинство герцога Лауенбургского. Я также прикажу послать вам свой портрет в натуральную величину.

Да благословит вас бог, мой дорогой князь, и да подарит вам еще много лет безмятежной старости, озаренной сознанием честно исполненного долга.

В этом расположении пребываю к вам и впредь неизменно преданный и благодарный ваш

император и король

Вильгельм I. R.»

«Я не могу отпустить вас с поста, на котором вы в течение долгих лет действовали для моего дома и для величия и благосостояния отечества, без того, чтобы как глава армии не вспомнить с глубокой благодарностью о ваших неизгладимых заслугах перед моей армией. С дальновидной предусмотрительностью и железной твердостью помогли вы моему в бозе почившему деду, когда в тяжелое время требовалось осуществить признанную необходимой реорганизацию наших вооруженных сил. Вы помогли проложить путь, по которому армию можно было с божьей помощью вести от победы к победе. Во время великих войн вы героически выполнили свой долг солдата, и с тех пор до настоящего дня вы были готовы с неустанным усердием и самопожертвованием выступить, чтобы сохранить нашему народу унаследованную от отцов военную силу и тем самым создать гарантию для сохранения благ мира.

Я знаю, что я единодушен с моей армией, желая сохранить для нее и впредь в высшем чине человека, совершившего столь великие дела. Поэтому я назначаю вас генерал-полковником кавалерии с рангом генерал-фельдмаршала и уповаю на бога, что он еще на многие годы сохранит мне вас в этой почетной должности.

Вильгельм».

С того времени ко мне ни прямо, ни через посредников никогда не обращались за советом. Наоборот, моим преемникам, повидимому, было запрещено говорить со мной о политике. У меня такое впечатление, что все чиновники и офицеры, которые дорожат своим положением, обязаны бойкотировать меня не только при деловых сношениях, но и в обществе. Тот же бойкот нашел странное официальное выражение в дипломатических указах моего преемника, изданных с целью дискредитировать за границею своего предшественника[12].

Свою благодарность за военный чин я выразил в следующем письме:

«Почтительно благодарю ваше величество за благосклонные слова, коими ваше величество сопроводили мою отставку. Я чувствую себя осчастливленным награждением портретом, который будет для меня и моих близких почетной памятью о тех временах, когда ваше величество разрешали мне посвящать свои силы службе вам. Одновременно ваше величество удостоили меня милостью возведения в достоинство герцога Лауенбургского. Я позволил себе устно почтительнейше изложить тайному советнику фон Луканусу причины, затруднявшие мне принятие подобного титула. В связи с этим я просил не опубликовывать этой новой милости. Исполнение этой моей просьбы оказалось невозможным, так как официальное сообщение уже появилось в «Staats-Anzeiger» в то время, когда я выражал свои сомнения. Осмеливаюсь, однако, всеподданнейше просить ваше величество о милостивом разрешении мне и впредь носить мое прежнее имя и титул. За столь почетное для меня повышение в военном чине прошу разрешения всеподданнейше повергнуть к стопам вашего величества свою почтительнейшую благодарность, как только буду в состоянии рапортовать лично, чему в данный момент препятствует состояние моего здоровья».

21 марта в 10 часов утра, когда мой сын был на Лертском вокзале для встречи принца Уэльского, его величество сказал ему: «Судя по вашему вчерашнему письму, вы неверно поняли Шувалова, он только что у меня был; сегодня днем он посетит вас и урегулирует это». Мой сын возразил, что больше не может вести переговоры с Шуваловым, так как подает прошение об отставке. Его величество и слышать не хотел об этом, — «он предоставит моему сыну всяческие облегчения и днем или позже

обстоятельно поговорит с ним; но остаться он должен». Днем Шувалов, действительно, посетил моего сына, но отказался от переговоров, так как в его инструкции говорилось о моем сыне и обо мне, а не о наших преемниках. Об утренней аудиенции Шувалов рассказал, что около часа ночи его разбудил армейский жандарм, который передал краткое распоряжение флигель-адъютанта с предложением явиться к $8^3/_4$ часам утра. Он очень взволновался, предположив, что случилось что-либо с царем. Во время аудиенции император беседовал с ним о политике, был любезен и заявил, что хочет продолжать прежнюю политику; он, Шувалов, сообщил об этом в Петербург.

На вопрос Каприви о подходящем преемнике мой сын указал на посланника в Брюсселе фон Альвенслебена. Каприви изъявил согласие и высказал сомнения, может ли не пруссак быть во главе ведомства иностранных дел; его величество называл ему Маршалля. Между тем 24-го император, встретившись с моим сыном на завтраке у драгунов, заявил, что и для него Альвенслебен весьма приемлем.

26-го утром мой сын ознакомил Каприви с секретными делами: Каприви нашел порядки слишком сложными; ему придется их упростить. Он упомянул, что утром у него был Альвенслебен, но чем больше он его уговаривал, тем упорнее тот отказывался. Мой сын условился, что днем сделает еще одну попытку договориться с Альвенслебеном и сообщит Каприви о результатах. В тот же день мой сын получил отставку, причем намеченная императором беседа с ним так и не состоялась.

Днем мой сын, в соответствии с обещанием, пытался при содействии бывшего в отпуску посла фон Швейница побудить фон Альвенслебена стать его преемником, но безуспешно. Альвенслебен заявил, что лучше откажется от всякой карьеры, чем станет статс-секретарем, но обещал не принимать окончательного решения, прежде чем не переговорит с императором.

27-го утром император посетил моего сына и, неоднократно обнимая его, выражал надежду, что скоро увидит его выздоровевшим и снова на службе, и спросил, что с Альвенслебеном. Когда мой сын доложил [о переговорах], император выразил удивление, что Альвенслебен еще не явился, и немедленно распорядился вызвать его к $12^1/_2$ часам во дворец.

Мой сын направился к Каприви, сообщил ему о позиции Альвенслебена и о приглашении последнего к его величеству и изложил доводы, при помощи которых он пытался воздействовать на Альвенслебена. На это Каприви высказался примерно следующим образом:

Все это теперь уже поздно. Вчера он доложил его величеству об отказе Альвенслебена и после этого получил полномочия обратиться к Маршаллю. Последний тотчас же изъявил свою готовность, добавив, что у него уже имеется согласие великого

герцога о переходе на имперскую службу; таким образом, официальный запрос в Карлсруэ является лишь формальностью. Если Альвенслебен теперь все же согласится, то ему, Каприви, не останется ничего другого, как просить об отставке. В $12^3/_4$ часа назначен его доклад, и он напомнит его величеству о вчерашнем поручении относительно Маршалля.

Альвенслебен, который был принят во дворце непосредственно перед Каприви, не поддался уговорам и императора; когда последний сообщил об этом Каприви с выражением своего сожаления, тот возразил, что это очень удачно и спасает его от неловкого положения, так как он уже договорился с Маршаллем. Император кратко заявил: «Ну, хорошо, пусть будет Маршалль». Таким образом, Каприви не выждал результата переговоров моего сына с Альвенслебеном, а заранее привлек баденского посланника.

Великий герцог Баденский, который из высказываний моего сына против господина фон Маршалля установил, что мне стало известным его решающее воздействие на императора, нанес мне 24 [марта] визит и покинул меня в немилостивом настроении. Я сказал ему, что он вторгся в компетенцию имперского канцлера и сделал для меня невозможным пребывание на службе у его величества.

26 марта я прощался с императором. Его величество сказал, что только «забота о моем здоровье» побудила его дать мне отставку. Я ответил, что за последние годы мое здоровье редко было таким хорошим, как прошедшей зимой. В опубликовании моего прошения об отставке было отказано[13]. Одновременно с поступлением моего прошения Каприви уже занял часть служебной квартиры канцлера. Я видел, что послы, министры и дипломаты должны были ожидать на лестнице; это вынудило меня крайне ускорить упаковку вещей и отъезд. 29 марта я покинул Берлин, побуждаемый к этому тем, что был вынужден крайне спешно освободить свою квартиру. На вокзале мне, по распоряжению императора, были оказаны воинские почести, которые я с полным правом мог назвать погребением по первому разряду.

Перед этим я получил от его величества императора Франца-Иосифа следующее письмо:

«Вена 22 марта 1890 г.

Дорогой князь.

Известие, привлекающее все мое внимание, что вы считаете своевременным удалиться от напряженных трудов и забот вашей службы, получило ныне официальное подтверждение. Как ни горячо я желаю и надеюсь, что отдых, который вы получите после стольких лет непрерывной успешной и славной государственной деятельности, принесет пользу вашему пошатнувшемуся здоровью, я не могу, тем не менее, не выра-

зить своего искреннего сожаления по поводу вашего ухода от дел, в особенности от руководства внешней политикой столь близкой нам Германской империи. Я всегда буду испытывать чувство глубокой признательности к вам за то, что вы понимали отношения Германии к Австро-Венгрии в духе лойяльной дружбы и своим последовательным и преданным сотрудничеством с людьми, облеченными моим доверием, создали несокрушимые в настоящее время союзные отношения, отвечающие интересам обеих империй, так же как и моим желаниям и желаниям вашего государя и императора. Я рад, что оказывал вам поддержку и неограниченное доверие при этих ваших стремлениях, столь важных для судеб нашей части света. С благодарностью ценю я также то, что при всех обстоятельствах в свою очередь мог рассчитывать с вашей стороны на полную доверия откровенность и надежное содействие. Да будет вашим уделом еще многие годы с удовлетворением взирать, как созданный вашими усилиями германо-австрийский дружественный союз в тяжелые времена, в которые мы живем, окажется надежным оплотом не только для союзников, но и для мира в Европе. Примите, дорогой князь, уверение, что мои самые сердечные пожелания неизменно сопутствуют вам, что я вспоминаю вас с чувством искреннего уважения и дружбы, и я буду искренне радоваться каждый раз, когда вам будет предоставляться возможность снова дать доказательство вашего беззаветного патриотизма и вашего испытанного мудрого опыта.

Франц-Иосиф».

На рождество 1890 г. император Вильгельм прислал мне коллекцию фотографий дворцовых покоев Вильгельма I. Я поблагодарил его следующим письмом:

«Фридрихсруэ, 25 декабря 1890 г.

Пресветлейший император
Всемилостивейший король и государь.

Позволяю себе повергнуть к стопам вашего величества свою почтительную благодарность за присланный мне по высочайшему повелению рождественский подарок, с совершенной точностью воспроизводящий в моей памяти места, с которыми связаны для меня главным образом воспоминания о моем почившем государе, свыше полувека оказывавшем мне свое благоволение и сохранившем его до конца своих дней.

К моей всеподданнейшей благодарности за это напоминание о прошлом присоединяю свои почтительные поздравления с наступающим новым годом.

С глубочайшим почтением до гроба всеподданнейший слуга вашего величества

фон Бисмарк».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] За несколько дней до своей отставки, 12 марта 1890 г., Бисмарк встретился с лидером партии центра, депутатом рейхстага Виндгорстом. Однако сообщение о переговорах Бисмарка с Виндгорстом и о требовании последнего отменить остатки культуркампфа (в частности законы о высылке иезуитов и о правительственном надзоре над школами) вызвало резкое противодействие со стороны партий «картеля» — консерваторов и национал-либералов. На следующий же день после встречи Бисмарка с Виндгорстом национал-либеральная «Kolnische Zeitung» писала: «Политик, который захочет осчастливить Германию клерикально-консервативным правлением, возьмет на себя тяжелую ответственность и, по всей вероятности, принесет несчастье нашему отечеству». С другой стороны, орган консерваторов «Konservative Korrespondenz» заявил: «Исключена возможность того, чтобы консервативная партия купила согласие центра по военным или каким-либо другим вопросам ценой уступок в вопросе о школах или об ордене иезуитов».

[2] С 1885 г. по 1890 г. старший сын Бисмарка, Герберт, был статс-секретарем в министерстве иностранных дел. Поэтому в его квартире происходили различные служебные совещания, связанные с министерством.

[3] Речь идет о партии центра в рейхстаге. На выборах 20 февраля 1890 г. она получила 107 депутатских мандатов из 297 и ее депутаты образовали крупнейшую фракцию рейхстага. Консерваторы получили в рейхстаге этого созыва 71 мандат, свободомыслящие — 67, национал-либералы — 42, социал-демократы — 35, имперская партия — 21 мандат и т. д.

[4] Другими словами, Виндгорст требовал отмены всех мер, предпринятых Бисмарком начиная с 1870-х годов, в период культуркампфа, против католической церкви. Ко времени переговоров Бисмарка с Виндгорстом большая часть этих мероприятий уже была отменена. Однако в действии оставались такие законы, как эакон о надзоре за школой и закон о высылке иезуитов.

[5] Тремя предшественниками Вильгельма II были: прусский король Фридрих-Вильгельм IV (время правления — 1840—1861 гг.), дед Вильгельма II — Вильгельм I (1861—1888 гг.), провозглашенный после образования Германской империи императором, и отец Вильгельма II — Фридрих III (март 1888 г. — июнь 1888 г.).

[6] В июле 1888 г. Вильгельм II (через месяц после вступления на престол) посетил Россию, чтобы отдать визит Александру III.

[7] Речь идет об английской делегации на созванной в марте 1890 г. международной конференции по вопросам рабочего законодательства. Англия была представлена двумя крупными промышленниками и двумя правительственными чиновниками.

[8] Донесения, числом 20, прибыли от консула Раффауфа из Киева; в них сообщалось о концентрации от четырех до шести русских корпусов, четырех кавалерийских и двух казачьих дивизий и четырехсот орудий у Ковно. *(Прим. нем. изд.)*

[9] *Ирредента* — лозунг, под которым в конце XIX века оформилось в Италии движение за присоединение населенных итальянцами областей, не вошедших в состав Италии. В частности речь шла об австрийских владениях в Триенте, Далмации, Истрии. Как раз в 1890 г., к которому относится данный проект доклада Бисмарка, в Италии происходили демонстрации ирредентистов.

[10] *Союзный совет* состоял из представителей всех государств, входивших в состав Германской империи. Председательствовал рейхсканцлер, который в то же время являлся главой делегации Пруссии в Союзном совете. Ввиду того, что члены Союзного совета голосовали в точном соответствии с инструкциями, полученными от своих правительств, прусский вотум в Союзном совете определялся позицией рейхсканцлера.

[11] *«Синее письмо»* — конверт с указом императора.

[12] 23 мая 1890 г. преемник Бисмарка рейхсканцлер Каприви разослал всем дипломатическим представителям Германии предписание, в котором говорилось: «Через печать до сведения общественного мнения неоднократно доводились теперешние взгляды князя Бисмарка... Надеюсь, что правительство, при котором вы аккредитованы, не придаст значения высказываниям прессы о взглядах князя Бисмарка...» В связи с поездкой Бисмарка в Вену в июне 1892 г. на свадьбу своего старшего сына, Герберта, канцлер Каприви предписал германскому послу в Вене и всему составу посольства воздерживаться от какой бы то ни было связи с Бисмарком. Каприви поручил довести до сведения венского правительства, что слухи о сближении Бисмарка с Вильгельмом II не имеют никакого основания.

[13] Впервые текст прошения Бисмарка об отставке был опубликован лишь в 1898 г. на английском языке в книге Буша, Bismarck, Some Secret Pages of His History.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГРАФ КАПРИВИ

Фельдмаршал фон Мантейфель сообщил мне, что генерал фон Каприви по собственной инициативе настойчиво указывал ему на опасность, возникающую для нас вследствие моей — руководящего министра — «вражды к армии», и просил маршала оказать влияние на короля. Из этого сообщения я мог заключить, сколь продолжительно и глубоко сказывалось недовольство военных кругов, возникшее из ведомственного соперничества во время войны 1866 г. и находившее отклик во все возраставшем недоброжелательстве ко мне товарищей по сословию и бывших товарищей по партии. Этот неожиданный также и для фельдмаршала взрыв скрытой вражды ко мне и одновременные связи Каприви с лицами, которые, группируясь вокруг графа Роона и в доме тайного советника Леббина (министерство внутренних дел), приятеля Каприви, действовали против меня, не препятствовали мне при случае высказывать свое мнение о высоких военных дарованиях Каприви, составленное на основании авторитетных отзывов. Да и после состоявшегося в 1883 г. вопреки моему совету назначения Каприви командующим флотом я рекомендовал императору Вильгельму I, при сомнительных в то время перспективах сохранения мира, не лишать сухопутные войска генерала, пользовавшегося, как он, доверием в армии, не прерывать его контакта с нею в такой степени, чтобы в случае войны ему пришлось бы восстанавливать этот контакт заново. В частности я рекомендовал привлечь Каприви к руководству генеральным штабом, как только графу Мольтке понадобится помощник. Граф Мольтке, однако, не был склонен пользоваться помощью Каприви и заявил, что предпочитает уйти в отставку, а это император хотел во всяком случае предотвратить. Кроме того, у его величества была, несомненно, обоснованная потребность с помощью человека, имеющего такой военный опыт, как Каприви, устранить некоторые недочеты, которые как

будто укоренились во флоте при генерале фон Штоше. Моим желанием было видеть руководство флотом в руках моряка. То же самое повторилось, когда император Фридрих, недовольный связями графа и графини Вальдерзее со Штекером, заявил мне, что желает сменить Вальдерзее в генеральном штабе; я и в этом случае назвал Каприви, как подходящего преемника, наряду с графом Гезелером. Каприви был ближе императору, но когда последний стал зондировать почву у фельдмаршала [Мольтке], то натолкнулся на такой же решительный отказ, как и его отец. Для императора Вильгельма II Каприви в военной области был слишком независимым в своих суждениях, а в области политики он по своей подготовке уступал его величеству.

Добровольно я покинул лишь пост министра торговли, так как не хотел контрассигнировать напрасные ухаживания за социал-демократией, а также законы о принуждении рабочих и о воскресном отдыхе в том направлении, к которому за моей спиной склонили императора правящие господа, господин Беттихер и другие закулисные интриганы[1]. Тогда я еще намеревался остаться канцлером и министром-президентом, так как считал это долгом чести ввиду трудностей, которых я опасался в ближайшем будущем. В особенности в области имперской внешней политики я считал, что не могу взять на себя ответственность за свой уход, а должен выждать инициативы его величества. Тому же чувству долга я подчинился и тогда, когда поведение императора побудило меня поставить прямой вопрос, «не являюсь ли я помехой его величеству». В последовавшем на это ответе, что я все же должен провести новые военные законопроекты, внесенные Верди, я усмотрел утвердительный ответ на мой вопрос и намекнул на возможность прежде всего заменить меня в должности министра-президента, оставив канцлером; тогда я думал, что между мною и его величеством еще имеется согласие по вопросу об оставлении меня на посту канцлера, поскольку намерения короля, в которых я не считал возможным принимать ответственного участия, касались прежде всего ведомства прусского министра-президента и министерства торговли. От последнего я отказался немедленно после того, как его величество высказался за позицию обер-президента фон Берлепша. В качестве своего преемника я рекомендовал господина фон Берлепша. При таком положении я полагал, что во главе дел будет необходим не такой человек, как Беттихер, а генерал с чувством чести, свойственным прусскому офицерскому корпусу. Меня тревожило, что при влиянии, которое, по собственному заявлению императора на заседании совета от 24 января, на него приобрели вне правительства такие люди, как Гинцпетер, Дуглас, художник Гейден и Берлепш, а на службе Беттихер, выбор

императора мог определяться верой в возможность борьбы с революционными опасностями путем завоевания популярности. Меня беспокоила склонность императора любезностями привлекать врагов, вместо того чтобы внушать мужество и доверие своим друзьям. К тому же производившаяся в мое отсутствие критика моей политики со стороны баденцев усилила у меня опасение относительно готовых к уступкам гражданских советчиков, преемников, лишенных чувства политической чести, которые способны нанести ущерб монархии, лишь бы удержаться на своих местах. Эта тревога основывалась на наблюдениях над моими коллегами в государственном министерстве.

Я слышал, что император рассеял сомнения Каприви о том, может ли он стать моим преемником, словами: «Не беспокойтесь. Не боги горшки обжигают, а ответственность за дела я возьму на себя». Будем надеяться, что ближайшее поколение пожнет плоды этой королевской самоуверенности.

Каприви, при нашей единственной и короткой беседе после его назначения следующим образом рассказал на пороге комнаты, занятой им во флигеле моего дома, о том, как он преодолел свои сомнения насчет принятия им поста канцлера: «Если, командуя в бою моим десятым корпусом, я получаю приказ, исполнение которого внушает мне опасения, что оно приведет к потере сражения, к гибели корпуса и моей собственной гибели, и если представление моих, деловым образом обоснованных, сомнений осталось безуспешным, то ведь мне ничего другого не остается, как исполнить приказ и погибнуть. Что же дальше? Человек за бортом». В этих взглядах заключается наиболее яркое выражение убеждений офицерского корпуса, которые в конечном счете составляли основу военной силы Пруссии в нынешнем и прошлом столетиях и, надо надеяться, составят ее и в будущем. Однако перенесение этих убеждений, достойных восхищения в своей собственной сфере деятельности, на законодательство и политику, как внутреннюю, так и внешнюю, имеет все же свои опасные стороны: современную политику Германской империи — со свободной прессой, с парламентским строем, находящуюся в водовороте европейских затруднений, — нельзя вести в стиле королевского приказа, выполняемого генералами, даже в том случае, если таланты данного германского императора и прусского короля превосходили бы таланты Фридриха II.

На месте господина Каприви я не принял бы поста имперского канцлера; видный прусский генерал, больше других пользующийся доверием нашего офицерского корпуса, является слишком высокопоставленным человеком для должности секретаря кабинета или адъютанта на чуждом ему поприще, и политика сама по себе — еще не поле битвы, а лишь правиль-

ное разрешение вопроса, необходима ли война, когда именно она необходима и как с честью избежать ее. Теорию Каприви о поле сражения я могу признать правильной лишь для тех случаев, когда на карту поставлено существование монархии и отечества, для тех случаев, когда историческим развитием выдвинуто понятие диктатуры. Таким я считал, например, положение, сложившееся в 1862 г.

Насколько точно, я бы сказал, по унтер-офицерски Каприви следовал «указке», проявилось в том, что он не обратился ко мне ни с одним вопросом, ни за одной справкой о состоянии государственных дел, которые он принимал, а также о прежних целях и намерениях имперского правительства и о средствах их осуществления. Из этого я заключаю, что ему было точно приказано воздерживаться от каких бы то ни было вопросов ко мне, дабы не ослаблять впечатления, что император правил сам, не нуждаясь в канцлере. Я никогда не слышал, чтобы при передаче арендуемого участка не требовалось известной договоренности между оставляющим участок и получающим его арендатором; однако в правительстве Германской империи при всех его сложных отношениях не возникло аналогичной потребности. Фраза в письме о моей отставке, что император будет пользоваться моими советами, на практике никогда не была осуществлена, и, как при отставке, так и позже, я ни официально, ни доверительно не увидел подписи своего преемника за исключением подписи на решении о моей пенсии, наносившем мне ущерб*[2]. У меня был 40-летний опыт нашей политики, а мой преемник, переменив должность, не стал лучше осведомлен о политическом положении, чем во время своего командования десятым корпусом.

Основания, которые побудили его величество уволить меня и приказать мне, несмотря на мой возраст, немедленно переменить квартиру и деятельность, никогда не были мне сообщены официально или из уст императора, даже при встрече через 4 года; я мог только делать предположения, быть может, неточные. Возможно, что до государя доходили всякого рода лживые наветы; он не сообщил мне ни об одном и не потребовал от меня объяснений. Я вынес впечатление, что император не хотел моего прибытия в Берлин до и после нового года (1890 г.), так как знал, что, согласно своим убеждениям, я выскажусь в рейхстаге о социал-демократии не в духе тех взглядов, которые он за это время усвоил и которые мне стали известными лишь на заседании Коронного совета 24 января. По указаниям, полученным мною непосредственно и через сына, император оставил за собой определение момента моего

* Между прочим, меня обязали возвратить часть полученного мною 1 января трехмесячного оклада: за 11 дней с момента моей отставки (с 20 по 31 марта).

возвращения [в Берлин]. Этот момент был определен в форме приглашения меня на заседание Совета 24 января с приказанием явиться на полчаса раньше для доклада. Я полагал, что при этом узнаю, что должно обсуждаться в Совете. Этого не случилось, и я последовал за его величеством через «Коридор монахинь» на заседание Совета в таком же неведении о предстоящем обсуждении, как и мои коллеги, за исключением Беттихера.

И после моей отставки тщательно избегали вступать со мной в какие бы то ни было сношения — повидимому, с целью не вызывать подозрения, что ощущается потребность использовать мой опыт и мое знание дела и людей. Меня подвергали строгому бойкоту и держали в карантине как рассадник бациллы тех эпидемий, от которых нам пришлось политически страдать, когда я был канцлером.

На Каприви, когда он принял пост, как и до этого, сказывались наряду с военными взглядами также и психологические последствия мук Тантала, пережитых им в юности, которая для гвардейского офицера, не имеющего состояния, не была свободна от лишений и горечи. Это вызывало у него впечатление, что завершение жизни на высшем посту является вознаграждением за несправедливость судьбы. Чувство недовольства, которое он мог испытывать больше 20 лет тому назад против людей моего положения, сохранилось у него до настоящего времени. Я мог заключить об этом из его отношения ко мне с момента первого предложения, сделанного ему императором, которое как в Берлине, так и в Вене не было основано на тех чисто деловых соображениях, какими я неизменно руководствовался по отношению к нему, несмотря на его известное мне недружелюбие. Последнее мне не удалось преодолеть и в то время, когда мы были коллегами по имперской службе, в период его управления флотом, хотя я проявлял к нему с этой целью максимальную любезность. По отношению к людям со своим «аром земли и колосом»[3] всегда давали себя знать впечатления его юности, когда он в течение многих лет переживал муки Тантала, будучи офицером без состояния*.

Я давно испытывал ощущение, что значительная часть моих коллег в Пруссии и моих подчиненных по имперской

* Не могу отрицать, что моему доверию к характеру моего преемника был нанесен удар, после того как я узнал, что он приказал вырубить вековые деревья, которые росли перед его, а ранее моей, квартирой. Эти деревья составляли украшение имперского участка земли в резиденции, и их потерю надо считать невозместимой, поскольку для их восстановления понадобились бы сотни лет. Император Вильгельм I, который в рейхсканцлерском саду провел счастливые годы своей юности, лишился бы в могиле покоя, если бы узнал, что бывший офицер его гвардии приказал вырубить его любимые старые деревья, равных которым не было ни в Берлине, ни в его окрестностях, чтобы заполучить un poco piu di luce

службе смотрели на меня как на бремя, тяжесть, давление которой мешает их собственному продвижению вперед. Думаю, что такое же ощущение испытывал бы каждый министр-президент и рейхсканцлер, который в течение столь долгого времени стремился бы бессменно выполнять свой долг, пытаясь, насколько это возможно в человеческих силах, сохранять единство и равновесие различных конкурирующих между собой ведомств и по отношению к справедливым ожиданиям управляемых и к интересам отдельных групп этих последних.

Указанная тем самым задача может быть без нарушения нашей конституции выполнена монархом в качестве германского императора и короля прусского не хуже, чем имперским канцлером и министром-президентом, если монарх обладает необходимой для этого подготовкой и работоспособностью и дискутирует со своими министрами по существу, а не как монарх. Но даже и в последнем случае он всегда ощущал бы потребность и, уже в силу своей прусской присяги на верность конституции, был бы вынужден до принятия своих решений выслушивать и принимать во внимание советы тех министров, на которых по конституции возложена ответственность. Если же этого не происходит и простой приказ прусского короля встречает молчаливое повиновение цепляющихся за свои места министров, которое переносится на прусское голосование в Союзном совете, если, другими словами, прусский король займет в своем государственном министерстве положение французских королей в lit de justice (hoc volo, sic jubeo)[4], и если затем король найдет министров, которые согласны на предоставляемую им тем самым роль секретарей кабинета, — то в таком случае королевская власть остается беззащитной перед критикой парламента и прессы, а к такому состоянию наши современные учреждения не приспособлены. Министры вправе ссылаться перед парламентом на то обстоятельство, что за ними стоит король, т. е. правомочная треть законодательной власти в Пруссии, но не вправе, как это делалось после моей отставки, освобождать себя от ответственности за собственные убеждения аргументом, что так повелел король. На авторитет личного мнения короля министр может, конечно, ссылаться для рекомендации того, что он предла-

---

[немного больше света]. В этом уничтожении деревьев сказывается не немецкая, а славянская черта. Славяне и кельты — племена, несомненно, более родственные друг другу, чем германцам, — не принадлежат к любителям древесных насаждений, как это известно каждому, кто бывал в Польше и Франции: их села и города, лишенные деревьев, расположены среди полей, как нюрнбергские игрушки на столе. Я скорее простил бы господину фон Каприви некоторые политические разногласия, чем кощунственное уничтожение вековых деревьев, в отношении которых он злоупотребил своим правом пользования государственным участком, ухудшив его.

гает, но ни в коем случае не для прикрытия своей собственной ответственности за предложенное. Злоупотребление в последнем направлении ведет к тому, что ответственность, которая должна падать на министров, исчезает и переносится на отсутствующего в парламенте монарха.

Министр вправе был бы заявить в прусской палате депутатов, что то или иное предложение не будет принято в палате господ и что поэтому в интересах соглашения лучше его изменить. С таким же конституционным правом он может сказать, что какое-либо другое предложение не будет принято королем — высшим равноправным фактором законодательства (статья 62 конституции)[5].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В результате разногласий с Вильгельмом II по вопросу о методах подавления майской стачки горнорабочих в 1889 г. и о рабочем законодательстве Бисмарк ушел в отставку с должности министра торговли, в сферу деятельности которого входил рабочий вопрос. Министром торговли был назначен обер-президент Рейнской провинции фон Берлепш.

[2] Требование возвратить полученную авансом часть оклада за время, когда Бисмарк уже находился в отставке, было подписано не Каприви, а бароном Мальцаном, статс-секретарем государственного казначейства, на основании закона о государственных чиновниках от 1873 г. Это уже было сделано однажды при отставке Роона 9 ноября 1873 г., а теперь должно было быть применено и к Герберту Бисмарку; см. Dr. Freiherr Helmuth von Malzahn-Gultz «Konservative Monatsschrifte». Февраль 1922 г., стр. 278—294. *(Прим. нем. изд.)*

[3] Бисмарк имеет в виду известную речь Каприви в рейхстаге 7 февраля 1893 г. при обсуждении вопроса о пошлинах на зерно. Аграрии выступали против заключенных Каприви торговых договоров с Италией и Австро-Венгрией, согласно которым Германия снижала импортные пошлины на зерно, добившись взамен этого снижения пошлин на изделия германской промышленности. В ответ на упреки аграриев Каприви заявил: «Если бы мы пожелали управлять государством в духе аграриев, мы очень скоро приблизились бы к катастрофе». О себе Каприви сказал в этой речи, что он не является аграрием, так как у него нет «ни ара земли, ни колоса».

[4] *«Lit de justice»* — так именовалось заседание парламента в присутствии короля, на котором король мог приказать вынести любые решения. В парламенте средневековой Франции так называлось кресло, на котором восседал король в тех случаях, когда оповещал парламент о своей воле.

«Hoc voloy sic jubeo» — «Этого хочу, так приказываю». Цитата из сатир римского поэта Ювенала.

[5] Согласно конституции Пруссии, король имел такое же право принимать или отклонять законы, как и ландтаг. Без санкции короля ни один закон, принятый ландтагом, не мог вступить в силу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ИМПЕРАТОР ВИЛЬГЕЛЬМ II

Среди природных свойств своего характера император унаследовал разносторонность своих предков. От нашего первого короля он унаследовал любовь к пышности, склонность в торжественных случаях к придворному церемониалу, подчеркиваемому пышностью костюмов, и живейшую восприимчивость к ловкой похвале. Самовластие времен Фридриха I[1] в своем практическом проявлении с течением времени существенно видоизменилось; но если бы в настоящее время оно укладывалось в рамки законных возможностей, то я думаю, что завершением моей политической карьеры была бы участь графа Эбергарда Данкельмана[2]. При небольшом сроке жизни, на который я в моем возрасте вообще могу еще рассчитывать, я не уклонился бы от драматического завершения своей политической карьеры и перенес бы и эту иронию судьбы, бодро уповая на волю божью. Чувства юмора я никогда не терял, даже в самые серьезные моменты своей жизни.

Такое же наследственное сходство проявляется у императора и с Фридрихом-Вильгельмом I, прежде всего в пристрастии к «длинным парням». Если снять мерку с флигель-адъютантов императора, то почти все эти офицеры окажутся необычайного роста — около 6 футов и выше. Случилось однажды, что в резиденцию в Мраморном дворце явился неизвестный рослый офицер, потребовал доступа к его величеству, а на расспросы заявил, что он назначен флигель-адъютантом. Этому сообщению поверили только после того, как запросили его величество. Новый флигель-адъютант превосходил ростом своих товарищей, которых он при своем появлении во дворце не без труда убедил в основательности своей претензии.

Еще резче выражена унаследованная от Фридриха-Вильгельма I и Фридриха II склонность к самовластному управлению

государством * и вера в законность принципа hoc volo, sic jubeo [этого хочу, так приказываю]**. Но те осуществляли самовластие в соответствии с духом времени, не обращая внимания на то, встречали они одобрение своему способу управления или нет. Едва ли можно установить, пользовался ли Фридрих-Вильгельм I у современников таким же признанием, как у потомства, за то, что в своих насильственных действиях, в противоположность своему отцу, не считался с чьим-либо мнением. Теперь для истории ясно, что suprema lex [высшим законом] для него было salus publica [благо государства], а не признание его особы.

Фридрих Великий не оставил потомства, но его роль в нашем прошлом должна действовать на каждого из его преемников, как призыв быть подобным ему. Он обладал двумя стимулирующими друг друга способностями: талантом полководца и здравым бюргерским пониманием интересов своих подданных. Без первой способности он не был бы в состоянии постоянно проявлять вторую, а без второй — его военные успехи не обеспечили бы ему того признания потомства, которым он пользуется ныне; хотя о европейских народах в общем можно сказать, что самыми популярными и любимыми королями считались те, которые завоевали для своей страны самые окровавленные лавры, — иногда вновь утрачивая приобретенное. Карл XII упрямо вел своих шведов к закату их могущества, и все же его портрет, как символ шведской славы, чаще встречается в домах шведских крестьян, чем портрет Густава-Адольфа. Миролюбивые гражданские благодеяния, оказываемые народу, как правило, не так воодушевляют христианские нации Европы, как готовность победоносно жертвовать кровью и достоянием подданных на поле битвы. Людовик XIV и Наполеон, чьи войны разоряли нацию и завершились малыми успехами, остались гордостью французов, а гражданские заслуги других монархов и правительств отступают по сравнению с ними на задний план. Мысленно восстанавливая историю европейских народов, я не нахожу ни одного примера, когда честная

* Припоминаю, что в 1859 г. перед отъездом в Петербург на мою критику, которой я подверг всех министров регента за неспособность, я получил немилостивый ответ: «А я, по вашему, что же — ночной колпак?» На это я возразил, что в наше время даже прусский ландрат не сможет хорошо управлять своим округом без толкового секретаря, а монархия давно уже переросла рамки кабинетского управления. Еще Фридрих Великий остерегался выбирать неспособных министров в качестве орудия своей воли.

** Juvenalis Satirae, sat. VI, versus 220—224.

Pone crucem, servo; meruit quo crimine servus
Supplicium? quis testis adest quis detulit? Audi,
Nulla unquam de morte nominis conctatio longa est.
O demens, ita servas homo est? nil fecerit, esto.
Hoc volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas! [3]

и самоотверженная забота о мирном преуспеянии народов оказывала бы на эти народы большее впечатление, чем военная слава, выигранные сражения и завоевания наиболее упорно сопротивлявшихся земель.

В противоположность своему отцу, Фридрих II, под влиянием изменившихся времен и общения с выдающимися иностранными умами, ощущал потребность в одобрении; это рано стало обнаруживаться в мелочах. В своей переписке с графом Зеккендорфом он пытается импонировать этому старому грешнику своими излишествами в половой области и возникавшими отсюда болезнями, а свое вторжение в Силезию сразу по вступлении на престол сам называет результатом жажды славы[4]. С поля сражения он послал стихи с припиской: «Pas trop mal pour la veille (Tune grande bataille». [«Недурно для кануна великой битвы»]. Однако потребность в одобрении— love of approbation — является у монарха могучей и иногда полезной движущей силой: если ее нет, то монарх легче, чем кто-либо другой, предается приятной бездеятельности; не составляет счастья для своей страны «un petit roy d'Yvetot, se levant tard, se couchat tot, dormant fort bien sans gloire»[5].

Разве мир имел бы «величие» Фридриха или героическое дерзновение Вильгельма I, если бы оба они не ощущали потребности в одобрении? Тщеславие само по себе — это ипотека, которую надо вычесть из способностей обремененного ею человека, чтобы установить чистый доход, который остается в качестве полезного продукта его дарований. У Фридриха II гений и мужество были так велики, что не могли быть обесценены его самомнением, и общей оценке не вредит излишество его самонадеянности, как при Колине и Кунерсдорфе[6] в насилии над судом по делу Арнольда и в истязаниях Тренка[7]. У Вильгельма I было сильно развито сознание того, что он прусский офицер и прусский король. Однако благородные качества его души, верность и прямота характера были достаточно сильны, чтобы вынести эту нагрузку, тем более что его стремление к популярности не сопровождалось преувеличенным мнением о себе; напротив, его благородная скромность была так же велика у него, как и чувство долга и мужества. С резкостями в характере и в поведении наших прежних королей примиряла их сердечная и честная благожелательность к своим подданным и слугам и их верность тем и другим.

Привычка Фридриха Великого вторгаться в ведомства своих министров и учреждений, а также в частную жизнь своих подданных временами представляется его величеству образцом. Склонность к замечаниям на полях директивного или критического характера в стиле Фридриха Великого так сильно проявлялась за время моей службы, что отсюда возникли неудобства, так как резкость содержания и выражений заставляла

хранить соответствующие документы в строго секретном порядке. Представления, которые я по этому поводу делал его величеству, не встречали милостивого приема, но все же привели к тому, что пометки делались уже не на полях необходимых документов, а на отдельных приклеенных к ним листках. Менее сложная структура и меньшие размеры Пруссии позволяли Фридриху Великому легче охватить общее — внешнее и внутреннее — положение государства. Поэтому монарху с его деловым опытом, с его склонностью к основательной работе и с его ясным взглядом практика коротких резолюций на полях представляла меньше затруднений, чем в современных условиях. Терпение, с которым он до окончательного решения знакомился с правовой и фактической стороной дела, выслушивал заключения компетентных и сведущих деловых людей, придавало его пометкам на полях деловой авторитет.

В двух направлениях император Вильгельм II не остался чужд наследию Фридриха-Вильгельма II. Одним из них является сильное сексуальное развитие, а другим — известная восприимчивость к мистическим влияниям. Едва ли можно будет привести классическое свидетельство того, каким образом император удостоверяется в воле божьей, на служение которой он ставит свою деятельность. Намеки в фантастической статье «King and Minister: A Midnight Conversation» * на некую «Книгу обетов» и на миниатюрные портреты трех великих предков не вносят ясности[8].

С Фридрихом-Вильгельмом III я не нахожу в личности Вильгельма II никакого сходства. Первый был молчалив, робок, не любил показываться в публичных местах и был чужд стремлению к популярности. Я вспоминаю, как в начале 30-х годов на смотру в Штаргарде его недовольство вызвали овации, нарушившие безмятежное пребывание среди его померанских подданных. В тот момент, когда рядом с ним запели «Heil Dir im Siegerkranz» [«Слава тебе в венце победителя»][9] вперемежку с криками «ура», громкое и энергичное выражение недовольства короля сразу заставило замолкнуть певцов. Вильгельм I получил свою долю этого отцовского наследства скромности, преисполненной чувства собственного достоинства, и испытывал неприятное ощущение, когда оказываемые ему почести переходили границы хорошего вкуса. Лесть a brule pourpoint [грубая лесть] вызывала его недовольство; его отзывчивость на всякое выражение преданной любви немедленно охлаждалась под впечатлением преувеличения или заискивания.

С Фридрихом-Вильгельмом IV ныне правящий император имеет общую черту: дар красноречия и потребность пользо-

* «Contemporary Review». April 1890, p. 457.

ваться им чаще, чем следует. Он так же легко находит слова; однако его двоюродный дед был осторожнее в выборе выражений, а быть может, также трудолюбивее и образованнее его. Для внучатного племянника стенограф не всегда допустим; речи же Фридриха-Вильгельма IV редко дают повод к критике с стилистической точки зрения. Они являются красноречивым, а иногда поэтическим выражением мыслей, которые в то время могли иметь значение движущей силы, если бы за ними последовали соответствующие дела. Я очень хорошо помню, какое воодушевление вызвали коронационная речь короля и его публичные выступления по другим поводам («Alaaf Koln» [10]). Если бы за ними последовали энергичные решения, в таком же вдохновенном духе, то они уже тогда могли бы оказать мощное воздействие, тем более что в то время еще не притупилась способность к политическим эмоциям. В 1841 и 1842 гг. можно было с меньшими средствами достичь больших результатов, чем в 1849 г. Об этом можно судить беспристрастно после того, как осуществлено то, что в то время составляло предмет желаний; а кроме того тогда, когда потребностей 1840 г. в национальном смысле уже нет налицо, даже, наоборот, «Le mieux est l'ennemi du bien» [«лучшее — враг хорошего»] — одна из наиболее метких поговорок, против которой немцы теоретически склонны грешить больше, чем другие народы. С Фридрихом-Вильгельмом IV у Вильгельма II то сходство, что основа политики их обоих коренится в представлении, что король и только король лучше других знает волю божью, согласно этой последней управляет и потому требует повиновения, основанного на безусловном доверии, не обсуждая с подданными своей цели и не посвящая их в свои планы. Фридрих-Вильгельм IV не сомневался в своем привилегированном положении у бога; его искренняя вера соответствовала образу иудейского первосвященника, который один вступает в святая святых.

В некоторых отношениях тщетны попытки найти аналогию между Вильгельмом II и его ближайшими тремя предками. Свойства, которые составляли основные черты характера Фридриха-Вильгельма III, Вильгельма I и Фридриха III, не выступают у молодого государя на первый план. Известное робкое недоверие к своим силам уступило место в четвертом поколении такой решительной самоуверенности, какой мы не видели на троне со времени Фридриха Великого и встречаем только у ныне правящего государя. Его брат принц Генрих [11], видимо, отличается такой же неуверенностью в собственных силах и такой же внутренней скромностью, которые при более близком ознакомлении можно было констатировать у императоров Фридриха и Вильгельма I, несмотря на все их олимпийское достоинство. У Вильгельма I глубокое и благочестивое упование на бога, при скромном и смиренном перед богом и людьми представле-

нии о собственной личности, содействовало той твердости решений, которую он проявил во время конституционного конфликта. Сердечная доброта и искренняя правдивость обоих государей заставляли мириться с некоторыми отклонениями от общепринятых представлений о значении королевского происхождения и помазания на царство.

Пытаясь нарисовать образ теперешнего императора после прекращения моей службы у него, я нахожу, что свойства его предков воплощены в нем в такой форме, что могли бы иметь для моей привязанности большую притягательную силу, если бы были одухотворены принципом взаимности между монархом и подданными, между господином и слугой. Германское ленное право предоставляет вассалу, кроме обладания леном, мало правомочий, но дает право на взаимную верность между ним и феодалом; нарушение верности как с той, так и с другой стороны считается изменой. Вильгельм I, его сын и предки в большой мере обладали этим чувством верности, и оно является существенной основой для привязанности прусского народа к своим монархам. Это психологически понятно, так как склонность к *односторонней* любви не может являться постоянной движущей силой человеческой души. По отношению к императору Вильгельму II я не мог отрешиться от впечатления односторонней любви. Чувство, которое является наиболее прочной основой всего строя прусской армии, — чувство, что не только солдат никогда не оставит на произвол судьбы офицера, но и офицер — солдата, то чувство, которому, доходя даже до крайности, следовал Вильгельм I по отношению к своим подчиненным, до сих пор не обнаруживается в такой мере у молодого государя. Притязание на безусловную преданность, доверие и непоколебимую верность у него возросло, но склонность в обмен на это проявить со своей стороны доверие и верность до сих пор не обнаружилась. Легкость, с какой он, без объяснения причин, расстается со своими испытанными слугами, даже с теми, с кем он до того обращался, как с личными друзьями, — не усиливает, а ослабляет чувство доверия, которое в течение ряда поколений господствовало среди слуг прусских королей.

С переходом от гогенцоллерновского духа к кобургоанглийским [12] понятиям было потеряно нечто невесомое, но трудно возместимое. Вильгельм I, быть может, выходя за пределы целесообразности, защищал и покрывал своих слуг также и в случае несчастья или неудачи. Вследствие этого у него были слуги, привязанные к нему и старавшиеся быть ему полезными даже в ущерб себе. Его теплая, сердечная благожелательность к другим становилась вообще непоколебимой, если к ней присоединялась благодарность за оказанные услуги. Он всегда был далек от мысли считать собственную волю един-

ственной линией поведения и безразлично относиться к оскорблению чужих чувств. Его обращение с подчиненными всегда оставалось благосклонным обращением высокой особы, и этим смягчались размолвки, происходившие на деловой почве. Доходившие до его слуха наветы и клевета парализовались благородной прямотой его характера; карьеристы, единственная заслуга которых заключается в бесстыдной лести, не имели у Вильгельма I шансов на успех. Он не поддавался закулисным влияниям, и его нельзя было натравливать против его слуг даже в тех случаях, если это исходило от самых близких к нему высокопоставленных особ; а если он вступал в обсуждение такого рода сообщений, то делал это в открытой беседе с человеком, за спиной которого предполагалось воздействовать [на короля] путем этих сообщений. Когда он был другого мнения, чем я, то открыто высказывал мне это, обсуждая со мною вопрос, и если мне не удавалось убедить его, то я, когда это было возможно, подчинялся, а если это оказывалось невозможным, то откладывал дело или окончательно отказывался от него. Мои друзья искренне, а мои противники тенденциозно преувеличивали мою независимость в руководстве политикой: в тех случаях, когда король оказывал длительное и основанное на его личном убеждении сопротивление моим желаниям, я отказывался от них, не доводя до конфликта. Я довольствовался достижимым, и до strike [забастовки] с моей стороны доходило только в тех случаях, когда было задето мое личное чувство чести, как это имело место со стороны императрицы в вопросе «Reichsglocke», или в истории с Узедомом [13], в результате масонских влияний. Я не был ни царедворцем, ни масоном.

Император [Вильгельм II] обнаруживает стремление посредством уступок своим врагам сделать излишней поддержку своих друзей. Его дед также пытался при вступлении в регентство добиться всеобщего удовлетворения своих подданных, не теряя их повиновения и не подвергая таким образом угрозе безопасность государства; но после четырехлетнего опыта [14] он понял ошибки своих советников и своей супруги, полагавших, что посредством либеральных уступок противники монархии превратятся в ее друзей и опору . Поэтому в 1862 г. он склонялся скорее к отречению, чем к дальнейшим уступкам парламентскому либерализму, и, опираясь на скрытые, но в конечном счете более сильные, преданные элементы, вступил в борьбу.

Одушевляемый христианской, но в делах этого мира не всегда успешной, тенденцией к примирению, император [Вильгельм II] начал со своего злейшего врага, с социал-демократии. Эта первая ошибка, которая проявилась уже раньше в отношении к забастовкам 1889 г., привела к повышенным претензиям социалистов и новому недовольству монарха, когда выяснилось, что

при новом режиме, как и при старом, наилучшие намерения монарха не властны изменить природу вещей и природу человеческую. У императора не было опыта в области человеческих страстей и вожделений, а то обстоятельство, что он потерял прежнее доверие к суждениям и опыту других, было результатом интриг, которые укрепили его в недооценке трудности управления. Эти интриги исходили не только от непрошенных советников вроде Гинцпетера, Берлепша, Гейдена, Дугласа и других беззастенчивых льстецов, но и от карьеристски настроенных генералов и адъютантов и от моих коллег, в помощи которых я нуждался, как, например, Беттихера,у которого, в качестве министра, не было никакой другой функции, кроме оказания мне помощи; даже некоторые из моих советников, подобно президенту фон Берлепшу, охотно и тайно отдавали себя в распоряжение императора, когда последний обращался к ним с вопросами, обходя их начальников. Быть может, по отношению к социал-демократии его постигнет такое же разочарование, как его деда в 1862 г. в отношении прогрессистской партии.

Та же политика уступок, чтобы не сказать прислуживания, была принята также по отношению к центру и Виндгорсту. Простая беседа с этим последним послужила императору одним из внешних поводов к разрыву со мной, а после моей отставки официальное чествование Виндгорста [15] усиливалось вплоть до апофеоза после его смерти; странный «прусский» святой. Следует опасаться, что и эта, пользующаяся покровительством, опора монархии зашатается в момент, когда потребуется ее помощь. Во всяком случае, полное удовлетворение союзников, которых могла бы найти прусская монархия и евангелическая империя у центра и ордена иезуитов, окажется столь же недостижимым, как и удовлетворение социалистов. В случае опасности и нужды произойдут события, аналогичные тем, которые имели место во время распада Тевтонского ордена в Пруссии, в результате поведения наемников, которых орден не в состоянии был оплатить [16]. Склонность императора привлекать на службу короне антимонархические и антипрусские элементы — вроде поляков — в данный момент дает его величеству средство давления на партии и фракции, которые остаются принципиально верными монархическим традициям. Угроза, что в случае если ему не будут беспрекословно повиноваться, он еще более поддастся влево и поставит у кормила правления социалистов, скрытых республиканцев из партии свободомыслящих и ультрамонтанские элементы [17], — словом, «Acheronta movebo» [«приведу в движение силы ада»] — угроза, которая выражается в ухаживании за непримиримыми врагами, отпугивает традиционных приверженцев монархической власти. Они боятся, «как бы не стало еще хуже», а император в настоящее время находится по отношению к ним в положении капи-

тана корабля, чье руководство вызывает тревогу у команды, но который с зажженной сигарой сидит на бочке с порохом.

По отношению к иностранным государствам — дружественным, враждебным, колеблющимся — любезности зашли дальше, чем это совместимо с представлением, что мы чувствуем уверенность в собственной силе. Дело именно в том, что ни в ведомстве иностранных дел, ни при дворе не было никого, достаточно понимающего международную психологию, чтобы правильно рассчитать последствия такого поведения с нашей стороны в политике; ни император, ни Каприви, ни Маршалль не были подготовлены к этому своей предшествующей деятельностью, а чувство политической чести советников короны было удовлетворено подписью императора, независимо от результатов для империи.

Попытки завоевать любовь французов (Мейссонье) [18], истинной подоплекой которых, возможно, была заветная мысль посетить Париж и готовность вновь открыть границу у Вогезов [19], привели к единственному результату: французы стали наглее, а штатгальтер [20] — боязливее. Извещение осенью 1889 г. о втором — состоявшемся в 1890 г. — визите императора, которое было лично неприятно для русского монарха, имело неутешительные последствия. Не более правильным кажется мне поведение по отношению к Англии и Австрии. Вместо того чтобы поддерживать у них представление, что на худой конец мы и без них не пропадем, стали практиковать по отношению к ним систему чаевых, которая является для нас весьма ощутительной по стоимости и производит впечатление, будто мы нуждаемся в их помощи, в то время как оба [эти государства] больше нуждаются в нашей помощи, чем мы в их. Англия при недостаточности своих сухопутных вооруженных сил, в случае угрозы со стороны Франции или России в Индии и на Востоке, могла бы найти защиту против этих угроз в помощи Германии. Если же у нас придают больше значения дружбе с Англией, чем в Англии — нашей дружбе, то тем самым укрепляется переоценка Англией своих сил по отношению к нам и убеждение, что мы почитаем для себя за честь без ответных услуг лезть в огонь из-за английских интересов. В наших отношениях с Австрией мы бесспорно предъявляем меньшие претензии, и непонятно, зачем при свиданиях в Силезии [21] нам понадобилось обещанием экономических уступок покупать или укреплять и без того обеспеченное взаимное сближение. Фраза о том, что переплетение экономических интересов, то-есть благоприятствование австрийским интересам за счет германских, является неизбежным последствием нашей политической близости, преподносилась мне из Вены в течение десяти лет в различных вариантах. Без резкого отклонения заключавшихся в этой фразе претензий, но и без малейших

уступок я с дружеской вежливостью уклонялся от этого, пока, наконец, в Вене не поняли безнадежности своих претензий и не отказались от них. Однако при встрече обоих императоров в Роньштоке австрийцы, повидимому, так ловко выдвинули эту претензию на первый план, что естественное желание угодить гостю могло вызвать с нашей стороны обещания, которые император Франц-Иосиф принял utiliter [с пользой для себя]. При дальнейших переговорах министров присущая австрийцам деловая ловкость опять-таки, очевидно, дала им преимущество по сравнению с нашими новичками и сторонниками свободной торговли. Возможно, что в военном отношении мой друг и коллега Кальноки [22] не может итти в сравнение с моим преемником, но на поприще дипломатии в экономических вопросах Кальноки превосходил его, хотя также не был в этой области специалистом.

Перемена в личных отношениях между императорами Вильгельмом II и Александром III вначале оказала на настроение первого такое влияние, которое нельзя было наблюдать без тревоги.

В мае 1884 г. принц Вильгельм был послан своим дедом в Россию, чтобы поздравить наследника престола с достижением совершеннолетия [23]. Близкое родство и уважение Александра III к своему двоюродному деду обеспечили принцу благосклонный прием и внимательное отношение, к которому он в то время в своей семье еще не привык; выполняя инструкции деда, он держал себя осторожно и сдержанно; у обеих сторон осталось удовлетворительное впечатление. Летом 1886 г. принц снова отправился в Россию, чтобы приветствовать в Брест-Литовске императора, который производил смотр войскам в польских губерниях. Здесь он был принят еще более радушно, чем при первом визите, и имел случай высказать взгляды, которые пришлись по вкусу императору, так как произошел его разрыв с болгарским князем Александром, а влияние русских в Константинополе пришлось поддерживать в напряженной борьбе против влияния англичан. Еще в ранней юности принц с предубеждением относился к Англии и всему английскому, был недоволен королевой Викторией и ничего не хотел слышать о браке своей сестры с [Александром] Баттенбергским. Потсдамские офицеры рассказывали в то время о резких проявлениях антианглийских настроений принца. Было естественно, что в политическом разговоре, в который его втянул император, он выражал свое согласие со взглядами последнего, — при этом выражал, может быть, больше, чем царь этому мог поверить; впечатление [принца], что он завоевал полное доверие Александра III, возможно, не соответствовало действительности.

Намереваясь использовать в политических интересах свои отношения с русским императором, который в ноябре 1887 г.,

возвращаясь из Копенгагена, проезжал через Берлин, принц ночью выехал ему навстречу в Виттенберг. Император еще спал, и принц увидел его лишь незадолго до прибытия в Берлин, притом в присутствии части свиты. После обеда во дворце, спускаясь с кем-то по лестнице, он сказал, что ему не представилось случая беседовать с русским императором. Сдержанность гостя объяснялась, если и не прежними его наблюдениями, то, во всяком случае, тем,что в Копенгагене он в уэльских и вельфских кругах узнал мнение о внуке королевы[24], которое тогда господствовало в английской королевской семье. Эта сдержанность, естественно, вызвала недовольство принца Вильгельма; недовольство было замечено окружением [принца], раздувалось и использовалось непрошенными военными элементами, которые считали тогда *уместной* войну против России, Эта мысль завладела генеральным штабом так сильно, что генерал-квартирмейстер граф Вальдерзее обсуждал ее с австрийским послом графом Сечени. Последний донес об этом в Вену, и вскоре после этого император России спросил германского посла фон Швейница: «Зачем вы натравливаете Австрию против меня?»

Об аргументах, которыми воздействовали на принца Вильгельма, свидетельствует его письмо ко мне, написанное 10 мая 1888 г., когда он стал уже кронпринцем. Содержание этого письма я приписываю возрастающему влиянию графа Вальдерзее, который считал момент благоприятным для того, чтобы вести войну и добиваться усиленного влияния генерального штаба на имперскую политику.

«Берлин, 10 мая 1888 г.

Ваша светлость.

Письмо от 9-го сего месяца я прочел с огромным интересом; из содержания его я должен, однако, усмотреть, что ваша светлость придает преувеличенное значение моим пометкам на полях венского донесения от 28 апреля и вследствие этого приходит к выводу, что я стал противником нынешней мирной и выжидательной политики, которою ваша светлость руководили с такой мудростью и осторожностью и, надо надеяться, еще долго будете руководить на благо отечества. В пользу этой политики я неоднократно выступал — Петербург, Брест-Литовск — и во всех решающих вопросах я, как известно, всегда становился на сторону вашей светлости. Какое же событие могло заставить меня внезапно изменить свой образ мыслей? Сделанные мною пометки на полях, в которых ваша светлость усматривает призыв с моей стороны к изменению нашей нынешней политики, имеют лишь целью указать, что по вопросу о необходимости или полезности войны возникло расхождение между политической и военной точкой зрения, о котором я тем самым намерен довести до вашего сведения. Военные соображения

сами по себе не лишены основания. Я полагал, что такое указание будет небезынтересно для вашей светлости, но никогда не думал, что оно может привести к мысли, будто я хочу подчинить политику пожеланиям военных.

Для предотвращения в будущем всякого неправильного толкования моих взглядов, а также ввиду частичного признания выдвинутых вашей светлостью доводов я в будущем воздержусь от всяких пометок на полях политических донесений, но оставлю за собою право другим путем со всей откровенностью доводить мои взгляды до сведения вашей светлости.

Ввиду важности затронутых вашей светлостью вопросов я вынужден подробнее остановиться на них.

Я всецело придерживаюсь мнения вашей светлости, что даже при удачном ходе войны с Россией нам не удастся привести в полное расстройство ее военные средства. Все же я полагаю, что в случае неудачной для России войны, в результате внутренних политических неурядиц, характер бессилия этой страны будет совершенно иным, чем в любом другом европейском государстве, включая Францию. Напомню о том, что после Крымской войны Россия в течение почти двадцати лет была обессилена, прежде чем она настолько оправилась, что оказалась в состоянии воевать в 1877 г. * Военные средства Франции в 1871 г. не были в достаточной мере расстроены, так как на глазах, и даже с помощью, благосклонного победоносного противника могла создаваться и формироваться новая армия для того, чтобы победить Коммуну и спасти страну от полной гибели; парижские укрепления, находившиеся в руках победителя, не были сравнены с землей и даже не были полностью разоружены; флот был оставлен Франции, которая не была уничтожена, а только политически унижена. Эти только что приведенные факты с очевидностью доказывают, что мы были далеки от действительного уничтожения врага **, что мы сохранили ему основу для тех огромных военных средств на суше и на море, которые ныне угрожают нам со стороны республики. С военной точки зрения это было неправильно, но с политической вполне соответствовало положению вещей в Европе и для того момента было правильно.

Чем больше крепла республика, тем большую склонность — несмотря на самые лойяльные намерения и поведение царя — проявляла Россия, хотя Германия не нанесла ей ни малейшего ущерба, воспользоваться удобным моментом, чтобы в союзе с республикой напасть на нас***. Это угрожающее положение возникло и существует не в результате войны, которую мы по собственной инициативе вели с Россией, а вследствие общей

* Вальдерзее.
** 40 миллионов! и Европа?
*** Захватить Босфор.

заинтересованности панславистов и республиканской Франции в уничтожении Германии как оплота монархии.

С этой целью обе нации систематически усиливали свои военные средства на решающих границах, не будучи чем-либо спровоцированы с нашей стороны на это неслыханное поведение и не приводя для этого каких-либо веских объяснений.

Отчасти по этой причине руководимая вашей светлостью мудрая политика моего усопшего деда добилась создания союзов, которые весьма содействовали тому, что обеспечили нас от нападений нашего *прирожденного* наследственного врага на Западе. Эта политика сумела также расположить в нашу пользу властелина России. Влияние этого [фактора] сохранится до тех пор, пока теперешний царь действительно обладает властью для осуществления своей воли. Но как только он лишится власти, — а многие признаки этого имеются налицо, — то вполне вероятно, что Россия уже не позволит отделить себя от нашего прирожденного врага и вместе с ним начнет против нас войну в момент, когда военные средства обоих покажутся им достаточно сильными, чтобы безнаказанно нас уничтожить.

При таких обстоятельствах ценность наших союзников возрастает: крепко привязать их к нам * и в то же время не допускать сколько-нибудь значительного их влияния на империю будет и останется великой и, должен признать, трудной задачей осторожной германской политики. Но при этом надо принять во внимание, что один из наших союзников принадлежит к романскому племени и его правительственный механизм не обладает такой абсолютной прочностью, как у нас. Поэтому едва ли можно рассчитывать на длительность этого союза, и для нас лучше раньше начать войну, в которой мы рассчитываем на помощь союзников.

Наши враги, несомненно, сделают немало всякого рода попыток изолировать нас и *отвлечь* от нас наших союзников; всякая совершенная нами ошибка, всякий промах германской политики будет содействовать этим стремлениям. К таким ошибкам я должен отнести какое-либо покровительство Баттенбергу; Австрия усмотрела бы в этом нарушение своих специальных интересов, а Россия получила бы удовлетворение, увидев, что мы лишаемся нашего лучшего союзника. Война из-за Баттенберга не может пользоваться в Германии популярностью, и столь необходимый на войне furor Teutonicus [тевтонская ярость] совершенно отсутствовал бы.

Россия легко смогла бы тогда создать отношения, которые привели бы к войне; но общественное мнение, несомненно, назовет виновником войны Германию. Я признаю, что тем самым было бы достигнуто ускорение опасности войны, но какой ценой?

---

* Из этой мысли и возникли торговые договоры 1891 г.

Я далек от намерения добиваться этого *. Так как все время имелась в виду война *на Западе,* и в соответствии с этим велись военные приготовления, и так как война на Западе, как ваша светлость подчеркивает, во всех отношениях обещает больше преимуществ, чем *на Востоке,* то военные авторитеты были бы особенно благодарны за *такую политику,* которая была бы в состоянии действительно обеспечить ведение войны ** на Западе, как только война будет признана неизбежной.

Но я также держусь мнения, что если мы *начнем* войну *на Востоке,* то нам придется вести ее на обоих фронтах. Франция лишь в том случае не выступит, если будет переживать внутренний, особенно тяжелый кризис или если она вновь будет испытывать затруднения *военного характера,* как это определенно было *прошлой осенью* (неудача с мелинитовыми снарядами, непригодность новой винтовки, удручающее впечатление от результатов обстрела заградительных фортов в Ютербоке). В противоположность этому, нельзя с абсолютной уверенностью предсказать ***, что если нам придется вести войну с Францией, то Россия eo ipso [тем самым] будет держаться пассивно по отношению к нам.

Всегда, а в особенности при обстоятельствах, сложившихся *прошлой осенью,* обязанность главного генерального штаба **** зорко следить за военным положением своей страны и соседей и тщательно взвешивать как благоприятные, так и неблагоприятные в *военном* отношении моменты. Полученные в итоге выводы предопределяют не направление политики, а военные мероприятия, находящиеся на службе у последней и обусловленные существующим положением. Руководство генерального штаба должно со всей откровенностью довести указанные выводы до сведения руководителя политики, отстаивая при этом военную точку зрения. В этом, по моему мнению, заключается абсолютно необходимая помощь руководству политикой, даже самой миролюбивой.

В таком смысле я и просил бы вас понимать мои злосчастные пометки на полях донесения от 28 апреля; в то же время они имели своей задачей указать на то, что хотя германской политикой следует руководить самым миролюбивым образом, но военные авторитеты Германии и Австрии с полным правом должны были осенью прошлого года *обратить внимание* на *благоприятный с военной точки зрения* случай для военного выступления обеих стран.

* А Вальдерзее?

** Только?

*** «Конечно, нет, но скорее чем наоборот».

**** Политика Вальдерзее! Если бы он ею руководили!! И он станет канцлером?

Несмотря на мои Marginalia [пометки на полях], вызвавшие такое волнение, я все же убежден, что ваша светлость, в случае возможной смены в руководстве государством, и впредь, как и сейчас, будете в состоянии с чистой совестью и с такой же твердостью, как и до сих пор, обеспечивать миролюбивое направление германской политики *.

Вильгельм,
кронпринц Германской империи и Пруссии».

15 июня 1888 г. кронпринц стал императором. Ровно через неделю я косвенным путем узнал о высказывании его величества, выражающем крайнее недовольство императора по поводу различных статей в берлинских газетах. Речь шла главным образом о вечернем выпуске «Berliner Tageblatt» от 20 июня и о статьях в «Berliner Zeitung» и в «Berliner Presse» от 21 июня, которые, повидимому, были написаны с целью уверить в существовании разногласий между его величеством и имперским канцлером по поводу графа Вальдерзее; что, другими словами, и сейчас в руководящих правительственных кругах существовали или намечались трения наподобие тех, которые неоднократно подвергались публичному обсуждению в правление императора Фридриха. Его величество опасается, что заграничная пресса будет комментировать эти статьи, а потому он желает, чтобы правительственная печать дала отпор указанным нападкам и осветила действительное положение вещей. Император остается при тех же взглядах, какие он развивал еще в мае, что, несмотря на свое уважение к графу Вальдерзее, он никогда не предоставит ему необоснованного влияния на внешнюю политику; при его правлении не будет придворной камарильи, наоборот, он убежден, что среди людей, которых он облек своим доверием и которые ему служат, нет никаких группировок, но что все следуют за ним по пути к намеченной им цели.

С 19 по 24 июля император был с визитом в Петергофе. Я только впоследствии получил полные сведения о впечатлении, которое он там произвел. Об этом я упоминал выше (стр. 71). Лишь в июне следующего года, в то время как я был в Варцине, два случая обнаружили, что он сам перенес свое недовольство в область политики.

Граф Филипп Эйленбург, посланник в Ольденбурге, который за свои светские таланты пользовался особой милостью его величества и часто приглашался ко двору, доверительно сообщил моему сыну, что император считает мою политику слишком «руссофильской», а посему не попытается ли мой сын, или не попытаюсь ли я сам пойти навстречу императору и разъяснениями устранить недовольство его величества. Мой

---

* Между текстом и подписью Бисмарк вставил: Было бы несчастием, если бы...

сын спросил, что именуется руссофильством. Пусть ему назовут политические действия, которые являются более чем дружественными по отношению к русским, т. е. приносят ущерб нашей политике. Наша внешняя политика представляет собой тщательно продуманное целое, которое не понято Amateurs-Politiker [политиками-любителями] и военными, прожужжавшими его величеству уши. Если его величество не питает доверия ко мне и поддается интриганам, то пусть он отпустит с богом моего сына и меня. Мой сын самым добросовестным образом и, не щадя своих сил, сотрудничал со мной в политике и расстроил свое здоровье невыносимо нервной обстановкой, в которой он всегда находился. Если от него теперь еще потребуют политики, основанной на «настроениях», то он предпочтет уйти лучше сегодня, чем завтра. Граф Эйленбург, вероятно ожидавший другого ответа, сразу изменил тон и настоятельно просил не делать из его замечаний дальнейших выводов: он просто неудачно выразился.

Через несколько дней, во время посещения Берлина персидским шахом [25], император дал указание моему сыну, что печать должна выступить против нового русского займа; он не желает, чтобы еще большие суммы немецких денег, затраченные на покупку русских бумаг, попали в Россию, которая оплачивает ими только свои военные приготовления. На эту опасность обратило его внимание одно высокопоставленное военное лицо; как в тот же день было установлено, это был военный министр генерал фон Верди. Мой сын ответил, что дело обстоит не так: имеется в виду лишь конверсия прежних русских займов, следовательно, наилучший случай для немецких держателей бумаг получить наличные деньги и избавиться от русских бумаг, по которым Россия, в случае войны, быть может, перестала бы выплачивать проценты Германии. Россия хотела при этом извлечь выгоду — в будущем платить по одному займу одним процентом меньше; для этого имеется благоприятная конъюнктура на денежном рынке и, следовательно, мешать этому не следует. Если мы откажемся от русских бумаг, то их возьмут французы, и сделка будет заключена *в Париже.* Его величество настаивал на том, чтобы германская печать выступила против этой русской финансовой операции; он уже вызвал к себе одного из советников министерства иностранных дел, чтобы дать ему соответствующее указание. Мой сын заявил, что если ему не удалось осветить его величеству положение вещей, то он просит вызвать для доклада министра финансов; официозные статьи в указанном смысле не могут быть написаны, прежде чем будет заслушан рейхсканцлер, так как они оказали бы влияние на политику в целом. В ответ на это его величество распорядился, чтобы мой сын срочно написал мне о желании императора открыть в печати кампанию против русской

финансовой операции, и через адъютанта распорядился передать заместителю отсутствовавшего как раз в это время министра финансов, что совету старейшин берлинской биржи следует дать указание воспрепятствовать займу.

Несколько месяцев спустя я сам имел возможность убедиться, что значат настроения его величества. Это связано со случаем, о котором я не мог не рассказать выше (на стр. 43), а теперь вынужден повторить здесь для сохранения общей связи. Когда в октябре 1889 г. закончилось пребывание царя в Берлине и я с императором возвращался с Лертского вокзала, куда мы провожали царя, уезжавшего в Людвигслюст, его величество рассказал мне, что в Губертусштоке[26] он сел на козлы охотничьей повозки, предоставив гостю возможность полностью наслаждаться охотой. Он закончил словами: «Ну, похвалите же меня, наконец!» Когда я удовлетворил его желание, он продолжал рассказывать, что сделал еще больше, известив русского императора о своем желании сделать ему продолжительный визит, причем он рассчитывает частично провести вместе с ним время в Спала. Я позволил себе выразить сомнение, насколько это будет желательно императору Александру. Последний любит покой, уединение и жизнь в кругу жены и детей; Спала — небольшой охотничий замок и не приспособлен для приема гостей. При этом я мысленно взвесил, что там оба государя будут вынуждены к слишком близкому общению, и при беседах, возникающих во время такого длительного совместного пребывания, имеется опасность затронуть щекотливые темы.

Я поставил себе задачу сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать этому визиту. Быть может, никому из современников не было известно так хорошо, как мне, различие характеров и образа мыслей обоих монархов, и это знание заставляло меня опасаться, что длительное совместное пребывание без всякого делового контроля может повести к трениям, охлаждению и недовольству. Что касается царя, то у него недовольство возникнет уже вследствие продолжительного нарушения его одиночества, хотя он, естественно, вежливо встретил извещение о визите. В интересах сохранения согласия между обоими кабинетами я считал рискованным без нужды допускать длительное соприкосновение сдержанной недоверчивости царя с агрессивной любезностью нашего государя. Я это считал тем более нежелательным, что извещение о визите производило впечатление оказываемой авансом предупредительности, которая едва ли была уместна по отношению к русской политике и еще менее при недоверчивости императора Александра III. Насколько обоснованы были мои тревоги, показали упомянутые на стр. 71 секретные донесения из Петербурга. Если даже считать их преувеличенными или подложными, то все же они были написаны со знанием положения.

Высказанные мною сомнения, вместо ожидаемого императором одобрения, были ему неприятны; он высадил меня у моей квартиры, вместо того чтобы войти ко мне и продолжать деловую беседу.

Визит, который император сделал царю в Нарве и в Петергофе, длившийся с 17 до 23 августа 1890 г.[27], привел к усилению личной неприязни, которой я опасался.

За Нарвой последовали свидание в Роштоке и торговый договор с Австрией. Поворот его величества в сторону Англии подготовлялся англичанами уже со времени его визита в Осборн в начале августа 1889 г.[28], был использован ими с тонким расчетом и привел к договору о Занзибаре и Гельголанде[29]. Мундир admiral of the fleet [адмирала флота][30] может рассматриваться как символ целого периода во внешней политике империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первым королем Пруссии был курфюрст Бранденбургский Фридрих III, принявший в январе 1701 г. титул короля Пруссии, под именем Фридриха I.

[2] Данкельман был министром бранденбургского курфюрста Фридриха III и пользовался неограниченным влиянием. В 1697 г. он был обвинен в финансовых злоупотреблениях и заключен в крепость, а все его имущество конфисковано. Обвинительный акт содержал 290 пунктов. Суд оправдал Данкельмана, но, несмотря на это, последний оставался в заточении до смерти Фридриха и был освобожден только в 1713 г. его преемником. Большую часть конфискованного имущества Данкельман так и не получил обратно. Упоминая об участи Эбергарда Данкельмана, Бисмарк намекает на то, что сам он опасался испытать нечто подобное. В апреле 1890 г. Вильгельм II, беседуя с австрийским послом о Бисмарке, сказал: «Могу вас заверить, что у меня было бы достаточно оснований для предания его суду. Да будет богу угодно, чтобы он вел себя смирно и не затевал полемики против меня в газетах, иначе ему будет плохо».

[3] «Крестную казнь рабу!» «Разве он заслужил наказание? В чем преступление? Свидетели кто? Кто доносит? Послушай: если на смерть посылать человека, нельзя торопиться». «Что ты, глупец? Разве раб человек? Пусть он не преступник. — Так я хочу, так велю, вместо довода будь моя воля!» *(Ювенал,* Сатиры, Academia, М. 1937).

[4] Через несколько месяцев после вступления на престол Фридрих II, в декабре 1740 г., захватил у Австрии Силезию и этим начал так называемые Силезские войны.

[5] Бисмарк цитирует стихотворение Беранже «Король Ивето». Полностью первая строфа гласит:

«Жил да был один король, —
Где, когда — нам неизвестно
(Догадаться сам изволь).
Спал без славы он чудесно,
И носил король-чудак
Не корону, а колпак.
Право так!
Ха, ха, ха! Ну не смешно ль?
Вот так славный был король!»

[6] Имеются в виду два эпизода Семилетней войны. В битве при Колине 18 июня 1757 г. прусская армия под командованием Фридриха II была разбита австрийцами. В битве при Кунерсдорфе 12 августа 1759 г. Фридрих II был разбит союзными войсками русских и австрийцев.

[7] Адъютант Фридриха II барон Тренк был за связь с сестрой Фридриха в 1744 г. заключен в тюрьму, откуда бежал в Австрию, В 1754 г. Тренк был арестован в Данциге и оставался в тюрьме до 1763 г.

[8] В упомянутой Бисмарком *«фантастической статье»* автор описывает взаимоотношения Вильгельма II и Бисмарка (короля и министра), не называя их по имени. Король изображен хвастливым, трусливым и самоуверенным молодым человеком, который, быть может, никогда не станет зрелым и опытным. Министр изображен опытным и верным канцлером, трезво оценивающим ситуацию. Автор статьи воспроизводит решающее объяснение, которое могло бы произойти между королем и его министром. Министр заявляет, что король ошибся в расчете, полагая, что может унижать своего министра и в то же время пользоваться его услугами. Затем министр предупреждает, что заигрывание с социалистами обрадует внешних врагов страны, вселит неуверенность в ее друзей и может развязать внутренние силы революции. На это король отвечает, что его министр — великая историческая фигура, но уже принадлежит истории. Он — славное прошлое, но только прошлое. Король же представляет настоящее, он молод и сам возглавит молодую империю. Чтобы набраться решимости для предстоящего тяжелого разговора с министром, король перед разговором вынимает из заветной шкатулки роскошную сафьяновую тетрадь, в которую он, еще будучи принцем, записывал свои мысли и обеты править самостоятельно. В тетрадь вклеены миниатюрные портреты предков короля. Вглядываясь в их смелые и хитрые лица, король убеждается, что также будет полубогом, быть может, величайшим из всех.

[9] *«Heil Dir im Siegerkranz»* («Слава тебе, в венце победителя») — начальные слова опубликованной в 1793 г. песни Шумахера, которая представляла собой переработку песни в честь датского короля Христиана.

[10] *«Alaaf Koln»* — на рейнском наречии — «Да здравствует Кельн».

[11] *Принц Генрих* —младший брат Вильгельма II.

[12] Герцоги Саксен-Кобургские были связаны родственными узами с английским двором: муж английской королевы Виктории Альберт был саксен-кобургским герцогом.

[13] Граф *Узедом* был посланником Пруссии при дворе итальянского короля. В 1869 г. Бисмарк под угрозой ухода в отставку потребовал от Вильгельма I отозвать Узедома.

[14] Имеется в виду умеренно-либеральное министерство «новой эры», правившее во время регентства принца Вильгельма, с 1858 до 1862 г., когда к власти был призван Бисмарк.

[15] *Каприви,* назначенный канцлером вместо Бисмарка, опирался в частности на партию центра. Последствием этого было и изменение отношения правительственных кругов к лидеру партии центра Виндгорсту. В январе 1891 г. председатель рейхстага от имени всего рейхстага поздравил Виндгорста с его 80-летием. Внесенное же в конце марта 1895 г. предложение послать от имени рейхстага поздравительную телеграмму Бисмарку к его 80-летию было отклонено 163 голосами против 146 голосов.

[16] В 1456 г. наемные войска, навербованные Тевтонским орденом, не получая от ордена жалованья, передали полякам Кенигсберг и ряд других

городов, завоеванных орденом. Через несколько лет, по Торнскому миру (1464 г.), орден был вынужден признать свою вассальную зависимость от Польши.

17 Т. е. католическую партию центра.

18 После смерти члена французской Академии художеств известного французского художника *Мейссонье* (31 января 1891 г.) флигель-адъютант Вильгельма II граф Ведель от имени императора письменно выразил Академии сожаление по поводу смерти художника. Ведель писал: «Его величество всегда считал Мейссонье одним из светил Франции и всего мира». В ответ Академия поручила своему секретарю выразить Вильгельму II благодарность за письмо.

19 *Вогезы* — горная цепь, по которой проходила граница между Францией и Германией после франко-прусской войны 1870—1871 гг.

20 *Штатгальтером* назывался наместник германского имперского правительства в Эльзас-Лотарингии.

21 В Силезии, во дворце Роншток, в сентябре 1890 г. произошла встреча Вильгельма II и австро-венгерского императора Франца-Иосифа.

22 *Кальноки* был австро-венгерским министром иностранных дел (1881—1895 гг.).

23 В 1884 г. Вильгельм II (в то время еще принц) посетил Петербург для вручения ордена Черного орла тогдашнему наследнику русского престола (впоследствии Николай II) по случаю достижения им совершеннолетия. Попутно будущий германский император посетил Кронштадт и в секретных докладах Вильгельму I подробно описал вооружение крепости. В своих мемуарах, написанных уже после отречения и бегства в Голландию, Вильгельм II сам приводит некоторые из своих отчетов *(Kaiser Wilhelm II,* Aus meinem Leben 1859—1888. Berlin. 1927).

24 Внук королевы, т. е. Вильгельм II; его мать была старшей дочерью королевы английской — Виктории.

26 *Шах Наср-эд-Дин* посетил Берлин во время своего путешествия по Европе, в июне 1889 г.

26 *Губертусшток* — дворец в охотничьем заповеднике близ Потсдама.

27 Вильгельм II в сопровождении канцлера Каприви 17 августа 1890 г. посетил Александра III в Нарве, где в это время происходили маневры русской армии, а затем посетил Петергоф.

28 В августе 1889 г. Вильгельм II во главе германской эскадры посетил Англию и был принят английской королевой Викторией в Осборнском дворце на острове Уайт.

29 В июне 1890 г. канцлер Каприви заключил с Англией договор о разграничении английской и германской сфер влияния в Восточной и Юго-Западной Африке. Германия сделала Англии значительные уступки, передав последней территории Биту и Сомали. Кроме того, по договору Германия соглашалась на установление английского протектората над владениями занзибарского султана. В обмен Германия получила от Англии остров Гельголанд в Северном море, ставший позднее важной военной базой Германии. В одном из своих многочисленных интервью Бисмарк резко высказался против англо-германского договора, заявив, что Гельголанд можно было бы получить дешевле и что приобретение Гельголанда вызвано просто личным желанием Вильгельма II. Свои взгляды по этому вопросу Бисмарк излагает в следующей главе.

30 При посещении Англии в августе 1889 г. Вильгельм II получил титул почетного адмирала британского флота.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДОГОВОР О ГЕЛЬГОЛАНДЕ И ЗАНЗИБАРЕ

Что договор о Гельголанде был для нас меновой сделкой, напоминающей обмен между Главком и Диомедом [1], стало в настоящее время общим мнением не только тех кругов, в которых преобладает интерес к заокеанским приобретениям. В официальных оправданиях этой сделки, неэквивалентность которой была видна даже невооруженным глазом, разыскивали компенсацию в области невесомого — в развитии наших отношений с Англией. При этом ссылались на то обстоятельство, что в бытность свою канцлером я также придавал большое значение этим отношениям. Это, несомненно, верно, но я никогда не верил в возможность прочности этих отношений и никогда не намеревался приносить германские владения в жертву благосклонности, которая не имела шансов пережить срок существования одного английского кабинета. В изменчивом ходе событий и интересов политика любой великой державы всегда изменчива; английская же политика, сверх того, находится в зависимости от перемен, которые в среднем каждые 5—10 лет обычно происходят в личном составе парламента и министерства. Передо мной стояла задача содействовать укреплению благожелательного по отношению к нам министерства Солсбери, поскольку это было достижимо путем проявления симпатий. Но для того, чтобы постоянными жертвами покупать благосклонность или дальнейшее существование какого-либо английского министерства, тамошние кабинеты слишком недолговечны и слишком мало зависят от их отношений к Германии. Гораздо большее значение, как правило, имеют в этом смысле отношения английских министерств с Францией и Россией, даже с Италией и Турцией.

А отказ от равноправного положения в торговом городе Занзибаре был с нашей стороны длительной жертвой, за которую Гельголанд не мог служить эквивалентом. Свободная торговля с этим единственным на восточноафриканском побережье

крупным торговым пунктом служила мостом для наших торговых сношений с континентом; без этого моста мы при теперешних условиях не можем обойтись и не можем заменить его другим. Судя по успехам германского влияния за последние четыре года до 1890 г., я считал хотя и не несомненным, но все же вероятным, что владение этим мостом со временем достанется нам на тех же условиях исключительности, на каких мы предоставили его англичанам. Поэтому в наши политические планы я включал эту цель не в качестве необходимости, но во всяком случае в качестве возможности, достойной усилий. При этом я руководился убеждением, что, правда, дружба Англии для нас очень важна, но дружба Германии для англичан в известных условиях еще важнее. Если Англии будет серьезно угрожать французский десант, что не исключено естественным ходом развития политики, то помочь ей сможет только Германия; без нашего позволения Франция не сможет использовать против Англии даже временного превосходства на море, а Индию, так же как Константинополь, легче защищать от русской опасности на польской границе, чем на афганской. Положение, подобное тому, при котором Веллингтон сказал, или подумал, при Белль-Альянсе[2]: «Хотел бы я, чтобы наступил вечер или чтобы пришли пруссаки», легче может повториться в ходе большой европейской политики, чем исторические моменты, которые напоминают нам о проявлении английской дружбы. В Семилетнюю войну[3] эта помощь изменила как раз в то время, когда мы больше всего в ней нуждались, а на Венском конгрессе Англия приложила бы свою печать к договору между Францией и Австрией от 3 января 1815 г.[4], если бы возвращение Наполеона с Эльбы[5] не привело к неожиданной смене декораций на политической сцене. Англия принадлежит к тем роковым державам, с которыми нельзя завязывать не только вечного союза, но на которые нельзя даже твердо рассчитывать, потому что основы всех политических отношений в этой стране более изменчивы, чем во всех других государствах: они — результат выборов и создаваемого ими большинства. Некоторой гарантией против неожиданных перемен служит только государственный договор, доведенный до сведения парламента; но моя вера в эту гарантию также значительно ослабела после хитроумного толкования, приданного Англией договору о нейтралитете Люксембурга от 11 мая 1867 г.[6]

Если, таким образом, по моему мнению, германская дружба для того, кто ее добился, надежнее английской, то я все же полагаю, что при правильном руководстве германской политикой Англия скорее окажется в положении, когда ей практически понадобится наша дружба, чем нам английская. Под правильным руководством я подразумеваю, что мы должны не терять из вида заботы о наших отношениях с Россией только

потому, что чувствуем себя защищенными от русских нападений теперешним Тройственным союзом[7]. Даже если эта защита по прочности и длительности была бы несокрушимой, у нас все же не было бы никакого права и никакого основания ради английских или австрийских интересов *на Востоке* приближать германский народ к тяжелому и бесплодному бремени русской войны в большей степени, чем это вызывается нашими собственными германскими интересами и заинтересованностью в целостности Австрии. В Крымскую войну нам предъявлялись претензии, чтобы мы вели войну [в интересах] Англии, — подобно индийским вассальным князьям. Разве усилившаяся Германская империя стала более зависимой, чем при Фридрихе-Вильгельме IV? Быть может, лишь более податливой? Но в ущерб империи.

Склонность Каприви приписывать мне ответственность за сомнительные политические мероприятия, которые он проводил, несомненно, по приказанию свыше, например попытка приписать моей инициативе договор о Занзибаре[8], — меньше всего свидетельствует о его политической честности. 5 февраля 1891 г. он сказал в рейхстаге (стенографический отчет, стр. 1331):

«Я хочу остановиться еще на одном упреке, который нам неоднократно делали, а именно, что князь Бисмарк вряд ли заключил бы это соглашение. Сравнивали при этом теперешнее правительство с прежним, и сравнение оказывалось не в нашу пользу. Когда я вступил в должность и взял на себя продолжение таких переговоров, то даже если бы моим предшественником был не такой крупный деятель, я оказался бы человеком, совершенно забывшим чувство долга, если бы не убедился в том, что уже имеется налицо, каковы были намерения правительства в этом вопросе и какую позицию оно заняло. Ведь эта обязанность подразумевалась сама собой, и вы можете поверить мне, что этот долг я выполнил с большим усердием».

Я не знаю, каким образом Каприви ознакомился с этим вопросом. Если путем чтения документов, то из них он не мог вычитать, что я советовал заключить договор о Занзибаре. Фраза, что Англия для нас важнее Африки, случайно сказанная мною по отношению к скороспелым и преувеличенным колониальным проектам, может, при известных условиях, оказаться столь же правильной, как и положение, что Германия для Англии важнее, чем Восточная Африка; но в то время, когда заключался договор о Гельголанде, положение было иным. Англичанам вовсе не приходило в голову требовать или ожидать от нас отказа от Занзибара; наоборот, в Англии начали свыкаться с мыслью, что германская торговля и германское влияние растут там и в конце концов займут господствующее

положение. В самом Занзибаре англичане при первом известии о договоре были уверены, что известие это является ошибочным, так как непонятно, ради чего мы могли бы сделать такую уступку. Мы не стояли перед выбором между отстаиванием наших прав на африканские владения и разрывом с Англией. Не потребностью сохранить мир с Англией, а желанием обладать Гельголандом и оказать услугу Англии объясняется заключение договора. Итак, обладание этой скалой должно доставить удовлетворение нашему национальному самолюбию, но оно в то же время либо уменьшит нашу национальную безопасность против превосходящего французского флота, либо же вынудит нас превратить Гельголанд в Гибралтар. До сих пор на случай французской блокады наших берегов Гельголанд был защищен английским флагом и поэтому не мог быть использован французами в качестве угольной базы или склада продовольствия, но это будет иметь место, если в ближайшую войну с Францией остров не будет защищен ни английским флотом, ни достаточными укреплениями. На эти соображения, которые были выдвинуты в прессе, Каприви 30 ноября 1891 г. ответил речью в рейхстаге, которая, очевидно, должна была служить опровержением:

«Англия имеет интересы в различных частях света, ее владения рассеяны по всему земному шару, и в конце концов для Англии не так уже трудно было бы найти объект для обмена, который удовлетворил бы ее и за который она согласилась бы отдать Гельголанд. Представляю себе тот взрыв негодования,— а в этом случае я признал бы его справедливым, — если бы со временем либо перед самым началом будущей войны английский флаг был спущен на Гельголанде и менее дружественный флаг появился бы перед нашими гаванями».

Верил ли он сам в это?

Достойно внимания далее, что в его речи от 5 февраля 1891 г. заключалось противоречие, которое подвергает сомнению убежденность оратора в правдоподобии своих аргументов. Если бы он считал сам по себе договор объективно полезным, то не поддался бы искушению при помощи рискованных аргументов перенести ответственность за него на своего предшественника. Ему не нужно было бы делить со мной заслугу заключения выгодной сделки и для этого извлекать из документов мои заявления, которые по времени, поводам, по их связи и назначению не имели того значения, которое им придается. В речи 30 ноября 1891 г. он уже не ощущает потребности приписывать мне часть ответственности; он заявляет: одного этого года было вполне достаточно, чтобы показать, как правильно мы действовали.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В произведении древнегреческого эпоса — «Илиаде» Гомера военачальник ликийцев Главк, встретившись в сражении с царем города Аргоса Диомедом, вместо того чтобы вступить в бой, обменялся с ним оружием и доспехами. При этом, как говорится в «Илиаде» (песнь шестая), Главк

«... Диомеду герою доспех золотой свой на медный
Во сто ценимый тельцов, обменял на стоящий девять».
(*Гомер,* Илиада, М. — Л. 1935, стр. 227.)

[2] *Белль-Альянс* — деревня близ Ватерлоо. Сражением при Белль-Альянсе иногда называют сражение при Ватерлоо. Здесь 18 июня 1815 г. войска коалиции европейских держав под командой английского генерала Веллингтона окончательно разбили Наполеона, Большое значение для исхода сражения имело прибытие в разгаре боя прусской армии под командой Блюхера.

[3] В *Семилетней войне* (1756—1763) Англия выступила в качестве союзника Пруссии; однако в 1762 г. Англия отказалась возобновить договор о субсидиях Пруссии. В результате Пруссия оказалась в чрезвычайно тяжелом положении и была спасена лишь выходом России из войны после смерти Елизаветы Петровны и вступления на престол Петра III.

[4] Англия, Франция и Австрия заключили 3 января 1815 г. тайный союз, направленный против России и Пруссии.

[5] Наполеон, низложенный после занятия Парижа войсками коалиции, и подписавший 11 апреля 1814 г. акт отречения от престола, был сослан на остров Эльбу (в Средиземном море). 27 февраля 1815 г. он бежал с Эльбы, высадился на юге Франции и 20 марта, во главе перешедших на его сторону войск, без боя вступил в Париж. Людовик XVIII бежал из Парижа. Установилось правление Наполеона, известное под названием «Ста дней»; оно продолжалось до сражения у Ватерлоо, после которого Наполеон был сослан на остров св. Елены.

[6] *На Лондонской конференции* представителей Англии, Франции, России, Австрии, Бельгии и Голландии *11 мая 1867* г. был заключен договор, согласно которому первые четыре страны гарантировали «вечный нейтралитет» Люксембурга. Все военные сооружения в великом герцогстве подлежали уничтожению.

[7] *Тройственный союз* — союз Германии, Австро-Венгрии и Италии, образованный в мае 1882 г. В основе его лежал союз Германии и Австро-Венгрии, заключенный в 1879 г. После того как в 1881 г. Франция захватила Тунис, Италия присоединилась к союзу Германии и Австро-Венгрии. Тройственный союз неоднократно перезаключался (в последний раз в 1913 г.) и был расторгнут в 1915 г. Италией, выступившей в первой мировой империалистической войне на стороне Антанты.

[8] В своей речи в рейхстаге 5 февраля 1891 г. канцлер Каприви полемизировал против нападок на англо-германское соглашение об Африке. Коснувшись отношения Бисмарка к этому вопросу, Каприви заявил, что на одном из донесений, представленных Бисмарку в декабре 1888 г., имеется на полях пометка Бисмарка: «Англия для нас важнее, чем Занзибар и Восточная Африка».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР С АВСТРИЕЙ

Попытка Австрии использовать для получения экономических выгод тесные политические отношения с нами, установившиеся в силу германских традиций и развития, как уже упоминалось*, впервые проявилась во времена князя Шварценберга в форме стремления к Таможенному союзу[1], а затем настойчиво повторялась по различным поводам. Однако попытка эта сразу же потерпела неудачу ввиду невозможности найти правильное мерило для распределения между членами Таможенного союза таможенных доходов, получаемых от подлежащих обложению товаров, потребляемых населением[2]. Сознание невозможности полного таможенного объединения не смогло, однако, устранить естественного стремления [Австрии] поживиться за наш счет путем торговых договоров[3]. Ослабление монархической власти и нужда в парламентских голосах усиливают вожделения известных классов избирателей. В последние десятилетия преобладание в Австро-Венгрии получила венгерская половина империи, а галицийские голоса приобрели большую ценность, чем раньше, не только для парламентского большинства, но и для внешнеполитических возможностей. Аппетиты аграриев этих восточных областей Австрии приобрели влияние на решения правительства; и если последнее может эти аппетиты удовлетворить любезностью за счет Германии и ее неопытности, то оно, конечно, воспользуется каждой неудачной уступкой германской политики, чтобы выйти из внутренних затруднений и удовлетворить венгерских и галицийских аграриев. Издержки эти, поскольку они не будут покрыты германским добродушием, падут скорее на промышленные, чём на аграрные элементы Цислейтании[4], за вычетом Галиции. Эти элементы менее опасны для австрийской политики и менее способны оказать сопротивление, чем венгры и поляки, если бы

* См. т. I, стр. 253 (по второму тиражу — 298).

они были недовольны. Немцы послушнее властям и менее искушены в вопросах внутренней политики, чем другие национальности Австрии. Об этом свидетельствует доктринерский характер конституционной борьбы, которую хербстовские безвременники (Herbstzeitlosen)[5] вели вплоть до разрыва со своей же династией — этим самым естественным и самым сильным союзником немцев.

Таким образом, понятно, почему экономическая политика Дунайской империи обращает мало внимания на немецких промышленников и более считается с немецкими аграриями. При богемском расколе чехи также сильнее представлены у аграриев, а немцы — у промышленников. Неудивительно, что венгры, поляки и чехи довольны, когда об их интересах заботятся в первую очередь, а издержки этого оплачивают немцы, раньше всего в Цислейтании, но главным образом в Германии. Однако надо спросить, почему же имперское правительство предлагает в Вене принести в жертву германские аграрные интересы. Основания, приводимые в печати, будто необходимым последствием политического союза является процесс экономического слияния, — бессодержательная фраза, не имеющая никакого практического смысла. Ведь мы были в самой тесной политической близости с Россией, а в прошлом — и с Англией, несмотря на весьма затруднительные для обеих сторон таможенные условия. А германский союзный договор также и там, где он не совпадал с таможенным объединением, долгое время существовал при полном соблюдении сторонами взаимного доверия в отношении политических обязательств. Нашему союзному договору с Австрией к тому же не грозит опасность расторжения по ее инициативе, если бы мы отказались, как это имело место 40 лет тому назад[6], от уплаты хозяйственной дани в пользу Австро-Венгрии за ее возможную военную помощь. Если представить себе будущее Австрии, то она в большей мере нуждается в союзе с Германией, чем Германия — с Австрией. Если бы Австрия могла заменить дружбу Германии русской дружбой, то ей пришлось бы пожертвовать всеми своими стремлениями на востоке, которые делают из венгров врагов России. Сближение Австрии с Францией и даже с объединенными западными державами Крымской лиги поставило бы австрийскую монархию из всех участников [лиги] в наиболее уязвимое положение по отношению к России и Германии. Оно поставило бы Австрию перед лицом русских стремлений культивировать, в дружественном славянам духе, зародыши разложения, имеющиеся в большей части населения [Австрии]. Таким образом, союз с Германией, основанный на племенном чувстве, остается для Австрии всегда самым естественным и безопасным. Можно сказать, что этот союз является постоянной потребностью Австрии при любой ситуации.

Я, конечно, сожалел бы, если бы Германская империя вновь отказалась от союза с Австрией, на создание которого я употребил столько усилий, и тем самым вновь должна была бы добиваться полной свободы для своих европейских отношений. Но если бы наша политическая любовь к Австрии осталась бы без взаимности с ее стороны только потому, что мы не приносим ей экономических жертв, то я все же предпочел бы политику свободных рук, так как убежден в том, что если бы Австрия понимала наш союз в упомянутом смысле и пожелала бы в этом направлении его использовать, то он не был бы длительным и в решительный момент не оказался бы прочным. Самые лучшие союзы перестают давать ожидаемый при их заключении результат, если настроения и убеждения, при которых они заключены, потеряли свою силу к моменту, когда появился casus foederis [основание для использования союзного договора о военной помощи]. И если уже в настоящее время среди австро-венгерских аграриев господствует настроение, что союз с нами не имеет ценности, раз он не дает им финансовых выгод, то я опасаюсь, как бы к моменту выполнения обязательств наш договор не оказался столь же мало действенным, как и договоры 1792 и 1795 гг. Этот союз будет еще менее действенным, если в Германской империи к этому времени утвердится убеждение, что успех нашего союзного договора покоится на торговом договоре, который равносилен уплате Германией дани за сохранение союза, более необходимого Австрии, чем нам, и на обязательстве, основанном на обещаниях, которые австрийские государственные деятели сумели вынудить у представителей германских интересов во время дружественных переговоров в Силезии и Вене * [7], пользуясь своим более зрелым опытом и искушенностью в подобного рода делах. Возможно, что Вена в надежде на богатые чаевые торгово-политического характера приняла германских гостей еще более гостеприимно, чем это было бы в ином случае. Но общественное мнение нации все же произведет проверку германского счета. Быть может, это произойдет спустя годы, в неудобный момент; и, с учетом нанесенного нам ущерба, резко проявится мнение, что мы пострадали от вмешательства Австрии в наше внутреннее законодательство**.

* В корреспонденции из Берлина «Pester Lloyd» напомнил общеизвестный факт, что начало торговых договоров относится к моменту свидания в Ронштоке в 1890 г., и добавил, что новый канцлер вскоре по вступлении в должность получил свыше предписание о линии торговой политики. «Munchner Allgemeine Zeitung» комментирует это следующим образом: «Это сообщение подкрепляет неоднократно высказанное предположение, что действительным инициатором новой торговой политики является господин Микель и что последняя относится ко времени франкфуртского визита императора в ноябре 1889 г.» («Borsenzeitung», 16 декабря 1891 г.).

** Финансовый ущерб, отказ от таможенных пошлин на сумму в 40 миллионов ежегодно; центр, поляки, социалисты — друзья Каприви.

Методы, при помощи которых Австрия в Ольмюце и на Дрезденской конференции[8] воспользовалась по отношению к тогдашним прусским представителям превосходящим светским опытом князя Шварценберга, в значительной мере привели к ситуации, которая в конце концов исключила возможность искать решение в дружественном союзе.

Для того чтобы общественному мнению стали ясны ошибки, допущенные во внешней политике, как правило, требуется период, равный человеческой жизни; а Achivi qui plectuntur [греки, которые должны расплачиваться][9], не всегда бывают непосредственными современниками ошибочных действий. Задача политики заключается в возможно более правильном предвидении того, как поступят другие люди при данных обстоятельствах. Прирожденная способность к такому предвидению редко встречается в таком объеме, чтобы обойтись для своего проявления без известной степени делового опыта и знания людей. Я не могу отрешиться от чувства тревоги, когда думаю, в какой степени эти качества утрачены нашими руководящими кругами. Во всяком случае в данный момент Вена богаче этими качествами, чем мы, и поэтому справедливо опасение, что при заключении договоров интересы Австрии отстаиваются с большим успехом, чем наши.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В 1834 г. был образован германский *Таможенный союз,* руководящую роль в котором играла Пруссия. Весной 1852 г. Австрия пыталась добиться перезаключения союза на основе подчинения его австрийской гегемонии.

2 Между государствами, входившими в Таможенный союз, таможенные доходы распределялись пропорционально количеству населения каждого из государств.

3 После неудачных попыток добиться полного таможенного объединения Австрия в феврале 1853 г. заключила с Пруссией торговый договор.

4 *Цислейтанией,* т. е. страной, расположенной по левую сторону реки Лейты, называлась австрийская часть Австро-Венгерской монархии.

5 Herbstzeitlose — так назвал Бисмарк в своей речи в рейхстаге 6 июня 1882 г. сторонников австрийского министра и депутата Хербста «потому, что они никогда ничего не делали во-время» (игра слов: Herbstzeitlose — название цветка).

6 40 лет тому назад, т. е. в 1852 г., при отклонении Пруссией попытки Австрии войти в Таможенный союз.

7 Вильгельм II, после встречи с Францем-Иосифом в сентябре 1890 г. в Силезии, в октябре того же года посетил Вену.

8 В городе Ольмюце 29 ноября 1850 г. было заключено соглашение между Пруссией, Россией и Австрией. Под давлением России Пруссия должна была временно отказаться от стремления объединить Германию

под своим главенством; Пруссия соглашалась на восстановление Германского союза в том виде, в каком он существовал до революции 1848 г., т. е. при фактическом преобладании Австрии.

Дрезденская конференция — конференция немецких государей в Дрездене (главный город Саксонии) происходила с 23 декабря 1850 г. по15мая 1851г. Созванная по инициативе австрийского правительства, она должна была закрепить благоприятные результаты, полученные Австрией по Ольмюцскому соглашению.

9 «*Achivi qui plectuntur*» («греки, которые должны расплачиваться»)— цитата из «Посланий» римского поэта Горация. Полный текст цитаты: «За все безумства царей приходится расплачиваться грекам» (т. е. народу).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

ПИСЬМО КРОНПРИНЦА ФРИДРИХА-ВИЛЬГЕЛЬМА БИСМАРКУ

(См. выше, стр. 24)

Morris Castle, остров Уайт, 17 августа 1881 г.

Обращаюсь к вам с вопросом, как надо понимать газетные слухи: «Баден должен стать королевством»?

Вначале меня, как и многих других, забавляла эта утка, и я высмеивал это сообщение, как «развлечение мертвого сезона». Но так как об этом не перестают говорить, то я настораживаюсь! Правда, я слишком хорошего мнения о своем шурине и слишком уверен в его германском образе мыслей, чтобы предположить такую нелепость с его стороны. Но откуда же эта газетная болтовня? *

Вы знаете мое мнение относительно трех германских королевств, которые мы в самое позорное время получили от Наполеона I: он хотел навсегда закрепить этим раздробленность Германии. По собственному опыту вы лучше меня знаете, какие затруднения, больше того, какие неприятности ежедневно причиняют благосостоянию империи кабинеты этих государств, гордящиеся своим пустым титулом. Неужели же придется терпеть еще одну корону, которая усилит эти неприятности? Разве не значило бы это еще более унизить монархический престиж, и без того достаточно поколебленный в наше время, если бы мы возвысили маленькое государство, которое ничего не может сделать своими собственными силами и которое, следовательно, не способно придать королевской власти ни мощи, ни силы. Но прежде всего, какое оправдание мы нашли бы в глазах немецкого народа, если бы сами же сознательно допустили возникновение такого препятствия для единства Германии, которое и без того укрепляется лишь крайне медленно!

Я позволяю себе говорить с вами так же откровенно, как я это делаю с глазу на глаз в вашей комнате в Берлине. Если же, боже упаси, что-нибудь на самом деле затевается, то вы уже сейчас уполномочены оповестить о моем категорическом

* Замечание Бисмарка на полях: «Роггенбах».

«нет» против провозглашения баденского [герцога] королем. А засим прошу вас немедленно сообщить мне о положении дела, чтобы я мог в него активно вмешаться; надеюсь, что, не выслушав меня, никаких решений не примут.

Шлецер, говорят, вернулся из Рима. Мне было бы интересно узнать, каковы его впечатления и можно ли что-нибудь предпринять в связи с его пребыванием [1].

Я покидаю Лондон 23, в Брюсселе буду 24, 25 — в Кобленце, 27 — во Франкфурте-на-Майне и с 28 по 30 — в Баварии, после чего 1 сентября приеду в Берлин.

Надеюсь, вы отдохнули в Киссингене и окрепли, а главное, забыли ваши весенние боли. Здесь парламент испытывает муки сомнения и страха, принять ли аграрный билль [2], который считается для Ирландии необходимым злом, во избежание предстоящей зимой еще худших бесчинств, чем до сих пор. Некоторые лорды воздержались от голосования, исчезнув на своих яхтах или уехав на охоту; другие выступают против билля, но голосуют за него.

Мы чувствовали себя очень хорошо на море и у моря, в этой прекрасной местности, которую я покидаю, чтобы сначала повидать баварцев, затем ганноверцев, Западную Пруссию и, наконец, Шлезвиг-Гольштейн. Горю желанием узнать, действительно ли «жемчужина Меппена» [3] станет министром Брауншвейга во славу вельфской agitation [агитации]!1

Глубоко преданный вам
Фридрих-Вильгельм, кронпринц.

II
ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ МИНИСТЕРСТВА ОТ 17 МАРТА 1890 г.

(См. выше, стр. 77)

Берлин, 17 марта 1890 г.

Конфиденциальное совещание королевского Государственного министерства.

Присутствуют:

Президент Государственного министерства, имперский канцлер князь фон Бисмарк;

Вице-президент Государственного министерства, государственный министр доктор фон Беттихер;

Королевские государственные министры: фон Майбах, доктор барон Люциус фон Балльгаузен, доктор фон Госслер, доктор фон Шольц, граф фон Бимарк-Шенгаузен, Геррфурт, доктор фон Шеллинг, фон Верди, барон фон Берлепш;

Младший статс-секретарь, действительный тайный советник Гомейер.

Господин министр-президент пригласил Государственное министерство в свою служебную квартиру на конфиденциальное совещание и сообщил ему, что он сегодня подал его величеству императору и королю прошение об увольнении с занимаемых им должностей, удовлетворение которого является вероятным.

Он вынужден усомниться в возможности впредь нести возложенную на него конституцией ответственность за политику его величества, так как его величество не оказывает ему необходимого содействия.

Он был поражен уже тем, что его величество принял окончательные решения о так называемом законодательстве об охране труда, не запросив предварительно ни его, ни Государственное министерство. Он тогда же выразил опасение, что подобная политика во время выборов поведет к волнениям в стране, возбудит несбыточные надежды, повлияет на выборы и, ввиду невыполнимости вызванных надежд, в конечном счете подорвет престиж короны. Он надеялся, что единодушный протест Государственного министерства побудит его величество отказаться от провозглашенных намерений, но не встретил такого единодушия в Государственном министерстве, а вынужден был убедиться, что многие считают целесообразным согласиться с проектом его величества.

Уже одно это заставило его усомниться в том, обладает ли он еще как президент Государственного министерства прочным авторитетом, которым он пользовался в свое время в силу доверия, оказанного ему его величеством императором Вильгельмом 1. Ныне император договаривается, помимо него, не только с отдельными господами министрами, но даже с советниками подчиненных ему министерств. Господин министр торговли, без согласования с ним, делал его величеству личные доклады. В интересах укрепления единства коллегии министров он сообщил названному господину министру о неизвестном до сих пор последнему высочайшем приказе от 8 сентября 1852 г., а затем, убедившись на заседании Государственного министерства от 2-го сего месяца, что приказ этот вообще известен не всем господам министрам, он распорядился препроводить каждому копию и в сопроводительном письме подчеркнул, что приказ относился только к тем личным докладам, которые имеют своей целью изменение законодательства и существующих правовых отношений.

В таком толковании, при соблюдении надлежащего такта, приказ содержит не более того, что безусловно необходимо для нормальной деятельности всякого президента Государственного министерства. Ему неизвестно, из какого источника его величество был осведомлен об этом факте; но его величество импера-

тор повелел ему принять меры к отмене приказа, препятствующего министрам делать личные доклады императору. Он [министр-президент] разъяснил, что таких препятствий для господ министров приказ не создает; из него вытекает — самое большее — необходимость присутствия канцлера при таких докладах. Его величество во всяком случае всегда волен высказаться против министра-президента и в пользу министра соответствующего ведомства. Приказ необходим, и отказаться от него он менее всего может теперь, после того как только что напомнил министрам о его существовании.

Одно это разногласие само по себе не побудило бы его к отставке; в еще меньшей степени могли его побудить к этому разногласия по рабочему вопросу. В этой области он со своей стороны добросовестно способствовал осуществлению инициативы императора; поддержка этого вопроса в дипломатическом порядке и прием международной конференции в его служебном помещении свидетельствуют о его содействии работам последней.

Дальнейшие признаки недостаточного доверия его величества императора к нему проявились в упреке, что он [министр-президент] не должен был принимать депутата Виндгорста без высочайшего разрешения. Он принимает принципиально всех депутатов, и когда Виндгорст обратился к нему с такой просьбой, он согласился принять его; благодаря этому он имел возможность полностью ознакомиться с его намерениями. Он не может подчинить контролю его величества свои личные сношения по службе и вне ее.

В своем решении подать в отставку от всех своих должностей он укрепился после того, как убедился сегодня, что не может более представлять также и внешнюю политику его величества.

Несмотря на свое доверие к Тройственному союзу, он никогда не упускал из виду возможности прекращения его действия. В Италии монархия не отличается особой прочностью; согласию между Италией и Австрией угрожает ирредента; в Австрии, несмотря на испытанную непоколебимость ныне правящего императора, настроение может измениться; в позиции Венгрии никогда нельзя быть уверенным: она может и себя и Австрию впутать в такие распри, от которых мы должны держаться подальше. Поэтому он всегда стремился не уничтожать мост между нами и Россией. Ему удалось в такой степени укрепить миролюбивые намерения русского императора, что вряд ли приходится опасаться войны с Россией, которая даже при победоносном ее исходе ничего не даст. В крайнем случае там оказали бы нам противодействие, если бы при победоносной войне с Францией мы потребовали от последней территориальных уступок. Россия заинтересована в сохранении Франции как великой державы, так же как мы — Австрии.

Между тем германский консул в Киеве прислал 14 подробных донесений, в общей сложности составляющих около 200 страниц, о русских делах; некоторые из них касаются военных мероприятий. Часть этих донесений — политического характера — канцлер вручил его величеству; другие — военного характера — он направил в главный генеральный штаб в предположении, что последний, если это потребуется, в зависимости от содержания донесений, доложит их его величеству; остальные донесения он направил в установленном делопроизводством порядке для того, чтобы они были ему прореферированы.

Сегодня к нему поступила следующая собственноручная записка его величества:

«Донесения с совершенной ясностью показывают, что русские находятся в разгаре стратегической подготовки для вступления в войну. Мне приходится весьма сожалеть, что я получил столь незначительную часть киевских донесений. Вы уже давно могли обратить мое внимание на угрожающую нам страшную опасность. Давно пора предупредить австрийцев и принять контрмеры. При таких обстоятельствах, конечно, нечего и думать о моей поездке в Красное.

Донесения превосходны [подпись] *В.*»

В этой записке содержится, во-первых, упрек в том, что он утаил донесения от его величества и своевременно не обратил внимания его величества на опасность войны; а далее высказываются мнения, которых он не разделяет, что со стороны России грозит «страшная» опасность, что надо предупредить Австрию и принять контрмеры и, наконец, что следует отказаться от возвещенного императором посещения русских маневров.

Он вообще не обязан представлять его величеству всех донесений, которые к нему поступают; ему принадлежит право отбора, в зависимости от содержания и того впечатления, которое донесение может оказать на его величество, за что он [канцлер] несет ответственность. В данном случае он произвел отбор с лучшими намерениями и должен усмотреть в записке императора незаслуженное, оскорбительное недоверие.

Он остается и ныне непоколебимо убежденным в миролюбии императора России, а потому не может отстаивать мероприятия, которых требует его величество.

К тому же он узнал, что его величество император, ранее одобривший его позицию по отношению к рейхстагу и к возможному его роспуску, ныне держится того мнения, что военный законопроект должен быть внесен лишь в таком виде, чтобы можно было рассчитывать на его принятие. Господин военный министр еще недавно высказался за внесение законопроекта в целом, и это тем более правильно, раз собираются принимать

еще контрмеры против русских вооружений и ожидают с этой стороны опасности.

Согласно сказанному, он полагает, что между ним и его коллегами нет больше полного единодушия и он уже не облечен в достаточной степени доверием его величества. Его радует, если король прусский изъявляет желание править самостоятельно; он сам признает невыгодность своей отставки для государственных интересов и не стремится к праздной жизни, так как его здоровье сейчас вполне удовлетворительно; но он чувствует, что он стоит на пути императору, что его отставка желательна его величеству, а потому он был вправе испросить отставку.

Господин вице-президент Государственного министерства заявил, что он и, несомненно, все его коллеги глубоко огорчены этим сообщением. До сих пор он надеялся, что разногласия между его величеством и господином министром-президентом имелись только в области внутренней политики и что указанный недавно его светлостью выход — ограничиться руководством внешней политикой — окажется подходящим разрешением вопроса. Отставка его светлости от всех должностей означает неисчислимые трудности, и хотя он понимает недовольство его светлости, но настоятельно просит найти, если возможно, средство для примирения.

Господин министр-президент заметил, что такой выход, как оставление им прусской государственной службы и сохранение одного лишь поста имперского канцлера, встретил сомнения у союзных правительств и в рейхстаге. Там желают, чтобы имперский канцлер обладал официальным положением, при котором он руководит подачей прусских голосов. При этом для него неприемлемо такое положение, при котором ему придется получать инструкции от прусского государственного министерства, в разработке которых он не принимал участия. Следовательно, и этот недавно им самим предложенный выход не обошелся бы без затруднений.

Господин министр финансов заявил, что приказ от 8 сентября 1852 г., особенно после пояснений, сделанных в препроводительном письме господина министра-президента, нисколько не выходит за пределы действительной в нем потребности. Этот приказ не может вызвать непреодолимых затруднений. Что касается затруднений в области внешней политики, то [министр финансов] может лишь присоединиться к просьбе господина государственного министра фон Беттихера о необходимости примирения. Впрочем, если отставка его светлости последует не ввиду состояния его здоровья, на что еще недавно ссылались, а по политическим причинам, и притом от всех должностей, то Государственному министерству придется все же обсудить, не должно ли оно присоединиться к этому шагу.

Быть может это способствовало бы предотвращению этого рокового события.

Господа министры вероисповеданий и юстиции заметили, что по доложенным здесь пунктам разногласий речь идет лишь о недоразумении, которое можно разъяснить его величеству; а господин военный министр добавил к этому, что он давно уже не слышал от императора ни одного слова, которое имело бы какое-либо отношение к военным осложнениям с Россией.

Господин министр общественных работ заявил, что отставка его светлости была бы национальным бедствием для безопасности страны и для спокойствия Европы. Надо использовать все средства, чтобы этого избежать. Если это произойдет, то все министры, по его мнению, должны представить свои портфели в распоряжение его величества. Он, по крайней мере, решил так поступить.

Господин министр сельского хозяйства заявил, что если господин министр-президент убежден, что его отставка желательна его величеству, то от этого шага отговаривать не следует. Во всяком случае Государственное министерство должно обсудить, что оно со своей стороны должно предпринять в этом случае.

Господин министр торговли заметил, что его особа не имеет отношения к данному вопросу; но в связи с замечанием господина министра-президента по поводу его личных докладов императору он просил бы разрешения пояснить, что эти доклады не затрагивали никаких новых вопросов, а касались лишь высочайшего указа от 4 февраля сего года, который он уже застал при вступлении в свою должность. При этом его доклады ограничивались исключительно общими вопросами законодательства об охране труда, которого касается упомянутый высочайший приказ. Высочайший приказ от 8 сентября 1852 г. не встречал с его стороны возражений, и он не упоминал о нем его величеству.

Господин министр-президент ответил, что он вполне убежден в том, что господин министр торговли был далек от того, чтобы действовать против него.

Господин военный министр заметил, что в приказе от 8 сентября 1852 г. особо оговорено, что он не распространяется на текущие доклады военного министра. Но даже независимо от этого он, конечно, по всем важнейшим вопросам своего ведомства поддерживал связь с господином министром-президентом.

Господин министр-президент ответил, что он ценит коллегиальное поведение господина военного министра, после чего объявил заседание закрытым.

[Подписали]: князь фон Бисмарк, фон Беттихер, фон Майбах, барон Люциус фон Балльгаузен, фон Госслер, фон Шольц, граф фон Бисмарк, Геррфурт, фон Шеллинг, фон Верди, барон фон Берлешп. [Подпись] Гомейер.

ПИСЬМО ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТА ФОН БИОСИНГА ГРАФУ ГЕРБЕРТУ БИСМАРКУ

(См. выше, стр. 111)

Мраморный дворец, 22 июня 1888 г.

Ваше превосходительство.

Честь имею по высочайшему повелению почтительно довести до вашего сведения, что его величество император и король ознакомился со статьями различных берлинских газет, которые самым неприятным образом затронули его величество.

Главным образом это касается статьи в вечернем издании «Berliner Tageblatt» от 20-го сего месяца, затем статей в «Berliner Zeitung» и «Berliner Presse» от 21 июня. Эти газеты хотят уверить общественное мнение в том, что между его величеством и князем имперским канцлером произошла размолвка из-за генерал-квартирмейстера графа Вальдерзее. Можно установить некоторую аналогию в отношении намерений этих статей с теми статьями, которые были помещены в свободомыслящих газетах перед внезапной отставкой министра фон Путткамера.

С одной стороны, статьи эти, и в особенности статья в «Berliner Tageblatt», направлены как будто против самого князя имперского канцлера; с другой — они хотят, повидимому, уверить, что и сейчас в руководящих правительственных кругах существуют или намечаются трения, подобные тем, о которых неоднократно сообщалось в газетах* во время непродолжительного правления покойного императора.

Так как затронутый в статьях вопрос касается внешней политики и представляет жгучий интерес для всего мира, то иностранная печать, несомненно, в той или иной мере отметит содержание статей. Поэтому его величество считает целесообразным, чтобы ваше превосходительство с помощью близкой правительству печати дали правильное освещение затронутому вопросу и оказали энергичный отпор этим нападкам газет.

Его величество уполномочил меня заверить ваше превосходительство, что, как раньше, так и теперь, его величество стоит на точке зрения, изложенной его величеством князю имперскому канцлеру в мае текущего года, что несмотря на то, что он высоко ценит графа Вальдерзее, он никогда не допустит его неправомочного влияния на внешнюю политику; что в его правление не будет существовать придворной камарильи; наоборот, он убежден, что среди людей, облеченных его доверием и находящихся на его службе, нет группировок и что все они следуют за ним по пути, который ведет к целям, признанным его величеством правильными.

Вашего превосходительства преданный слуга барон фон Биссинг, подполковник и флигель-адъютант.

* Но которые не имели места.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 По поручению Бисмарка *Шлецер* в 1881 г. вел в Риме переговоры с папой о прекращении культуркампфа и о примирении с католической церковью.

2 Речь идет об ирландском аграрном билле Гладстона в 1881 г. Создание Земельной лиги в Ирландии в 1880 г. дало толчок развитию «аграрных волнений» в Ирландии. Под давлением массового движения ирландских крестьян Гладстон вынужден был провести аграрный закон 1881 г., давший ирландским крестьянам так называемые три «F» («fair rent, fixity of tenure, free sale»), т. е. «справедливую арендную плату, долгосрочную аренду, право свободной продажи земли».

3 Под *«жемчужиной Меппена»* подразумевается лидер партии центра Виндгорст, который был депутатом рейхстага от избирательного округа Линген — Меппен.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ПРИМЕЧАНИЙ ТОМА III

УКАЗАТЕЛИ
К ТОМАМ I-III

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

А

* Цифры, взятые в скобки, указывают страницы второго тиража тома I.

Б

В

Г

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Я

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРПЫХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

П

К

П

Р

С

Т

Я

ПРЕДМЕТНЫЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

А

---

* Цифры, взятые в скобки, указывают страницы дополнительного тиража т. I.

Б

В

Г

Д

Е

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Г

С

Т

У

Ф

Ш

Э

Ю

Я

ОГЛАВЛЕНИЕ*

ТРЕТИЙ ТОМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

* Перевод с немецкого.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Приложения

Указатели к томам I—III